
Ива Михаэль

Леди Шир

Роман

Э.РА

2016

Ива Михаэль

Леди Шир

«Э.РА»

2016

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Михаэль И.

Леди Шир / И. Михаэль — «Э.РА», 2016

ISBN 978-5-00039-233-1

На самом деле, я не знаю, чем закончится история. Она пришла ко мне и попросила рассказать о ней – Леди Шир: про Эфраима; про маленькую бледную Марту. Расскажу по порядку. В некотором царстве, в некотором государстве жила была Леди Шир, одинокая и не очень-то молодая. День её сегодняшний был похож на день вчерашний, вечера повторялись, но утро одно отличалось от утра другого. Она любила утро. Этим утром в её постели был песок, он подсох и осыпался с подола её платья...

УДК 821

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-00039-233-1

© Михаэль И., 2016

© Э.РА, 2016

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	53
Глава 5	59
Глава 6	90
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Ива Михаэль

Леди Шир

Часть первая

Глава 1

12.1.2009

На самом деле, я не знаю, чем закончится история. Она пришла ко мне и попросила рассказать о ней – Леди Шир: про Эфраима; про маленькую бледную Марту. Расскажу по порядку.

В некотором царстве, в некотором государстве жила была Леди Шир, одинокая и не очень-то молодая. День её сегодняшний был похож на день вчерашний, вечера повторялись, но утро одно отличалось от утра другого. Она любила утро. Этим утром в её постели был песок, он подсох и осыпался с подола её платья. Леди Шир легла вчера спать, не снимая платья. Вечером был дождь, когда она возвращалась домой. Это было так похоже – как когда-то давно, на берегу океана, ещё в прошлой её жизни, когда она была в любви; и так же была весна. Леди Шир и её муж спустились к берегу океана. На берегу стояла большая крытая кровать, застеленная зелёным. Шир даже не подошла к воде, было ветренно и холодно, а он разделся догола и побежал навстречу волне. Когда он вернулся, Шир смыла с его тела соль океана тёплой водой. Теперь она уже не помнила, откуда у них тогда была тёплая вода на берегу океана. Леди Шир многое уже забыла – для женщины, которой было немногим за сорок, память у неё была ни к чёрту. И она теперь не помнила, как получилась вода тёплой холодным мартовским днём на берегу океана. Вот этой тёплой водой она и намочила подол платья, а потом ещё налип песок. Они лежали с мужем в зелёной постели под зелёным балдахинном, Шир оставалась в платье с промокшим подолом, а её муж был полностью голым. Они молчали, океан уж слишком шумел. И теперь утром, когда в её постели опять был песок с мокрого подола и уже не было мужа – у неё не рвалось сердце от печали, ей не хотелось плакать, она не искала его, и ей не казалось, что он живёт где-то в другом мире и ждёт её, и она не специально вчерашним вечером легла спать в мокром платье, когда увидела, что мокрый край платья в песке. Её зовут Леди Шир, и это её утро. Тумана не было, и не было пасмурно, дул ветер и светило солнце, стеклянное мартовское солнце, от которого к полудню болит голова.

Эфраим стоял у первых ворот монастыря и благодарил Леди Шир, а она лишь улыбнулась в ответ и сказала:

– Извините, меня ждут, я должна идти.

Её тихая улыбка, когда изменяется форма бровей, она часто пользовалась такой улыбкой, и когда самой приходилось извиняться, и в любой другой момент, когда любые слова обречены на провал. В большинстве случаев улыбка делала своё дело, она избавляла от надобности объяснений. И ещё людям она нравилась, эта её улыбка. Они, не понимая того, сами искали повода вновь встретить её. Так вот и Эфраим – он смотрел ей вслед, и когда Леди Шир проходила вторые ворота, она оглянулась и пожелала ему хорошего дня. И день его, в общем-то, получился хорошим, несмотря на утренние нападки настоятельницы монастыря. Этим утром Эфраим опоздал, и хлеб успел остыть, за что настоятельница отругала его, напрягая бесцветное безбровое лицо:

– Хлеб должен быть горячим, горячий – значит, свежий!

И вот, в этот момент появилась Леди Шир, она коснулась руки настоятельницы и вкрадчиво сказала:

– Не нужно, этого оно не стоит, – и улыбнулась так, как она умела это делать.

Настоятельница притихла, она почувствовала в Шир союзницу, которая тоже осуждает пекаря за опоздание и за недостаточно свежий хлеб. Какое-то время настоятельница оставалась ещё строгой и безликой, а когда строгость, как судорога, искажающая черты, улетучилась, лицо её вновь стало неподвижным и совершенно открытым, как бы выставляющим напоказ увядание бесполезной плоти. Настоятельница ушла, думая уже совершенно о другом. Леди Шир осталась послушать слова благодарности Эфраима из хлебопекарни. Маленькое утреннее происшествие доставило ей удовольствие, и она не пыталась это от себя скрыть. За вторыми воротами монастыря, где Эфраим уже не мог разглядеть в точности выражения её лица, Леди Шир улыбнулась самой себе. Каждое слово, которым бы она попыталась объяснить свою маленькую радость, было бы недостаточно деликатным. Где же найти слова среди красивых и так, чтоб было понятно, что сегодня утром настоятельница, которая пожертвовала большую часть своей жизни Создателю, показала себя недоброй женщиной, обругав человека, выпекающего хлеб, да и к тому же на глазах у воспитанниц? И вот появляется она, Леди Шир, разбивая чёрными сапожками фалды строгого платья. Какими словами объяснить, и надо ли вообще, что Создатель – Он не святой, Он наслаждается, услаждая нас, Ему не нужны жертвования, Он хочет видеть нас в удовольствии. Леди Шир была полна уверенности в том, что замысел Творца ей давно понятен – наслаждаться жизнью, какой бы она ни была, и нет другого смысла нашему пребыванию.

Марта, воспитанница монастыря, девочка одиннадцати лет (с днём рождения, Марта) с грустным лицом: «Добрый Бог, сделай так чтоб мой день рождения был летом, как у Клер». Да, Клер была счастливой девочкой. Родители отдали её на воспитание в монастырь, чтобы приумирить её непокорный нрав. Многие девочки ей завидовали и пытались подражать. Марте тоже нравилась Клер и особенно день её рождения, когда накрывали длинные столы в саду под окнами монастыря. Это всегда был солнечный день, и ложки казались золотыми на белых скатертях. Летом вообще всё выглядело по-иному, и монастырь не казался мрачным, когда его стены скрывала зелень листвы. Но Добрый Бог был занят более важными делами и не слышал просьбу маленькой Марты, хотя она и просила Его перенести день её рождения в тёплый месяц года. А март – он холодный месяц, простуженное небо частенько плачет дождём, дует сырой ветер и светит фальшивое холодное солнце. Этим утром Марта, наверно, опять получит в подарок восковую доску для рисования или альбом для гербария – подарок от отца. А что ещё он мог подарить, если всякая вещь, пересекающая вторые ворота монастыря, подвергалась строгой проверке? И потом, прошло немало времени с тех пор, как Марта оставила дом, отец не знал её интересов, не понимал её настроения, и когда навещал её, им не о чем было говорить. Это его мучило, он силился придумать тему для разговора, и так, чтобы не задеть чувства дочери, которую в раннем возрасте выслали из дома. Но Марта держалась молодцом, казалось, ей совсем не мешало, что отец молчит и то и дело переводит дыхание, она не перебирала подол платья и не тупила взгляд на туфли. Марта сидела на скамейке рядом с отцом и молча смотрела то на деревья, то на небо, то на проходивших мимо, и когда отец говорил, что ему пора уходить, она просила его остаться ещё немного: «...посиди ещё немножко, пап...» – и при этом она как будто его не замечала. Иногда отцу казалось, что она издевается над ним, но он был согласен терпеть, он чувствовал свою вину перед Мартой, поэтому и не любил встречаться с ней. Ему и в голову не приходило, что Марта просит его остаться из вежливости, он привык считать её ребёнком или зверьком, который живёт инстинктами. Мать Марты умерла во время родов, красивая молодая женщина с невинным детским лицом и печалью в глазах. Марта повторила красоту матери, те же голубые глаза, окружённые лёгкой тенью, и восковая бледность. Но почему-то с теми же чертами мать выглядела взрослым ребёнком, а Марта –

маленькой женщиной. После смерти жены отец Марты погрузился в глубокое отчаяние, он любил свою жену и не был готов потерять её так скоро. Малышку забрала сестра отца, у неё уже были свои трое детей – «Где трое там и четверо...», она была доброй, жизнерадостной и устроенной. Но полгода спустя отец Марты вернулся в своё нормальное состояние и спустя ещё полгода женился на черноглазой Карин, она наполнила дом смехом, запахом корицы и других экзотических пряностей. Карин настояла на том, чтобы забрать Марту от её тётки и вернуть в дом. А когда у Карин родилась пара чудесных близнецов, она убедила мужа, что девочку надо отдать на воспитание в монастырь. Отец не был в мире с собой, когда согласился на это, но ему не хотелось нарушать идиллию его отношений с женой. «Драгоценный мой, ты же видишь, как я люблю нашу Марту, позволь мне позаботиться о ней», – так говорила Карин, когда укладывала вещи Марты в чемодан.

В узком коридоре их платья соприкоснулись: «Привет, Шир», – Марта сказала это очень тихо. «С днём рождения, принцесса!» – шёпотом произнесла Шир. Марта приостановилась, оглянулась, затем перевела взгляд на Шир: «...и это всё?» Шир притворилась строгой: «Иди на урок, всё потом». Это звучало намного лучше, чем выглядела восковая доска. Каждая из них пошла в свою сторону по узкому коридору, и никто ничего не заметил. До знакомства с Шир школа при монастыре навевала на Марту тоску, и когда отец спрашивал «Ну, как учёба, как подружки?», Марта с безразличием отвечала: «Всё хорошо, пап, а мне ещё тут долго быть?». Отец начинал тяжело дышать, и Марта понимала, что ответа не будет, и начинала думать о чем-нибудь своем, что не оставляло вопросов без ответа.

Для Марты этот день был особенно долгим, ей не терпелось остаться наедине с Шир, но постоянно кто-нибудь крутился поблизости. Шир большую часть дня, как и другие свои дни, провела на кухне, ещё надо было подготовить праздничный стол в мрачной столовой в честь дня рождения Марты. После обеда Марта прокралась на кухню, где была Шир, не часто им удавалось побыть вдвоём. Марта с разбегу запрыгнула ей на руки и обвила её руками и ногами. Шир поцеловала Марту: «С днём рождения, моя девочка!» Марта прижала ладонки к щекам Шир: «Это твой подарок мне?»

– Какой подарок?

– Ну, твой поцелуй...

Шир рассмеялась:

– Тогда у тебя их будет два, – сказала она и показала Марте два пальца, Марту это развеселило.

– А теперь слезай с меня, – сказала Шир, – ты тяжёлая.

– Я не могу быть тяжёлой, посмотри какая я худая, – Марта выставила перед лицом Шир свою худую руку.

– Если слезешь с меня, получишь второй подарок.

Марта прыгнула на пол, но продолжала обнимать Шир.

– ...а какой второй?

Шир расстегнула верхние пуговицы на своём платье. На нижней блузке у нее была приколата маленькая брошка. Шир отстегнула брошку и протянула её Марте:

– Возьми, это тебе.

Марта зажала брошку в кулаке, даже не рассмотрев её как следует:

– Ух ты, брошка... Откуда она у тебя, Шир?

– Уже не помню.

Марта забралась на скамейку, её ноги не доставали до пола.

– Тебе твоя мама оставила эту брошку или муж подарил, или кто ещё...? – Марте казалось, что если она её спросит, то Шир подумает и вспомнит, но она никогда не вспоминала.

– Ну что ты хочешь от меня услышать? Брошка всегда была моя, а теперь она твоя.

– Шир, а когда у меня вырастут такие груди как у тебя?

- Если будешь так мало есть, то нескоро.
- Я нормально ем.
- Нет, Марта, ты очень мало ешь, ты уже становишься прозрачной.

Марта вздохнула и опустила глаза:

- Да, Шир, ты права, я мало ем и ещё я плохо сплю ночами.

Шир подошла к Марте и опустилась перед ней на колени.

- Почему ты плохо спишь, ты больна, что-то болит у тебя?

Марта покрутила головой:

- Нет, Шир, я думаю.
- О чём ты думаешь, Марта? Ты должна спать ночами.
- Я люблю тебя, давай сбежим?

Шир понимала, что если она сейчас обнимет Марту, то та расплечется, поэтому она встала и отошла в сторону:

- Я тоже люблю тебя, девочка, но мы не можем.

Марта не была замкнутым ребёнком, напротив, она была общительна и легко заводила дружбу с ровесниками. Но она никогда не была инициатором игр, разговоров и дружб. И если понаблюдать за ней, то начинаешь замечать, что общаясь с подружками, она делает всё то же, что и они, – смеётся, подпрыгивает, но при этом как бы ждёт, чтобы её оставили в покое. Шир давно это заметила, еще до того как началась их дружба. Леди Шир, выполняя свою каждодневную работу в монастыре, наблюдала за Мартой. Леди Шир наблюдала за всеми, кто попадался в поле её зрения, но Марта была её любимым объектом.

Леди Шир не была монахиней, она работала при монастыре, хотя мысль остричься приходила к ней не раз. Может, именно поэтому она и пришла в монастырь. Настоятельница, умная и проницательная женщина, отговорила Шир от пострига, но в помощи не отказала. Шир рассказала ей про смерть мужа, про одиночество, про плохую память. Настоятельница слушала её внимательно и терпеливо, виду не подавая, что эту историю она слышит от Шир уже не впервые.

- Ты не можешь быть монахиней, Шир, в тебе нет смирения.

- Я готова на любые лишения, я всё могу терпеть.

– Нет, Шир, монашество – это не лишение и не то, что приходится терпеть, это дар успокоения, и не каждому он дан. А ты, Шир, жаждешь наслаждений и способна получить их даже из капли воды. Но я тебя не гоню, всякий пришедший к Богу будет услышан.

- Но Он меня не слышал, я уже обращалась к Нему и раньше.

– Возможно, Он решил, что ты и сама справишься. Наверное, Он позволил тебе использовать собственные силы, которые Он же и дал тебе при рождении. Посмотри на себя, Шир, ты полна жизни.

- Да, но моего мужа нет среди живых.

– Ни ты, ни я, – мы не можем знать, почему Его решение было таким, почему Он позволил умереть твоему мужу. Не задумывайся над этим уж слишком, понимание вещей придёт само.

Сказав это, настоятельница накрыла руками неподвижные руки Шир, и в этот момент Шир вспомнила про свои руки. Настоятельница ушла, не добавив ни слова. Шир осталась сидеть у входа в монастырь. Позже к ней подошла монахиня и проводила внутрь монастыря, она показала Шир её комнату и, к большому удивлению Шир, монахине уже было известно её имя. Но Шир не осталась жить в монастыре, она приходила утром и уходила вечером. Холодными дождливыми вечерами, наполняя ванну горячей водой в своей уютной квартирке, которая была на последнем третьем этаже в доме, где нижние два занимала швейная фабрика, Шир залезала в ванну, держа в руке бокал вина, вот в такие моменты Шир понимала, насколько она, настоятельница, права, и она, Шир, должна быть ей благодарна: «Что скажешь, Шир? Не

так всё и плохо, могло быть хуже, гораздо хуже, Шир, моя бедная Шир». Комната наполнялась паром, в котором витал запах вина. «Каким завтра будет утро, кем я проснусь завтра?»

Вечером, когда Шир возвращалась домой, Эфраим ждал её за воротами монастыря.

– Я принёс вам свежий хлеб.

Эфраим – немолодой грузный мужчина, выглядел взволнованным:

– ... спешил, боялся, не застану вас.

Леди Шир поблагодарила Эфраима, но он не спешил отдавать ей хлеб, ему хотелось поговорить. Шир, недолго думая, пригласила его к себе.

– А как она накинулась на меня сегодня утром?! Хорошо вы вмешались, Леди Шир.

– Она, в общем-то, хорошая, просто разозлилась на саму себя за то, что разозлилась на вас... примерно так.

Шир не очень-то следила за тем, что говорит, она рассматривала лицо Эфраима. Они сидели друг напротив друга, пили чай и ели свежий хлеб. Когда они находились ещё на улице, Эфраим не казался ей таким крупным и незнакомым – «... глаза слишком тёмные, а линия рта... её просто нет». Шир представила губы Марты, тонкие уголки рта, когда она улыбалась, линия губ менялась – глядя на такое, восхищаешься кистью Творца. Рот Эфраима был округлым, в какой-то момент Шир пожалела, что пригласила его. Начинала болеть голова. Шир оставалась в платке и не поменяла уличную обувь на домашнюю. Шир выглядела добродушной и гостеприимной, она к себе располагала, и мало бы кто заметил, и уж, конечно, не Эфраим, что мысли Шир далеки от того, о чем она говорит. Она убедила себя не вычёркивать этот вечер: «...ничего такого, не так часто у меня бывают гости, один вечер не жалко, и потом, он всё равно когда-нибудь уйдёт, как долго бы он тут ни сидел». Шир представляла, как откинет край одеяла, заберётся в постель и поплывёт на волнах воспоминаний. С годами её воспоминания меркли, и Шир начинало казаться, что живёт она непозволительно долго. Она забывала не только события, но и чувства, эмоции. Случалось, наблюдая за людьми, Леди Шир уже не понимала их волнений. Эфраим рассказал о своей жене, у которой «доброе сердце», про двух его взрослых дочерей, которые «совершенно не похожи друг на дружку, и обе хороши собой». Когда Эфраим ушёл, было уже за полночь.

Во сне Леди Шир видела своего отца, он пришёл в город на праздник. Шир была девчонкой, они с сестрой стояли в толпе и высматривали знакомых. Отец вышел из толпы, он заплакал от волнения, увидев своих дочерей. Даже во сне Шир помнила, что её отец давно умер. Он выглядел прекрасно, хоть возраст и придавал немного усталости, одежда на нем была шикарной – серый шелковый плащ и цветной шелковый шарф. Когда Шир с сестрой подошли к отцу, он даже не пытался скрыть слезы. Отец был очень красив во сне у Шир, высокий, крупный, светло-русые длинные волосы, такие же негустые и шелковистые, как у Марты и у её мужа, и такие же влажные голубые глаза. Шир и её сестра повели отца домой, дом был деревянный, крутая лестница внутри дома. Они трое сидели на лестнице, отец – выше, дочери – ниже.

– Где ты теперь, Папа? – спросила Шир.

– Теперь я могу быть повсюду, – ответил отец.

Шир хотелось его обнять, но она стеснялась сестры.

– Возвращайся домой, Папа, мы попробуем начать всё заново, – сказала Шир.

– Раньше надо было предлагать, нету больше вашего папки, – отец сказал это так, как будто давно смирился, что мёртв.

Шир проснулась, печаль щемила в горле, хотелось куда-то бежать, что-то делать, чтобы всё исправить, мысль о том, что уже слишком поздно пришла позже. Шир посмотрела в окно, было темно, и лил дождь. «Где-то под дождём могила отца, – подумала Шир, – ...и моего мужа». Шир представила своего молодого мужа в могиле, он и её отец представлялись ей теперь в одном образе. Она не могла позволить себе плакать: «Надо что-то делать», – мысли проносились быстрой чередой, Шир едва ли успевала осознавать их, картинки воспоминаний из про-

шлого пятнами мелькали перед глазами, пульс участился, и сердце уже давило в горле, Шир слышала шум от ударов собственного сердца. Она вдруг резко почувствовала себя виноватой за их непонимание с отцом и за смерть мужа: «...наверно я могла бы что-то сделать, я плохо постаралась, я позволила ему умереть...» Чувство одиночества тоненькой струйкой просочилось через сдавленное горло и потекло по венам. За все свои одинокие дни Шир не так часто ощущала одиночество, но когда оно подступало, это было больно.

Ей так захотелось вернуться в те дни, когда отец читал ей книжки, когда они вырезали животных из цветной бумаги, когда хоронили выпавших из гнезда птенцов. Казалось, что дни эти где-то ещё остались, только надо найти способ дотянуться до них, он где-то ещё есть, её отец, тихий и скромный, и где-то есть она, Шир, маленькая худенькая девочка с длинными косами.

Отец появился в её жизни раньше, чем она начала осознавать себя, поэтому он всегда был ей близким, он никогда не был новым в её жизни – возможно, и был, но в любом случае она этого не помнила. С мужем было все иначе, его раньше никогда не было, он ворвался диким и чужим в её жизнь, в её сознание, в её тело. Шир понимала или очень уж старалась себе внушить, что он не виноват, что так уж сложился их путь и надо им быть вместе. Она очень любила его, несмотря на то, что он ей виделся варваром. Понадобилось время, чтобы привыкнуть, что теперь она не просто Шир, а его жена, и приходится считаться ещё с одним характером, настроением. Больно было его терять после всего, когда он уже стал ей совсем близким, почти как отец.

«Марта...» – только сейчас Шир вспомнила о ней, и лицо Марты в представлении Шир каким-то чудным образом уподобилось лицу отца и мужа. Шир привыкла к подобным метаморфозам и понимала, что далеко не у каждого в голове такой кавардак. За этим последовал прилив нежности, заботы и нечто среднее между добротой и любовью. На самом деле Шир была не сильна в любви, она никогда до конца не понимала значения слова «любовь», и жизни ей не хватило, чтобы понять. «Люди совершенно разные чувства называют этим словом: заботу, доброту, интерес, привязанность и ревностное желание обладать, покорить, а ещё любить можно родителей, Бога, варенье и оранжевый цвет».

Случалось, Шир говорила Марте, что любит её, но при этом она чувствовала, что немножечко врёт, ей бы хотелось сказать другое слово, но она не знала других слов и, похоже, никто не знал. Этой ночью, если бы Шир разговаривала сама с собой словами, то ей бы таки пришлось сказать: «Я понимаю, что люблю Марту». Но для общения самой с собой Шир не были нужны слова, что угодно – формы, запахи, звуки, цвета и их комбинации, но не слова. Поэтому общение происходило намного быстрее, чем с другими, и Шир успевала себе «сказать» очень много в то время, когда была предоставлена самой себе.

Этой ночью Шир решила выкрасть Марту из монастыря и, если очень постараться и приблизить её мысли к словам, то это примерно звучало бы так: «...и потом – выкрасть это не подходящее слово, Марта сама всегда хотела сбежать. Она не нужна отцу, у неё есть только я, и только я люблю её по-настоящему, если вообще эта любовь существует».

Шир лежала в постели, глядя в окно невидящим взглядом, и обдумывала каждый свой шаг – как она пройдёт ворота в одежде монахини, ночью под дождём никто особо не будет рассматривать её, но если и спросят, она скажет что пришла прочесть молитву, этому поверят. На обратном пути она спрячет Марту под дождевым плащом, Марта худая, они крепко обнимутся и Марту не заметят. До утра надо выбраться из города, в классе увидят, что Марты нет, и станут искать. Но была проблема – сиделка в коридоре, где комнаты девочек, старая монахиня, у неё была бессонница, и она недолюбливала Шир.

– Почему ты не позволила ей остричься? – как-то она спросила у настоятельницы.

– От неё будет слишком много проблем, она мне тут восстание поднимет. Посмотри на неё, это не женщина, это революция в юбке. Она сильная и крепкая, хороший работник, пусть им и остаётся.

И сиделка стала присматриваться к Шир. Шир замечала, что старуха за ней следит, и всякий раз, проходя мимо, Леди Шир ощущала на своей спине, между лопатками, подобно физическому прикосновению, взгляд сиделки.

Леди Шир проснулась, когда солнце уже взошло, она едва ли помнила свой сон и свой замысел о похищении Марты. Это было новое утро, начало нового дня. Леди Шир умела родиться заново в каждое своё утро.

Этим утром она опоздала, пришла позже обычного. Эфраим уже был у ворот:

– Доброе утро, Леди Шир!

Голос у него был мягкий, как у большинства полных людей.

– Доброе утро, Эфраим!

Шир задержала на нём взгляд: «... выглядит хорошо, он красивый... наверно». С настоящей Шир поздоровалась кивком головы, и та успела заметить тот взгляд, что пробежал между Шир и Эфраимом и который задержался чуть дольше приличного, и если б у неё были брови, то они бы приподнялись.

Утро было хорошим, свежим, умытым ночным дождём. Шаги Леди Шир эхом раздавались в окнах монастыря, никто в монастыре не ходил такой походкой: с высоко поднятой головой и развёрнутыми плечами. Шир и самой казалось, что она вот-вот взлетит. В подсобном помещении у Леди Шир была маленькая комнатка, скорее походившая на кладовку, и сегодня её там поджидал сюрприз – Марта. Леди Шир вскрикнула от неожиданности, когда увидела Марту в темноте, сидящую на стуле.

– Бог ты мой, Марта, ты должна быть на уроке!

– Привет, Шир.

Марта смотрела на неё снизу вверх.

– Я хочу рассказать тебе мой сон.

На мгновение Шир выключилась, как заводная кукла, у которой пружинка раскрутилась, Марта заметила это, она и раньше такое замечала за Шир, в такие моменты Марте казалось, что время останав-ливается. Шир только сейчас вспомнила про свой сон и про то, как планировала выкрасть Марту.

– Нет, Марта, расскажешь потом. Тебя будут искать, и плохо, если найдут здесь, у меня.

Шир показало, что это однажды уже происходило.

– Не будут, у меня ночью кровь со рта текла, мне разрешили не приходить на первые уроки.

Марта поняла, что напугала Шир.

– ...кровь на самом деле была не со рта, я просто укусила губу, чтобы кровь капала на подушку, мне очень хотелось рассказать тебе мой сон.

– Покажи свою губу, – потребовала Шир.

Марта пальцами вывернула нижнюю губу, на губе и вправду была маленькая ранка. Шир вздохнула и села на пол возле ног Марты.

– Рассказывай, давай, только быстро, мне работать надо.

– Мне приснилось, что я умерла, – Марта приостановилась и перевела дыхание, – утонула. Мы были с тобой на речке. Было лето, было много зелёной травы, и вода в речке была зелёной. Там ещё была пристань, такая маленькая для лодок. Ты осталась на берегу, а я побежала на пристань и спрыгнула с неё. Я не упала, я специально спрыгнула, не знаю зачем. Я видела воду внутри, она была тёплая и зелёная. Когда я прыгала, то за мной потянулся воздух под воду и под водой этот воздух казался чёрный, но я могла им дышать. Когда воздух закончился, то вода сверху надо мной сомкнулась, и я больше ничего не могла видеть, и тогда я умерла.

Марта закончила рассказывать, и какое-то время они обе молчали. Марту посетило лёгкое чувство вины, и она сказала:

– Не обращай внимания, это был просто дурацкий сон.

– А что мы делали на реке? – спросила Шир.

Марта не ожидала такого вопроса, она даже его не расслышала:

– ... что, я не поняла? – переспросила она.

Шир повторила вопрос:

– Что мы с тобой делали на реке?

– Мы просто там были.

Марта говорила тихо, она была немного разочарована тем, как отреагировала Шир на её сон. Дожидаясь Шир, Марта представляла, как Шир расплачется после того как услышит про такой грустный сон и пообещает, что придёт время, когда они вместе убегут из монастыря. В первые минуты, когда Марта проснулась после видения этого сна, этот сон был ей неприятен, она пожалела о том, что видела его, и ей хотелось от него просто отвернуться, что она сразу и сделала, повернувшись на другой бок. Ей хотелось плакать, ей было жаль себя саму. Марта представила, что если бы такое в действительности случилось, как бы плакала Шир. Марта почувствовала в себе, в своём маленьком детском сердце размером с яблочко, ту тяжёлую горькую печаль, которая поселится в сердце у Шир, случись такое. Вот тогда и родилась у Марты пиратская затея растрогать Шир до слёз. Марта, конечно, могла бы и сама придумать похожий сон, но тогда это было бы не по-настоящему. Но Шир не плакала, она была совершенно спокойной, только немного задумчивой.

– Ладно, дорогая, тебе надо уходить, а мне работать.

Шир за руку вывела Марту из кладовки. Марта была готова расплакаться, она не могла понять, почему Шир осталась равнодушной к её сну.

– Марта, иди на урок, ведь ты хорошо себя чувствуешь, – сказала Шир, когда Марта уже уходила. Последние слова Шир её даже разозлили, Марте было обидно до слёз за себя, утонувшую в речке.

Леди Шир смотрела в пустоту коридора, по которому, удаляясь, прошла Марта. «Неужели я ей таки рассказала?» – подумала Шир. «Некоторые сны так пугающе очевидны. Это её желание быть со мной, заставить меня переживать за неё, бояться её потерять. Другого и быть не может. Это не простой сон про эпизоды из прошлого. Мы никогда не были с ней на реке, и ни с кем из взрослых она не могла ходить на реку, может, если очень давно... здесь нет реки, она бы мне рассказала».

Леди Шир и Марта лишь однажды находились вдвоём за пределами монастыря, в первый день их знакомства. Они были знакомы и раньше, но дружба, когда Марта позволила себе называть Леди Шир просто Шир, началась примерно год назад. Марта выбила мячом мизинец на левой руке, неуклюже поймала мяч во время игры. Поломанная кость прорвала кожу и вышла наружу. В первый момент Марта не чувствовала боли и не замечала вылезшую кость, Марта присела на корточки и наблюдала, как её кровь капает на пыльные камни. Но потом Марта заметила торчащую кость, и боль стала невыносимой, и тогда Марта заорала. К ней подбежала монахиня, но монахиню тут же стошнило при виде крови и торчащей наружу кости. Леди Шир не скрывала от себя того, что давно ждала подобного момента, она стремительно походкой вышла во двор и, подойдя к Марте, тут же подхватила её на руки, не заботясь о том, что Марта испачкает ей кровью платье. Обнимая Шир, Марта продолжала плакать, тогда Шир прижалась щекой к её щеке и тоже заплакала. Когда Марта заметила, что Леди Шир тоже плачет, понемногу притихла, от удивления Марта даже переслала чувствовать боль так сильно. Она ещё никогда не видела чтобы кто-то из взрослых плакал вместе с ней от её боли, ни тётка, ни отец, ни Карин – та тем более нет, Карин всегда оставалась весёлой. Марта почувствовала нечто такое, что было совершенно противоположно одиночеству.

– Леди Шир, почему вы плачете? – спросила Марта, с трудом справляясь с дыханием. У Шир по лицу текли настоящие слёзы и покраснели глаза.

– Не знаю, мне тебя стало жаль.

И тогда Марте показалось, что Леди Шир совсем не взрослая, а просто девочка, которой много лет.

Приехал доктор, посмотрел на палец Марты и сказал, что её надо везти в больницу. Марта попросила разрешения у настоятельницы, чтобы Леди Шир поехала с ней, им было позволено, но настоятельница сопровождала с ними и ту монахиню, которую стошнило.

– Тебе пойдёт на пользу, – сказала ей настоятельница.

Леди Шир едва удержалась от смеха, она хотела пошутить про пользу прочищения желудка, но решила смолчать, вряд ли бы кто понял эту шутку, разве что доктор, но он бы не признался из уважения к настоятельнице. На тот момент Леди Шир ещё плохо была знакома с Мартой, поэтому не могла и предположить, что эта бледная худенькая девочка, которая, в общем-то, совсем еще ребёнок, она, Марта, поняла бы эту шутку.

Позже, спустя какое-то время, когда Шир и Марта познакомились ближе, Шир восхитила личность Марты. Марта была ребёнком, но она была ребёнком по-другому, она вела себя так, как если бы вдруг взрослому вернули детство, можно было сказать, что Марта ценила детство. Иногда Шир даже казалось, что Марта – это кто-то взрослый в детском теле, чтоб было удобнее наблюдать за людьми. Шир долго не могла понять, что именно отличает Марту от других детей? Но вот был такой случай. На заднем дворе монастыря растут вишнёвые деревья, и девочкам строго запрещается рвать вишни, вишни предназначались для варенья. Это был сезон, когда вишни в самом соку. Одна из девчонок предложила, когда стемнеет, пробраться в сад, нарвать вишен и принести в спальню для всех, ещё трое смелых вызвались с ней. Но повариха поймала их и отвела к настоятельнице. Настоятельница сказала, что если девочки признаются, которая из них «зачинщица налёта на вишнёвый сад», только ту и накажет, в противном случае будут наказаны все четверо. Одна из девчонок тут же выдала «зачинщицу». Об этом узнали остальные девочки, которые дожидались вишен в спальне, и «предательница» была отчуждена, девочки перестали с ней разговаривать, перестали вообще с ней общаться, а некоторые даже плевали ей на платье. Только Марта продолжала относиться к ней как прежде, до истории с вишнями: «...ну, с каждым могло случиться – наверно, она просто испугалась. Надо было нас всех наказать, мы ведь все хотели вишни, тогда бы уж точно никто бы не поссорился». Так сказала Марта, когда они обсуждали с Шир эту историю, и тогда Шир поняла, что у Марты нет детской жестокости, которая характерна почти для всех детей.

В больнице Марте наложили гипс, пришлось подождать, пока доктор вправлял кость. Монахиню уже не тошнило, она без устали молилась, а когда закончила молитву, сказала Шир, что выйдет прогуляться и подышать свежим воздухом. Шир осталась сидеть в коридоре, прислушиваясь к голосам за дверью, за которой находилась Марта. Марта очень нравилась Шир, но Шир было запрещено «принимать участие в воспитании девочек», поэтому она терпеливо ждала случая хотя бы просто заговорить с Мартой. Позже Марта признается Шир, что она тоже искала повода с ней поговорить. Леди Шир почувствовала себя виноватой, когда увидела рану на мизинце у Марты и лужицу крови. Она не желала Марте зла, возможно, Шир была бы не против маленькой царапины на коленках или локтях – «...с детьми это случается».

Марту вывели в коридор, где ждала её Шир. На мизинце у Марты был гипс, который охватывал всю кисть и запястье, но другие четыре пальца были свободны. Марта была бледнее, чем обычно, она была почти зелёной, но совершенно не выглядела несчастной. Врач усадил её на скамейку рядом с Шир и попросил подождать.

– И чего мы ждём? – спросила Шир у Марты.

– Мне еду принесут, – ответила Марта, – доктор сказал, что мне надо поесть.

Сестра принесла Марте булку с повидлом и кружку молока. Марта выпила молоко и отдала пустую кружку Шир. Булка с повидлом аппетита у неё не вызывала. Марта сидела и смотрела на булку, как будто ждала, что та с ней заговорит, и тогда Марта убедит булку исчезнуть, но булка молчала, тогда заговорила Марта:

– Леди Шир, хотите мой бутерброд?

Тревога за Марту отступила, и Леди Шир начала обращать внимание на окружающую её обстановку. Запах лекарств, больничные стены и белые халаты поднимали в ней туманные чувства, смешанный со стыдом и обидой.

– Давай уйдём отсюда, Марта.

– А где сестра Глория?

«Оказывается, она Глория», – подумала Шир.

– Сестра Глория вышла подышать. Пойдём Марта, мы её найдём, и будем возвращаться.

Но сестры Глории нигде не было. Леди Шир и Марта обошли по кругу больницу вдоль каменного забора. День был тёплым, солнечным, приветливым, он располагал к прогулкам на свежем воздухе, он увлёк монашку Глорию бродить по узким улочкам и шумным торговым рядам. У входа в больницу была расположена маленькая каменная площадь с голубями, клумбами и подвесными скамейками.

– Леди Шир, давайте на качелях покатаемся, пока сестра Глория не вернулась?

Не дожидаясь ответа, Марта вскочила на подвесную скамейку и стала раскачиваться:

– Леди Шир, раскачивайте меня!

– Ну уж нет, а меня кто будет раскачивать? – спросила Шир и уселась рядом с Мартой.

«Всё хорошо совпало», – это была первая мысль, которая промелькнула в подсознании у Марты в тот момент. «Она мне не зря нравилась», – это была вторая мысль, и она была более осознанной. Марта расхохоталась, ей доставило удовольствие, что Шир села с ней рядом и тоже начала раскачиваться.

– Ты смешная, Шир, и такая хорошая.

Тогда Марта впервые назвала её по имени, она осознала это уже в тот момент, когда произнесла задорно «Шир», а не учтиво «Леди Шир», как её учили. Марта наклонила голову, так чтобы волосы упали ей на лицо, и сквозь волосы, украдкой, глянула на Шир. Шир сделала вид, что ничего не заметила и с тех пор, когда они оставались вдвоём, Марта называла её просто «Шир». Возможно, если бы настоятельница услышала подобную вольность – Марта была бы наказана, а Шир осталась бы без работы, но Марта умела хранить секреты, и даже те, на которых не было написано «не выдавать, секрет, молчи». Подвешенная на цепях скамейка едва ли походила на качели, она лишь скрипела и болталась из стороны в сторону, но этим она не разочаровала маленькую беловолосую девчонку в день, с которого началась история её дружбы с волшебной Леди Шир.

– Шир, а ты уверена, что Бог есть?

– Конечно, я знаю, что Он есть.

На залитой солнцем больничной площади девочка и монашка кормят голубей, подобная картина порадовала бы глаз даже самого строгого созерцателя. Прелесть! Марта так и не съела свой бутерброд, облизала повидло, а булку они крошили голубям. Леди Шир наблюдала не только за окружающими, но и сама за собой. Она любила представлять, что видит себя со стороны, она умела замечать маленькие уголки счастья. Подбрасывая крошки хлеба в воздух и раскачиваясь на подвесной скамейке, Шир наблюдала, как раскрываются её пальцы, подобно лепесткам, как развиваются края монашеского платья, как качается её грудь. Голуби на лету ловили кусочки хлеба, рядом сидела маленькая девочка и хохотала, забыв про сломанный мизинец, её смешили голуби. И разве это не называется счастьем? Просто надо уметь его увидеть. И пояись сейчас Глория, Шир не сразу бы поняла, почему она вдруг пришла и прервала трапезу голубей.

– А Он добрый? – спросила Марта.

Шир уже успела забыть, о ком они говорили:

– Кто добрый, тот доктор?

– Нет, Бог, он добрый?

– Марта, Он такой сильный и большой, что мы не можем знать какой Он.

– Земля тоже большая, но ведь люди узнали, что она круглая.

Шир оттряхнула руки и платье от остатков хлеба и с улыбкой посмотрела на Марту: «А девочка забавная», – подумала она.

– Бог не добрый и не злой, Он особенный, – сказала Шир.

Марта нахмурила брови и перестала раскачиваться.

– А ты откуда знаешь, ты даже не монашка?

Шир расхохоталась, и кто бы увидел её в тот момент, сразу бы понял, что она не монашка, несмотря на её монашеское облачение.

– Я Его видела.

– И какой Он, ты видела Его в монастыре? Нам сказала учительница, что монастырь – Его дом.

Марта была взволнованной, ей и раньше уже казалось, что Шир только притворяется обычной женщиной, а на самом деле она волшебница.

– Бог не понимает таких вещей, Ему всё едино, что скит, что базарная площадь, – сказала Шир и, обняв Марту за плечи, прижала к себе. Марта поддалась этому объятию, как будто только этого и ждала.

– Мне с тобой весело, ты мне нравишься, – говорила Шир, – вижу, что и тебе со мной не скучно. Посмотри Марта, даже голуби хлеб съели, а от нас не улетают, и знаешь, почему?

Марта всё крепче прижималась к Шир, она просто онемела от счастья, её так давно никто не обнимал.

– Вот здесь, сейчас, там, где мы, и есть дом Бога, – сказала Шир и прикоснулась губами к голове Марты, к её золотым тоненьким волосам.

– Шир, а ты можешь показать мне Бога? – Марта спросила это шёпотом.

– Когда-нибудь покажу, – сказала Шир, и больше они не разговаривали, так и сидели, обнявшись пока не появилась сестра Глория.

На следующее утро Марта взяла со столовой печенье, она выложила его в форме цветка на блюде, чтобы понести Шир. В коридоре её остановила настоятельница.

– Это для Леди Шир, – сказала Марта – в знак благодарности. Ведь я могу её поблагодарить, ведь да? – и Марта просто упёрлась пристальным взглядом в лицо настоятельницы, желая не пропустить мысли настоятельницы, которые та, возможно, захочет утаить, но было не просто что-либо разглядеть на лице, на котором совсем нет бровей.

– Да, ты можешь отнести печенье для Леди Шир, но не задерживайся у неё. Леди Шир не занимается воспитанием детей, у неё полно и других обязанностей, – сказала настоятельница, и Марта поняла, что у Леди Шир есть какая-то тайна.

В монастыре можно было «заниматься воспитанием детей» кому угодно, кроме Леди Шир. Марта освободила настоятельницу от своего неподвижного взгляда и уже направилась в сторону кухни.

– Сестра Глория тоже ездила с тобой в больницу, – сказала настоятельница, когда Марта уже удалилась от неё на пару шагов.

Марта остановилась и хотела было сказать «сестру Глорию от меня тошнит», но что-то подсказало ей, что этого говорить не стоит.

По дороге на кухню Марта мысленно подготовилась, как она будет здороваться с Шир, как подаст ей печенье и поблагодарит за больницу. Каково же было разочарование Марты, когда, войдя на кухню, она увидела на столе большую корзину с точно таким же печеньем.

Шир возилась со вчерашней невымытой посудой и не замечала Марту. «Она не волшебница: – подумала Марта, – она просто моет посуду». Теперь Марта не знала, с чего начать разговор, и, к тому же, не могла решить, как ей надо обратиться к Шир – «Леди Шир» или после того, что было вчера, можно просто по имени?

«А вдруг вчера это было просто так?» – подумала Марта. Шир услышала за спиной дыхание и обернулась:

– Привет, Марта, будешь чай? – она даже не спросила, болит ли у Марты рука или ещё что-то такое, что другой спросил бы для приличия.

– Мне здесь нельзя надолго, – сказала Марта и протянула Шир блюдо с печеньем. Шир тут же взяла одно и стала есть.

– ... тут есть таких много печений, на кухне, – Марта сказала это почти шёпотом, как бы извиняясь.

– Твоё вкуснее, – Шир задорно улыбулась и принялась есть второе печенье из тех, что принесла Марта.

– Мне нужно идти, а то хозяйка заругается, – тихо сказала Марта и пошла к двери.

– Марта, стой, – позвала её Шир, – кто тебе сказал, что земля круглая?

– Мой папа.

– Что, вот так взял и сказал? – голос Леди Шир был настолько серьёзным, что Марта даже растерялась.

– ... летели по небу птицы, – объяснила она, – и папа сказал, что они облетят землю по кругу и весной вернуться, вот я и подумала, что она круглая... земля.

Вопрос про землю так сильно обескуражил Марту, что она почти не запомнила, как вышла из кухни и добежала до класса. На урок она опоздала, но на этот раз её не ругали, наверно – из-за сломанного пальца. О чём был урок, Марта тоже не запомнила, она думала про круглую землю, про Шир и, если б она была взрослее, то обязательно бы подумала и про то, что, наверно, это начало чего-то нового, а не просто знакомство взрослой женщины, у которой нет детей, и маленькой девочки, у которой вместо мамы – вторая папина жена. Марта была хоть и особенным, но все же ребёнком, а дети воспринимают события не забегая вперёд и не оглядываясь назад, они живут вместе со временем, даже когда мечтают или чего-нибудь ждут. До знакомства с Шир Марте нечего было ждать, для неё были все дни одинаково скучны. Но, начиная с этого утра, Леди Шир заполнила все мысли Марты, теперь Марта была не просто девочкой, а девочкой, у которой есть тайна – и эту тайну зовут Леди Шир.

Марта начала обдумывать различные козни и уловки, лишь бы представился повод пойти на кухню и хоть пару минут поболтать с Шир. В свою очередь, Шир понимала, что девочка привязалась к ней, но не осознавала насколько. Возможно, если б тогда кто-то сказал Шир, кем она станет в судьбе этой девочки и что эта девочка будет следовать за ней, куда она, Шир, будет жива, – возможно, тогда Шир не пошла бы с Мартой кормить голубей и не стала бы раскачиваться на подвесной скамейке, а сидела бы молча с Мартой в коридоре больницы и ждала монашку Глорию, пока та насладится неожиданно подвернувшейся ей маленькой свободой. Но Шир никто ничего не сказал, а сама она про будущее не задумывалась, как и дети, – жила одним днем.

В последующие две недели им удалось встретиться трижды, не считая мелких случайных встреч в коридорах. Правильнее будет сказать, что Марте удалось дважды придумать причину, чтоб хоть пару минут пообщаться с Шир, а третий раз – было на встрече с родителями, Марта объяснила, что её отец хочет поблагодарить Леди Шир за поездку в больницу. На первый раз были стулья, Марта вызвалась помочь после ужина отнести стулья на кухню, которые взяли потому, что в столовой на всех стульев не хватало. Марта вошла на кухню, но Шир нигде не было. Тогда Марта ещё не знала, что в подсобном помещении у Шир была маленькая комнатка, Шир была там. Марта не сразу её нашла, она заглянула во все кладовки и в комнату

для глажки, и вдруг открылась совсем не заметная дверь в узком и тёмном коридоре между кухней и кладовками и показалась Леди Шир. Шир была удивлена, увидев Марту, и не потому, что это было уж такой неожиданностью, а потому что Марта – светлая и лёгкая – выглядела совершенно лишней в тёмном коридоре, как травинка, которая пробилась среди громоздких камней, куда не попадает свет.

Многие вещи Марта понимала совсем по-взрослому, но не осознавала этого, она просто пользовалась этим пониманием вещей, как слухом, зрением или способностью дышать. Так вот, Марта понимала, не задумываясь, что Шир взрослая и ей интересно говорить про всякие не интересные вещи только со взрослыми, а с маленькой девочкой она будет говорить о чём угодно, и Марта стала выискивать разные истории, которые расскажет Шир при встрече.

В этот раз были щенки. Шир не хотела говорить с Мартой в коридоре, она подняла Марту на руки, занесла в свою комнатку и поставила на скамейку. Стоя на скамейке, Марта была почти одного роста с Шир. В кладовке было темно. Одной рукой Марта обняла Шир, а вторую с гипсом спрятала за спину и тут же заговорила:

– А знаешь, Шир, родились сразу десять щенков? Есть собака дома у одной толстой рыжей девочки.

– Ого, десять – это много! – сказала Шир с улыбкой, придерживая Марту, чтобы та не упала со скамейки. «Она добрая», – подумала Марта, хотя между щенками и добротой Шир не было ничего общего.

– На самом деле не совсем десять.

– А сколько, девять?

– Восемь.

– Марта, восемь – это совсем не десять, – сказала Шир и засмеялась, засмеялась и Марта, она представила, как скажет это на уроке, если её спросят, например – сколько будет четыре и четыре, – скорей всего учительница разозлится, потому что не поймёт такую шутку.

На следующий свой визит Марта рассказала Шир про девочку, которая умеет вырезать из бумаги животных, да ещё так, чтобы все они «держались за руки».

– Это совсем не трудно, – сказала Шир, – мы тоже с тобой легко можем вырезать животных, я тебя научу. И Шир сдержала своё слово, они вырезали с Мартой животных, и это было весело. Почему-то от первого и от последнего зверька в цепочке постоянно получалась только половинка.

В родительский день у ворот монастыря было оживлённо, родители приходили с подарками и с конфетами. Пришёл и отец Марты.

– Папа, смотри какой у меня гипс, – и Марта вытянула вперёд пораненную руку.

– Да, мне уже рассказали.

– ... и совсем не болит.

Марта была весёлой и оживлённой, отец не помнил, когда в последний раз видел её такой. Когда ему сказали что Марта «слегка повредила руку во время игры», он приготовился к тому, что на этот раз Марта будет ещё молчаливее, чем обычно. Но у Марты был свой замысел, неспроста она была такой весёлой.

– Леди Шир возила меня в больницу, и ещё она меня спасла, папа, ты хочешь её за это поблагодарить?

Отец даже растерялся:

– Да, мне кажется, сказали, с тобой была монахиня, не запомнил имя, – он говорил немного быстрее обычного, тише обычного и как-то неуверенно.

– Глория? – спросила Марта, прищуривая глаза.

– Да, кажется.

– А вот и нет, Глория блевала.

Отец не очень понимал, что говорит его дочь, и даже немного заволновался.

– Леди Шир со мной ездила, она добрая, – торжественно сказала Марта, – подожди пока тут, я её позову.

– Думаю, будет неудобно, монахиням, наверно, нельзя...

Но Марта не дала ему договорить:

– Она не монахиня, просто помогает на кухне, – быстро сказала Марта и побежала за Шир.

Оставалось только надеяться, что Шир ещё не ушла домой. Марта застала Шир на выходе.

– Шир, пойдём быстрее, мой папа пришёл, он хочет тебя поблагодарить.

Марта взяла Шир за руку и повела за собой. С Шир было легче, чем с отцом, она не сопротивлялась, а наоборот – ускорила шаг.

Отец Марты ожидал увидеть пожилую толстую и очень добродушную кухарку, и каково же было его удивление, когда он увидел, что Марта возвращается в компании, в общем-то, совсем не пожилой женщины с высоко поднятой головой, с шикарной улыбкой и с прямым пронизательным взглядом.

– Леди Шир, – представилась Шир так, как будто её имя означает ещё что-то, кроме имени, вроде титула или общественного статуса, и по-мужски протянула руку для пожатия.

– Эдуард, – и отец Марты в ответ тоже протянул ей руку.

Потом они сидели на скамейке, одной из тех, которые специально вынесли для гостей и наблюдали, как Марта играет со щенком, его принёс кто-то из родителей. Наверное, это был один из тех «почти десяти» щенков, которые принадлежали толстой рыжей девочке.

– Я вдова, – сказала Шир, когда Марта подхватив щенка, удалилась вглубь двора и уже не могла слышать её слов, – мой муж умер от болезни, у нас не было детей, наверно, останься он жив, мы ещё могли бы надеяться. Когда я его похоронила, мне пришлось переехать сюда, – и Шир указала взглядом в сторону монастыря. – Ну не то чтобы пришлось, я и сама этого хотела.

– А чем занимался ваш муж? – спросил Эдуард.

– Его семья разводила лошадей, у нас был неплохой загон, коней продавали задорого, многие заказчики были высокопоставленными личностями. Мы жили в большом доме, и когда наши дела шли особенно хорошо – муж нанимал мне помощницу по дому. Тогда я и представить не могла, что он может умереть. Конечно же, я осознавала, что люди умирают, но он был таким молодым.

– Мама Марты тоже умерла молодой, – печально сказал Эдуард, он подумал, что давно не вспоминал мать Марты и уже давно никому о ней не рассказывал, – Марта её не знала, тогда Марта только родилась.

Какое-то время они сидели молча. Шир и Эдуард, казалось, перестали замечать то, что их окружало и каждый из них думал о той части своей жизни, которая уже прожита и растеряна. Молчание прервал Эдуард:

– В скорости я опять женился. Тогда я был совсем молод, постоянно в разъездах, дому нужна была хозяйка, а мне – женщина.

Он поймал себя на мысли, что оправдывается – непонятно, зачем, и Шир это тут же уловила:

– А вы разве не счастливы со второй женой?

Спросив это, Шир отвела взгляд в сторону, давая ему возможность соврать. Он ей понравился – тихий, спокойный и наблюдательный. Его вполне можно было назвать привлекательным – высокий, худощавый, классические черты лица и морщинка печали на лбу между бровями.

– ... она подарила мне двух сыновей, – он не ответил на вопрос.

К ним подошла Марта, она держала в руках щенка. Марта целовала его и прижимала к себе. Все разошлись, а щенка, похоже, забыли. Щенок был не против того, чтобы его тискали, он отталкивался лапками – так, чтоб пробраться повыше и лизнуть Марту в лицо.

– Эта собачка теперь будет моя дочка, – сказала Марта.

Шир осторожно отодвинула заднюю лапку щенка и улыбнулась:

– ... скорее, сынок, – это мальчик, – сказала Шир.

– Нет, не хочу, щенок будет моя дочка, – упрячилась Марта и сильнее прижала к себе щенка, но щенок вырвался из рук новой мамы и побежал по траве – наверное, он не хотел быть дочкой. Марта побежала за щенком. Темнело, и становилось прохладно.

– Леди Шир, я могу вам задать вопрос? – спросил Эдуард и пристально посмотрел ей в глаза. Шир кивнула. – Почему вы оставили дом после смерти мужа?

Шир отвела взгляд в сторону и пару минут просидела молча без движения, а потом опять ожила, улыбнулась, с иронией приподнимая брови, и спокойно сказала:

– Мне пришлось, так уж получилось.

– А дом на то время принадлежал вам?

– Даже не знаю, теперь это уже не имеет значения.

Шир встала со скамейки, давая понять, что уже поздно и пора расставаться, а Марте надо идти спать.

– Послушайте, Шир, может ещё можно что-нибудь сделать, – Эдуарду не хотелось расставаться с Шир, он даже осторожно придержал её за локоть, сам не ожидая от себя такого жеста, – я адвокат, для меня это не составило бы труда, – он говорил всё быстрее и громче, а Шир продолжала молчать.

Вернулась Марта, щенка с ней уже не было.

– Меня уже позвали, – грустно сказала она.

Марте было любопытно, о чём говорили отец и Шир, теперь она знала, про что будет спрашивать Шир, когда у неё получится остаться с ней наедине и не надо будет выискивать разные истории – как оказалось, жизнь в монастыре не щедра на события.

Эдуард протянул Шир маленькую карточку:

– Возьмите, это моя визитка, если когда-нибудь вам понадобится помощь... – Эдуард пристально смотрел ей в глаза – так, как будто эти слова имели тайный подтекст, – ... подумайте, о том, что я вам говорил, ещё никто и никогда так просто не отказывался от имущества.

– Я подумаю, – вполголоса ответила Шир и кивнула головой.

Глава 2

Начало весны. Это время самого продолжительного и важного поста. Шир не очень-то любила это время. Когда пост начинался, ей думалось, что это пройдёт легко и быстро, «диета без жирной пищи обязательно пойдёт на пользу», – думала Шир. Впервые пару недель поста Шир чувствовала себя легко, и ей даже казалось, что она становится стройнее. Но потом однообразная постная пища начинала надоедать, приём пищи не приносил радости, а превращался в унылое занятие. После шестой недели казалось, что уже нет никакой надобности подходить к столу – и тогда начинался голод, лёгкое головокружение и апатия.

Хотя Шир и не ночевала в монастыре, но была вынуждена жить согласно устоям монастыря. Денег ей за работу не платили, она состояла полностью на содержании монастыря. Всё, что ей было необходимо для жизни, она могла взять в монастыре и даже попросить денег. Если на то была причина и если это будет одобрено настоятельницей – ей выдадут деньги. У Шир остались кое-какие вещи из «прошлой жизни»: несколько пар обуви, несколько платьев, кружевное бельё, зеркало, несколько принадлежностей парфюмерии и небольшой портрет её мужа. Она сама его нарисовала. На это ушло немало часов работы. Начала она его рисовать в лесу.

Это был солнечный день и совсем нежаркий, Шир с мужем решили провести его на воздухе под открытым небом, а главное – вдвоём. Шир сложила в корзинку немного фруктов, немного овощей, варёных яиц, сыра и хлеба, взяла покрывало, карандаши и холст. Шир нечасто рисовала, да и не получалось у неё ничего такого, что заслуживало бы внимания, но она была уверена, что если очень захочет и придёт вдохновение – то обязательно получится. Портрет получился. Когда продукты из корзинки были съедены, а покрывало изрядно помято, он задремал, а она им любовалась. У неё было всё ещё неудовлетворённое желание и вдохновение, и ещё ей очень хотелось запечатлеть его красоту. Она рисовала его сидя к нему спиной. Его лицо всегда было у неё пред глазами, куда бы она ни смотрела. После его смерти в её жизни появились другие лица, Шир помнила своего покойного мужа, постоянно думала о нём, но всё же жила настоящим, а мужа продолжала любить по памяти, и у него, у её покойного мужа, не было ни малейшего шанса быть ею разлюбленным.

Первые полгода Шир прожила в монастыре. Её поселили в маленькую комнату, выбеленную до совершенства, и обнаружив, что Шир повесила на стену мужской портрет, настоятельница тут же попросила его убрать. Но дело было не в портрете, а в белизне стен, Шир угнетали эти безнадежно белые стены. Она уже начинала думать, что тоже умерла и теперь ждёт в очереди по дороге в Рай и очередь столь бесконечна, что ожидающих поселили в комнаты, чтоб не толпились у входа. Переехать в квартиру над швейной мастерской предложила настоятельница. Эта квартира принадлежала монастырю по договорённости – как постоянному и самому большому заказчику тканей и пошива. В комнату поднимали заказ, и девушки из монастыря имели возможность рассматривать ткани и уже готовые изделия в стороне от посторонних глаз. Часть пошива выполняли на месте – в монастыре, но что-то более кропотливое изготавливали в швейной мастерской. Со временем дела мастерской пошли на убыль, и заказ монастыря уже не поднимали наверх, а оставляли в кладовке в самом цеху, которая теперь пустовала. Настоятельница опасалась, что квартира на третьем этаже за ненадобностью постепенно вернётся во владения мастерской, поэтому и поселила туда Шир. Таким образом, она сразу устраивала два дела: удаляла Шир подальше от монастыря, при этом не отказывая ей в помощи, и сохраняла за монастырём дополнительное помещение. Переезд из монастыря в каморку над мастерской было первым радостным событием для Шир после смерти мужа. На тот момент Шир хотелось думать, что так она доживёт свои дни, выполняя посильную работу в тиши монастыря и воз-

вращаясь по вечерам в свою маленькую уютную квартирку. Тогда ей и в голову не приходило, что её могут выгнать из монастыря и попросить освободить эту комнату.

Швейная мастерская находилась в пятнадцати минутах ходьбы от монастыря. Дважды в день Леди Шир проделывала этот путь, не спеша, наслаждаясь каждым шагом. Выходила она из дому рано утром и возвращалась поздно вечером. И утром, и вечером улицы города, как правило, были пусты, и у Шир сложилось впечатление, что в городе жило совсем не много людей, и почти всех она уже знает в лицо. Когда ей встретился Эфраим по дороге домой, Шир совсем не удивилась, он был одним из тех знакомых, которые жили в этом городе. Шир поздоровалась с ним и хотела было продолжить свой путь, от голода болела голова, и не хотелось ни с кем говорить, но Эфраим специально пришёл, чтобы встретить её.

– Добрый вечер, Леди Шир, я тут проходил мимо, вот встретил вас, – сказал Эфраим, виновато улыбаясь. Он был уверен, что в такой ситуации соврать будет лучше, чем сказать правду, что он уже с полчаса топтался на этом месте, чтобы встретить Шир.

Шир не была особенно рада его видеть и не пыталась это скрыть, фальшиво улыбаясь. Но Эфраим понял это по-своему:

– Вы, видно, устали сегодня, выглядите бледной, вам надо чаще гулять на воздухе.

– Да, устала и голова болит, мне приходится соблюдать пост, – Шир надеялась, что это достаточно уважительная причина, чтобы уже ничего не объясняя, просто уйти. Ей не хотелось обижать Эфраима – «он, в общем-то, неплохой человек», – говорила она себе. Но Эфраим и это понял по-своему:

– Шир, я именно тот, кто вам сегодня необходим, – сказал он и показал Шир, что у него с собой сумка, а в ней хлеб.

– Хлеб, – безрадостно сказала Шир, – у нас есть много вашего хлеба.

– Нет, нет, это не то, что я хотел вам показать, – с наигранной загадочностью произнёс Эфраим и, пошарив в сумке, достал склянку, горлышко которой было замотано белой тканью, – это масло, настоящее сливочное.

Шир подумала, что он отдаст ей сумку с хлебом и маслом, и уже была готова упрекнуть себя за то, что так неприветливо его встретила, но не тут-то было, Эфраим спрятал масло обратно в сумку, бесцеремонно взял Шир за руку и повёл в сторону её дома:

– Пойдёмте к вам, у нас будет отличный ужин из бутербродов с настоящим сливочным маслом, масло я покупаю специально для кремов, оно отменное, – торжественно объявил он.

Шир даже усмехнулась от удивления, в очередной раз её восхитила собственная наивность. Эфраим это заметил, но расценил как восторг:

– О, вы не знали, что мы в пекарне делаем и торты?! Вам надо обязательно нас навестить, я угощу вас тортом и пирожными.

– Как-нибудь обязательно, – ответила Шир, – знаете, уже поздно, может, нам лучше в другой раз... – Шир всё еще не теряла надежды побыстрее вернуться домой и лечь спать.

– Нет, что вы, я не приму отказа, – решительно сказал Эфраим, как будто он приглашал Шир в свой дом, – пойдёмте, Шир, поужинаем, поговорим, вам надо выговориться, я чувствую тяжесть у вас на сердце. Знаете, Леди Шир, я давно за собой заметил, что чувствую других людей. Вам необходимо излить душу, увидите, вам станет легче, я тот человек, с кем можно говорить обо всем, который всё поймёт. Такой уж я добряк, равнодушный к чужому горю.

«Интересно, какое у меня горе?» – подумала Шир, она уже поняла, что этот вечер ей придётся провести в компании равнодушного Эфраима.

– ...и жена мне моя говорит, что я слишком добрый, – продолжал Эфраим, – да вот только она не понимает, что делая добро, я чувствую себя счастливым, и знаете что я для себя понял, Шир? – и, не дожидаясь ответа, он продолжал: – Делать добро – это очень просто и не всегда требует затрат, каждый человек может это делать. Вот, к примеру, сегодня утром, – и он приостановился, показывая, что именно эта часть его повествования заслуживает особого

внимания, – у нас оставался черствый хлеб с прошлого дня, я уже собирался его выкинуть, как вдруг на пути встречаю босоногого мальчонку. Голодным он был, это было видно сразу, не выдержало моё сердце, отдал я ему хлеб... – у Эфраима задрожал голос, он упивался своим рассказом, – ... и знаете, Шир, как он меня благодарил, даже руку поцеловал, спасибо, говорит, добрый дядя. Я даже прослезился, о, как же я был счастлив ему помочь.

– Да, но вам же это ничего не стоило, – удивлённо сказала Шир.

– Так вот и я же про то! – Эфраим даже хохотнул от радости, что был понят, как ему показалось, – всё равно бы выбросил этот хлеб, а так дело доброе сделал и получил огромное удовольствие и, заметьте, совсем не потратился! – Эфраим торжественно поднял вверх указательный палец, он решил пафосно закончить свой рассказ красивой фразой. – Творите добро, Шир, это сделает вас счастливее.

Шир вздохнула. «Неужели я выпляжу несчастной, – подумала она, – от голода, наверно».

– Ещё можно голубей покормить сухим хлебом, – задумчиво сказала Шир.

– А что толку с тех голубей, они только гадят повсюду, – Эфраим сплюнул на землю, – от них одна грязь.

Шир вспомнила день, год назад, когда они с Мартой кормили голубей на площади возле больницы и катались на подвесных скамейках.

Эфраим сам приготовил бутерброды, сам заварил чай:

– Вареньем бы еще намазать, – сказал он, – получился бы королевский десерт, и мы как знатные вельможи – сидим и попиваем чай.

– У меня нет варенья, – сказала Шир улыбаясь, «...нет, всё-таки он хороший», – подумала она.

– А знаете что, Леди Шир, варенья не обещаю, а вот фруктовый сироп – это обязательно к следующему разу обязуюсь, – и Эфраим аккуратно двумя пальцами взялся за её мизинец и легонько потряс, как знак скрепления договора, и сказал: – Вот видите, Шир, ведь всё-таки не зря вы меня пригласили, я поднял вам настроение.

Эфраим стал частенько навещать Шир, был и сироп, и другие угощения из пекарни. Он рассказывал ей бесконечные истории из своей жизни, рассказывал про своих родственников: про свою сестру, которая неудачно вышла замуж и теперь всю жизнь мучается с ленивым мужем и с тремя нерадивыми сыновьями, которые так же ленивы, как и их отец; рассказывал про брата, который жадный и корыстный и которому хитростью удалось получить большую часть наследства после смерти их родителей.

– ... и эти деньги не пошли ему на пользу, – говорил Эфраим, – возможно, он и стал богаче, но мы все отвернулись от него, он одинок в его большом доме. Жена его такая же жадная и избалованная, она не готовит, не возится по дому, вся её забота – тратить деньги наших родителей на наряды. А брат как дурак влюблён в неё, на руках её носит, я бы такую пройдоху на порог не пустил. Вот моя жена целый день в работе, топчется по кухне, как заводная, готовит изысканные блюда, чтобы мужу угодить, и ещё находит время помочь мне в пекарне. А за домом как следит! При такой жене и домработница не нужна, и, что самое главное, – не требует ни нарядов, ни дорогих украшений, я с ней горя не знаю.

Далее Эфраим поведал Шир, что у него есть ещё один брат:

– ... такой же добряк и такой же щедрый, как я, – с философской улыбкой на лице говорил Эфраим, – мы с ним очень дружны, он немногим старше меня, вот жену похоронил в прошлом году, хорошо – сын взрослый, есть кому помочь. Ох, Шир, видели б вы его сына, красавец, чернобровый, стройный, наша порода.

Шир оглядела Эфраима с ног до головы: «Стройный... – подумала Шир, – возможно, Эфраим когда-то и был таким».

– Мы с женой поговариваем сосватать за него одну из наших дочерей, – продолжал Эфраим, старшенькую, наверно, она попышнее, младшая худоватая, пусть ещё дома сидит, отъедается, а то трудно будет её пристроить, хотя на лицо она красивее старшей. И потом племянник-то наш не так и молод, уже третий десяток, а всё как пацан в мечтах. Говорил я с братом, и он вроде как был не против, но ответа мы пока не получили. Бойтся, наверно, что сын после свадьбы отдельно жить уйдёт и некому помогать будет. Ресторанчик у него небольшой в центре города. Дела идут неплохо, жена только вот померла у него... Кажется, уже говорил. Работящая она была и не прихотливая, как моя, много пользы приносила. Брату помощницу теперь пришлось взять на кухню, но он ею недоволен – ест, говорит, много, а работает мало, скучает он за женой.

Потом Эфраим рассказывал про родственников жены, говорил что «они тоже, в общем-то, люди неплохие, но живут по каким-то непонятным законам».

– Когда отец моей жены захворал, – рассказывал Эфраим, – мы с женой забрали его к нам. Тесть был прикован к постели, я ухаживал за ним, как за ребёнком, купал его, постригал, как за родным заботился. За своими-то стариками мне заботиться не довелось. Братец мой, как только почувал, что те прихворнули, так сразу к ним и переехал, он тогда холостой был, он у нас младший. Как пиявка, присосался и не отстал, пока те не померли, отписав ему большую часть. Так вот, тесть-то мой почти три года у нас пролежал, а как помер, то оказалось – наследство всем поровну поделил. У жены ещё две сестры, чтоб их... Но я виду не подаю, человек я бескорыстный, только понять всё пытаюсь, как же ж так...? Когда отец заболел, мы с женой первые приехали, а как наследство делить – так всем поровну. Ладно, – Эфраим махнул рукой, глядя вперёд невидящим взглядом, – другой бы на моём месте так бы этого не оставил.

Шир в основном молчала. Несколько раз она, правда, пыталась тоже рассказать что-нибудь, ну хотя бы о жизни в монастыре, но Эфраим всякий раз вежливо прерывал её («Извините, Шир, я перебыл вас») и продолжал свои истории. Нередко, слушая его, Шир спрашивала себя, зачем ей всё это нужно и почему она должна выслушивать все эти рассказы о людях, которых она никогда не знала и, скорее всего, никогда и не узнает? Но всё-таки двое из них, о ком рассказывал Эфраим, встретятся Шир на её пути. Это будет потом, ну а пока у Шир случались такие вечера, пустые и одинокие, когда Эфраим был как никогда кстати, он приносил угощения, от него пахло свежим хлебом и ванилью. Всякий раз, уходя домой, Эфраим приглашал Шир навестить его пекарню:

– Вы будете моей почётной гостьей, Леди Шир, – говорил он, оглядывая её с головы до ног, – я угощу вас тортами и пирожными.

В ответ на это Шир лишь улыбалась. Но один раз ей таки случилось побывать в пекарне Эфраима, только ни тортов, ни пирожных в пекарне тогда уже не было, выгорело всё, оставались только стены и всё то, что не могло сгореть. Лето было жарким и сухим. Возможно, пекарня так пересохла, что сама собой вспыхнула к осени, а может, её кто-то просто поджёг. Дело было ночью, поэтому Эфраим узнал о пожаре, когда пламя уже охватило почти всё помещение. Зрелище, вероятно, было столь впечатляющим, что Эфраим не был способен осмысливать свои поступки и сделал то, что первое пришло ему на ум, – обычно в такие моменты человек действует инстинктивно и правильно, чему потом сам удивляется. Эфраим с криками о помощи побежал к Богу, то есть в монастырь. Его удалось остановить уже у самого входа в здание монастыря. Первой на крик прибежала старая монахиня, которая была сиделкой в коридоре, где комнаты девочек, и у которой была бессонница. Она с трудом поднялась со своего кресла, которое за много лет было хорошо знакомо с её задом и уже приняло его форму. Монахиня, медленно переставляя обмотанные тряпками ноги, двинулась в сторону входа на крик, но в её понимании это означало бежать. Всю свою жизнь она провела в монастыре и большую часть времени сидя в кресле. Никакую другую работу она выполнять не могла, потому что была грузной и неподвижной, поэтому и усадили её в кресло с подлокотниками присматривать

за девочками. Днём монахиня дремала в этом же кресле, опираясь на деревянную конторку, которая была придвинута плотно к креслу и которую надо было отодвигать всякий раз, чтобы подняться, поэтому старая монахиня не поднималась с кресла без особой надобности.

Когда из криков Эфраима стало понятно, что в городе пожар, в монастыре приняли решение оповестить об этом жителей звоном колоколов. Жителям, выбежавшим в ночных платьях на улицы, не сразу стало понятным, какая именно часть города охвачена огнём. Когда выяснилось, что горит всего лишь пекарня, некоторые разочарованными вернулись домой, а некоторые пошли помогать тушить пожар. Леди Шир тоже услышала звон колоколов, он ей был хорошо знаком, она открыла окно, чтобы посмотреть, что там происходит. Сторож в швейной мастерской сказал, что горит пекарня, он специально стоял под окном, где комната Шир, чтобы когда Шир захочет узнать, почему в городе шум и откроет окно, то он будет первым, кто ей расскажет новость и заодно увидит её в ночной сорочке. «Если кому суждено умереть на пожаре, то, скорей всего, он это уже сделал», – подумала Шир и вернулась в постель. И потом она могла просто крепко спать и не слышать звона колоколов. Утром Шир пришла в монастырь в обычное для неё время. У ворот была суета, Эфраим взволнованно объяснял настоятельнице, что на восстановление пекарни ему понадобится всего несколько недель.

– Это не страшно, – говорила настоятельница, – мы подождём, какое-то время мы можем выпекать хлеб и в монастыре.

Она пообещала Эфраиму содействие в восстановлении пекарни и даже сопровождала с ним несколько девушек из монастыря, чтобы те помогли жене Эфраима и его дочерям прибраться после пожара. Марта тоже суетилась у ворот, ей было интересно – Шир уже знает о пожаре? Шир сделала вид, что только утром об этом услышала и чувствовала себя немного виноватой за притворство, поэтому тоже вызвалась на помощь. Эфраим с благодарностью посмотрел на неё и заранее искренне поблагодарил. Шир подошла к нему ближе и шёпотом быстро сказала:

– Та девочка у ворот, беленькая, её зовут Марта, попросите, чтобы её отпустили с нами помогать. Мы с ней дружим.

Шир давно собиралась рассказать Эфраиму про Марту, но как-то не довелось. Эфраима ничуть не удивила просьба Шир и то, почему Шир сама не попросит за Марту у настоятельницы. Настоятельница отпустила Марту по просьбе Эфраима и наказала другим девушкам постоянно за ней приглядывать.

Поутру в воздухе ещё оставался дым и запах гари, по дороге, ведущей к пекарне, текли черные потоки воды. Атмосфера города немного нарушилась после ночного пожара или, скорее, слегка поменялась, но солнце и осенние облака выполняли свою каждодневную работу, им и дела не было до того, что жители города останутся без хлеба.

Шир и Марта шли позади всех. Время от времени Марта останавливалась и заглядывала в лицо Шир: «Карие, а на солнце зелёные», – решила для себя Марта про глаза Шир. Эфраим шёл первым и постоянно бранился то на ветер, то на жару, то на того «кто это сделал», он клялся всеми Богами найти его и отомстить. Вслед за Эфраимом молча шли монашки, одна из них то и дело оглядывалась на Марту.

– Вот дурочка, – сказала Шир. Марта сразу поняла, о ком говорит Шир и тихонько хихикнула. Марта крепко держала Шир за руку, им предстояло целый день провести вместе. От радости Марта едва ли сдерживала себя, чтоб не побежать.

– Шир, а помнишь, как мы давно в больнице были? Правда, было хорошо, только у меня палец болел. Теперь мы опять идём вместе, и палец у меня не болит, – Марта задумалась на минутку и добавила, – конечно, жалко что сгорела пекарня...

Она не любила Эфраима. Как-то Шир сказала ей, что они с Эфраимом дружат, но Марте не хотелось, чтобы у Шир были другие друзья кроме неё.

– Шир, а тебе жалко, что сгорела пекарня? – спросила Марта.

– Марта, тебе нужен хороший ответ или честный? – и Шир рассмеялась, она притянула руку Марты к своим губам и поцеловала ей пальцы, – ведь никто не пострадал, разве что пара мешков муки да деревянные столы. У нас будет хороший день, детка, мы будем разговаривать.

Монахиня, которая постоянно оглядывалась на Марту, приостановилась и с укором сказала, обращаясь к Шир, но не глядя ей в глаза:

– Нам бы не следовало так громко смеяться.

– А мы радуемся, что никто не пострадал на пожаре, – сказала Марта, сдерживая смех.

Ни жены, ни дочерей пекаря в пекарне уже не было, они всю ночь помогли тушить пожар и теперь вернулись домой. Оставалась самая грязная работа: вынести всё что сгорело, отчистить помещение от гари, чтобы поскорее можно было начать ремонт. Первым делом монахини устроили совещание «чтобы правильно распределить работу», Шир и Марта в этом не участвовали. Шир нашла большую кастрюлю, и они вдвоём с Мартой собирали в неё всё черное и горелое, что валялось под ногами, и выносили на улицу. Они старались держаться в стороне от остальных, чтобы поговорить.

– Вот послушай, Шир, – и Марта коснулась пальцами лица Шир, но быстро отдернула руку, увидев, что её рука полностью черная. Они обе уже были перемазанные золой – и руки, и лица, – нам говорят, что всё что случается – значит, так хочет Бог. Вот зачем ему было поджигать пекарню?

– Не знаю, – ответила Шир, они обе сидели на корточках и руками разгребали кучи обгоревших тряпок, по толстым верёвочным узлам, которые до конца не прогорели, можно было догадаться, что это ещё вчера были мешки с мукой, – не думаю, чтобы Бог сам поджигал пекарню, – говорила Шир, – может он попросил кого...

– Но для чего? – не унималась Марта, каждый предмет, который она клала в кастрюлю, она внимательно рассматривала, пытаясь угадать, чем он был до пожара, – мы сейчас всё убежём, потом всё исправят, – задумчиво сказала она, – и будет всё сначала, как и раньше, как и вчера, как и в те все другие дни.

– Значит, нужен был сам пожар, для чего-то, – сказала Шир и вздохнула, она увидела в куче горелых тряпок обуглившиеся трупы котят. «Только не это» – подумала Шир, она понимала, что уже не успеет оттащить Марту в сторону и что Марта вот-вот тоже увидит котят, и ей станет грустно. Марта была занята верёвкой, верёвка почти не пострадала от огня, потому что была туго скручена, и Марте зачем-то надо было её раскрутить. Когда дело было сделано, Марта кинула верёвку в кастрюлю и вот тогда тоже увидела котят или то, что от них осталось.

– Ой, котятки, – удивлённо сказала Марта, как будто не замечая, что и на котят-то они уже не похожи. Она подползла к ним на коленях, не заботясь о своём платье, уселась возле них и стала гладить рукой то, что осталось от котят, – бедненькие котятки, – дрожащим голосом сказала Марта, и по её щекам потекли слёзы, – бедная кошечка, сгорели её детки.

Шир немного удивилась тому, как быстро Марта догадалась, что это были именно котята, она села рядом с Мартой и обняла её. «И зачем был нужен этот пожар?» – думала Шир.

– Что нам с ними делать? – шёпотом спросила Марта.

– Мы их похороним, просто закопаем тут, возле пекарни. Всё живое после смерти имеет право быть похороненным, – сказала Шир и сгребла котят в подол платья.

– Красиво ты это сказала, Шир, и правильно.

– Это мой папа так говорил, – сказала Шир и опустила взгляд на скрученные трупы трёх котят, что лежали у неё по подолу, – мы часто гуляли с ним в лесу, и когда он видел мёртвого птенца, который выпал из гнезда, или какого другого мёртвого зверька, то мы всегда останавливались и папа хоронил его.

– Наверно, твой папа был очень добрый.

– Пойдём Марта, – Шир решительно встала и взяла Марту за руку, – никому не скажем про котят, это будет наш секрет.

Недалеко от пекарни росло большое дерево, оно вполне подходило, чтобы похоронить под ним котят. Шир и Марта уселись под этим деревом. Шир попробовала ковырять землю руками, но это было трудно.

– Нам нужен какой-нибудь совок, чтобы выкопать ямку, – сказала Шир.

– Там валяется железная кружка, можно кружкой копать ямку, – предложила Марта. Она уже не плакала, но была грустной.

Кружка подошла для того, чтобы выкопать ею ямку – могилку для котят.

– Спи спокойно, – сказала Марта, когда Шир клала котят в могилку и накрывала сухими листьями.

– Ты когда-то была на похоронах? – спросила Шир.

– Нет, а что? – Марта пожала плечами.

– Тогда откуда ты знаешь, что говорят, когда хоронят?

– Ты давно рассказывала мне, как хоронила своего мужа, помнишь, Шир? – и Марта вопросительно посмотрела на Шир.

– Нет, не помню. Что ещё я рассказывала?

Марта смущённо опустила голову и тихо сказала:

– ... Что он в реке купался, что была холодная вода, что поэтому он заболел и потом умер.

– А, ясно, – сказала Шир с горькой усмешкой.

– Что ясно? – спросила Марта.

– Ясно, откуда ты знаешь эти похоронные слова, – на самом деле Шир подумала о другом: ей наконец стало понятным, почему Марте приснился сон про реку.

– А как звали твоего мужа? – осторожно спросила Марта. – Или ты и сейчас не помнишь?

– А я тебе не говорила? – безразлично спросила Шир, её взгляд был направлен на Марту, но смотрела она как бы сквозь неё.

– Нет, ты тогда не помнила, – сказала Марта, глядя Шир прямо в глаза, подсознательно понимая, что Шир её сейчас не видит.

– Его звали Милош, – немного помолчав, ответила Шир и печально улыбнулась.

И всё же одному человеку пришлось рассказать секрет про котят: Эфраиму. Он растеряно бродил вокруг пекарни, его потерянный вид говорил о том, что только сейчас Эфраим начинал осознавать, насколько большой ущерб причинил пожар. Из всего существа, которое представлял собой Эфраим, казалось, признаки жизни подаёт теперь только глаза и ещё какая-то внутренняя сила отчаяния, которая передвигала его ноги. Эфраим подошел к Шир и Марте в тот момент, когда они обе сидели под деревом. Марта решила, что нужно объяснить, что они делают под деревом, и тихо сказала:

– Мы похоронили котят, они сгорели, – потом Марта виновато посмотрела на Шир и ещё хотела было добавить, что это секрет, но, увидев безразличный взгляд Эфраима, поняла, что в этом нет необходимости.

– Да были котята, четыре, кажется, или пять, – сказал Эфраим.

– Мы нашли троих, – сказала Шир и протянула Эфраиму руку, чтобы он помог ей подняться.

Когда Шир уже поднялась, Эфраим продолжал держать её за руку.

– Мы всё тут починим, вот увидишь, Шир, я всё быстро восстановлю, я им всем ещё покажу, кто такой Эфраим, – он говорил это с приглушенной яростью, так, что лицо его начало дрожать, – я не позволю никому мешаться в моих делах, я всю жизнь тяжело работал, чтобы содержать в достатке мою семью.

Шир молча смотрела на него и старалась сделать так, чтобы её взгляд казался Эфраиму как можно более понимающим, она даже обняла его одной рукой, но в этот момент Эфраим почему-то был ей отвратителен. Когда Марта увидела, что Шир обняла Эфраима, то тут же отвернулась и убежала, она не могла видеть, как её Шир обнимает чужого человека.

Пожар, который удалось потушить за несколько часов, повлечёт за собой перемены не только в семье Эфраима, но и в жизни Шир и в жизни Марты. Эфраиму не удастся восстановить пекарню за пару недель, как он на то рассчитывал, понадобится гораздо больше времени. К тому времени, когда пекарня будет восстановлена, в монастыре уже сами научатся выпекать хороший хлеб, и не будут нуждаться в услугах пекаря. Из-за спешки он влезет в долги, которые будет не в состоянии сам выплатить. Ему придётся выдать замуж ту дочь, что попышнее, за немолодого, но богатого господина, который поможет Эфраиму выплатить часть его долгов. Бедная девушка уже была втайне влюблена в красавчика кузена, после всех тех разговоров, которые велись вокруг них в семейном кругу. Она мечтала и была уверена, что отец всё устроит, и она станет счастливой женой. Но ей придётся стать женой другого, которого она не будет любить ни одну минуту в её жизни. Вторая дочь останется без приданного, поэтому долго не сможет выйти замуж, и родители будут рады отдать её за чужеземца, который увезёт её в дальние страны, и она уже никогда не вернётся домой даже повидать родителей.

Шир и Марта не знали и не могли знать, что очень скоро и их жизнь изменится, поэтому сейчас их совсем не заботил пожар, для них это был повод побыть вместе. Только вот было жаль котят.

Летом в школе при монастыре девочкам устраивали каникулы. Ученицы разъезжались по домам, это был их долгожданный период. Только вот Марту каникулы не радовали, для неё это означало целый месяц не видеть Шир. На каникулы Марту забрала её тётка, та, что воспитывала Марту в младенчестве. Дом отца Марты летом пустовал. Карин с близнецами уезжала к родителям, а Эдуард был постоянно занят работой, и у него не было достаточно времени приглядывать за дочерью. Так он говорил, но на самом деле он боялся оставаться с Мартой наедине: он не знал о чём с ней говорить, не знал чем её можно развлечь. В последнее время, когда Эдуард навещал Марту, Марта приводила с собой Шир, и посещение монастыря перестало быть для него мучительной обязанностью. Шир рассказывала смешные истории из жизни монастыря (оказывается и такие бывали) и при этом сама веселилась, как ребёнок. Эдуард стал чаще приходить в монастырь, приносил угощения для Марты и для Шир и всякий раз, уходя, протягивал Шир руку и предлагал помощь. Шир не отказывалась, но и не о чём не просила.

В последний день школьных занятий собрали родителей и объявили, что они могут забрать детей домой на месяц. Девочки стали прыгать и хлопать в ладошки, только Марта стояла неподвижно и в ожидании смотрела на отца. Эдуард был уверен, что Марта боится, что он опять оставит её в монастыре, но Марта не боялась, она надеялась на это. Когда все разошлись, Эдуард подошел к настоятельнице и спросил, много ли девочек остаются на каникулах в монастыре? Настоятельница поджала и без того узкие губы, измерила Эдуарда строгим взглядом и, выдержав паузу, ответила вопросом на вопрос:

– А вы и на этот раз хотите оставить Марту на каникулах в монастыре?

Настоятельница стало известно, что, навещая дочь, Эдуард встречается и с Шир. Ей это не нравилось, но она ничего не могла сделать: Шир не была монахиней, и поэтому их не в чем было упрекнуть.

– Нет, нет, – торопливо заговорил Эдуард, – я просто хотел спросить...

Но настоятельница не дала ему договорить, она скривила рот в недоброй усмешке и спросила:

– ...Или вы хотите пригласить к себе в дом на каникулы девочек сирот?

Эдуард плотно стиснул зубы, ему не хотелось ни пререкаться, ни оправдываться. А ещё он подумал, насколько легко ему удаётся хлестать фразами в суде и как невыносимо здесь его гнетёт присутствие монастыря и всего его уклада. Далее Эдуард подумал про Марту, впервые за все годы он задумался, что, возможно, отдать Марту в школу при монастыре было поспешным решением. И теперь, после разговора с настоятельницей, он был решительно настроен забрать

Марту из монастыря хотя бы на время каникул. Эдуард спросил сестру, может ли он привезти к ней Марту на месяц. Белла, так звали сестру Эдуарда, с радостью согласилась.

Белла с мужем Александром и с тремя сыновьями жили в деревне, у них было своё, небольшое хозяйство, этим они и зарабатывали себе на жизнь. Они были счастливой семьёй. Соседи до сих пор в шутку называли их молодожёнами, хотя женаты они были не меньше шестнадцати лет. Как-то осенью, среди белого дня, соседка застала их в саду за «святым делом». Белла смутилась и хотела было убежать, но Александр удержал её:

– Глупая, мы женаты, нам всё можно.

Вечером, соседка-свидетельница прелюбодеяний пришла в дом Беллы и Александра с корзиной молодых яблок. Она принесла им яблоки, давая понять, что это именно она видела их в саду и что она ничуть их за это не осуждает.

Марту привезли в дом тётки поздно вечером, когда в доме почти все спали. Белла постелила Марте постель в маленькой комнате на втором этаже, её вещи отнесли туда же.

– Утром всё разберём, – сказала Белла, – это будет твоя комната.

Белла ненадолго задержалась в комнате, чтобы получше рассмотреть Марту, она не видела её два года. С тех пор Марта очень изменилась: похудела и вытянулась.

– Как же ты похожа на свою мать, – с грустной улыбкой сказала Белла и погладила Марту по светлым разбросанным по плечам волосам, – такая же красавица.

Белла не была особенно красива лицом, и женская красота всегда вызывала в ней восхищение. Но Карин, хоть и считалась красивой женщиной, Белле никогда не нравилась. Белла не высказывала своего мнения, но её очень удивил выбор брата. И особенно Белла невзлюбила Карин, когда та решила забрать у неё Марту для того, чтобы потом отправить её в монастырскую школу. Белла была уверена, что Марта навсегда останется у неё, после трёх сыновей Марта для Беллы была настоящим подарком, Белла называла её дочкой.

Когда Марта осталась в комнате одна, она переоделась в ночную сорочку, которую принесла ей Белла и залезла под одеяло. «Целый месяц!», – подумала Марта и вздохнула. Когда она прощалась с Шир перед отъездом, Шир пообещала ей, что когда она вернётся всё останется по-прежнему. Шир ведь не могла знать, что в пекарне будет пожар.

Постель была слишком большой, подушка слишком высокой, одеяло слишком тяжёлым, но Марта так вымоталась за время поездки, что тут же уснула. Утром Белла разбудила её, не заходя в комнату через закрытую дверь, она осторожно спросила:

– Дочка, позавтракаешь с нами?

В комнате было светло, два неразобранных чемодана стояли под стенкой, на стуле весело школьное монашеское платье. Марта лежала под одеялом и рассматривала комнату, в которой она будет жить целый месяц. Тёплый ветер через приоткрытые окна играл со шторами. В комнате витал особый запах, который бывает только в деревенских домах: это смесь запахов сырости, лежалых вещей, сушеных грибов, запах дров и свежескошенной травы. За окном стрекотали кузнечики и пели птицы, а в углу комнаты стоял весёленький полированный комод с выдвинутыми ящиками, чтобы показать, что они пусты. Комод был немного округлым, с резными узорами по бокам. Марта встала с постели, подошла к комоду и задвинула ящики один за другим.

– Ты похож на циркового слонёнка, – сказала Марта и погладила комод, – вернись, разложу вещи.

Марта нырнула в своё серое школьное платье и уже, выходя из комнаты, вспомнила, что не застелила постель, Марта скривилась, потом посмотрела на комод и сказала:

– Застели-ка мою постель, слонёнок.

Марта могла заговорить с любым предметом, будь то глиняная тарелка или потертые ботинки, любой предмет мог вызвать в Марте желание поболтать, она легко придумывала ему имя, и всегда находилось что сказать.

Столовая располагалась на нижнем этаже, и, ещё спускаясь по лестнице, Марта увидела сидящих за столом Беллу, Александра и двух своих двоюродных братьев: самого старшего – Романа и самого младшего – Косту, среднего из братьев – Нойи за столом не было. Марта остановилась и двумя руками взялась за перила. Тётка с мужем Марту совершенно не смущали, а вот два кузена-подростка тут же вызвали в ней неудержимое желание подняться в комнату, где комод-слонёнок, и спрятаться под одеяло. Большую часть своей сознательной жизни Марта провела в монастыре, и радость общения с мальчишками обошла её стороной. Она не умела с ними общаться и не хотела. Для себя Марта решила, что для общения с мальчишками еще придёт время, и придёт оно не скоро, вот тогда она об этом подумает. В доме отца Марта бывала редко и поэтому почти не была знакома со своими двумя младшими сводными братьями-близнецами. Как-то во время игры близнецы мчались по коридору, привязав себя, один к другому, верёвкой. Наверно, это была игра в поезд. Они так увлеклись игрой, что не заметили Марту и сбили её с ног. Марта упала на пол, а когда поднялась, то с силой толкнула близнецов. Она сделала это прежде, чем успела что-либо подумать. Близнецы ударились один о другого, потом об стену, потом повалились на пол, а затем оба, в один голос, разревелись. Из комнаты выбежала Карин, она метнула в Марту недобрый взглядом, как камнем, но ничего не сказала. Карин схватила за руки близнецов и строго наказала им обходить Марту стороной. Пожалуй, это был единственный случай общения Марты с её сводными братьями, после которого близнецы ещё больше стали сторониться Марты, а у Марты они стали вызывать ещё большую неприязнь.

Белла заметила Марту, стоявшую на лестнице. Она встала из-за стола и подошла к лестнице. Не поднимаясь, глядя снизу вверх, она протянула навстречу Марте обе руки и поманила её к себе:

– Марта, доченька, спускайся скорее, мы тебя ждём, – при этом Белла улыбалась как настоящая мать. Будь у неё ещё четверо детей или пятеро, она любила бы их всех не меньше и тратила бы на них ровно столько же чувств и жизненной энергии, сколько тратит на своих троих сыновей.

Марта заскользила ладошками по перилам, медленно спускаясь вниз по лестнице, переступая со ступеньки на ступеньку.

Белла усадила Марту рядом с собой, она не стала объявлять другим членам семьи, что в их доме гостья. Белла вела себя так, как будто Марта постоянно живёт в их доме.

– Чего бы тебе сегодня хотелось на завтрак? – спросила она Марту и поставила передней тарелку, – выбирай: есть сыр, овощи, есть свежие, есть пожаренные.

Марта пожала плечами. Тогда Белла привстала и положила Марте на тарелку почищенное варёное яйцо, два кусочка белого домашнего сыра, несколько колечек изящно нарезанного помидора и намазала тонко отрезанный хлеб жёлтым домашним маслом.

– Наедайтесь хорошенько, – обратилась Белла ко всем трем детям, что сидели за столом, Марта кивнула в ответ, а двое братьев сидели неподвижно и зачарованно наблюдали за Мартой. – Мы с папой уходим до обеда работать в поле, хотите, можете прийти к нам помочь, а нет – найдите себе занятия дома или погуляйте, но к обеду будьте здесь и ждите нас.

– А где Нойа? – тихо спросила Марта.

Белла спохватилась, как будто только что вспомнила о нём:

– А, Нойа, Нойа у себя в комнате, ему нездоровится, – сказала Белла и тут же встала со стула, хлопнула в ладоши и с улыбкой объявила: – Мальчики, кто не идёт с нами помогать, тот останется присматривать за Нойей.

Братья оба скривились, как по команде.

– Нее, – протяжно сказал Роман, – я лучше в поле, – и встал из-за стола. В свои пятнадцать он уже по росту и ширине плеч догонял отца.

Александр тоже встал из-за стола, подошел к старшему сыну, хлопнул его по плечу:

– Давай, сынок, поможешь мне воду нести.

Роман взял яблоко со стола, сунул его в карман и медленно поплёлся во двор вслед за отцом.

Коста сидел в раздумье, поглядывая то на Марту, то в сторону комнаты, где лежал в постели его брат Нойа. Коста был почти одного возраста с Мартой, но был намного её крупнее и выглядел старше. Он был самым озорным среди братьев, его зелёные лисьи глаза так и бегали, высматривая малейшую возможность сотворить озорство. Ему хотелось остаться с Мартой, прогуляться с ней по двору, показать кроликов. Коста был уверен, что имеет на Марту больше прав, чем кто-либо из его братьев, потому что они с Мартой одного возраста, но ему очень не хотелось присматривать за Нойей.

– Наверно, и я с вами, – лениво сказал Коста, – не хочу оставаться с Нойей, он скучный, лучше буду жуков собирать, Марта пусть за ним присматривает.

Все разошлись, и Марта осталась в гостиной одна. Она не решалась подняться в комнату к Нойе. Марта не знала, как именно ей надо за ним присматривать. Она прошлась по дому, в доме было приятно, тихо и прохладно, под потолком жужжала муха, с улицы были слышны удаляющиеся голоса Александра и сыновей. Марта вышла во двор, на улице было уже жарко. Её серое суконное платье выглядело нелепо летним утром среди деревенской щедрой зелени. Марта вернулась к себе в комнату, вытащила из чемодана её любимое белое длинное платье и нарядись в него. Постель оставалась незастеленной, комод-слонёнок на просьбу Марты застелить её постель – не откликнулся. Марта без всякого удовольствия застелила постель, а вещи решила оставить в чемоданах до следующего дня.

Неуверенной, медленной походкой, отсчитывая шаг за шагом, Марта подошла к комнате Нойи и тихонько постучала в дверь. На стук никто не ответил, Марта постучала второй, третий раз, но по-прежнему ответа не было, тогда Марта осторожно вошла в комнату. Нойа спал, одной рукой он прижимал к груди развёрнутую книгу, в другой его руке повисли очки, распахнув дужки. Марта придвинула стул к кровати и села так, чтобы быть поближе к Нойе. Нойа был очень худым и бледным, и если бы Марта не слышала его дыхания, то решила бы, что он мёртв. Сидя у постели больного кузена, Марта сочла, что будет правильным прочитать молитву за его выздоровление. Она сложила руки, как это полагается во время молитвы, но ни одна молитва на ум не приходила. Тогда Марта решила обратиться к Богу своими словами, как учила её Шир.

– Добрый Бог, – зашептала Марта, – это мой двоюродный брат Нойа, он очень болеет, у него слабое здоровье, мой папа говорит, что он таким родился. Я не стану тебя просить, чтобы ты чудесным образом его вылечил, потому что думаю, что это невозможно. Хоть нам и говорят в школе, что ты можешь делать любые чудеса, но Шир говорит, что это не совсем так, и я ей верю. Шир говорит, что не надо просить чудеса и беззаботную жизнь, а надо просить силы справляться с бедой и ум, чтобы уметь видеть чудеса, которые уже есть. Добрый Бог, пожалуйста, дай моему брату Нойе много сил справляться с его болезнью.

Ума для Нойи Марта просить не стала: она часто слышала от отца, что Нойа очень умный и в раннем возрасте научился читать, когда обычные дети не умеют еще и говорить.

Нойа открыл глаза: его разбудил шёпот Марты. Он плотнее прижал к себе книжку и крепче сжал в руке очки.

– Ты Марта? – спросил он, ещё полностью не проснувшись.

– Да, – ответила Марта и кивнула.

Нойа слегка улыбнулся, отложил в сторону книгу и очки и протянул Марте руку.

– Привет, Марта, Белла говорила, что ты должна приехать, я ещё не спал, когда вы пришли вчера вечером.

– Белла тебе родная мать? – спросила Марта.

– Родная, конечно. Разве ты не знала этого? – немного удивился Нойа.

Марта кивнула:

– Да знаю, а почему ты её Белла называешь?

- Привык с детства, отец её так называл, вот и я повторял за ним.
- А твоего отца ты тоже по имени называешь?
- Нет, мы с ним вообще мало общаемся.

Марта с недоверием посмотрела на Нойу. Он был не самым старшим ребёнком у Беллы и Александра, Роман был старше его ровно на год, но Нойа как будто не считался с ним. «Наверно, когда Нойа начал говорить, Роман ещё не говорил», – подумала Марта и хотела об этом спросить, но вспомнила, что ей было поручено присматривать за Нойей, а не задавать ему разные вопросы.

- Хочешь есть? – спросила Марта и сразу почувствовала себя взрослой и заботливой.

Нойа покрутил головой, не отрывая её от подушки.

- Нет пока. А все ушли? – спросил он.

– Да, в поле, – кивнула Марта.

- Ты из-за меня осталась? – спросил Нойа совершенно со взрослой интонацией.

Марта кивнула, но не ответила.

– Расскажи мне про твою школу, раз уж ты решила побыть со мной, – попросил Нойа, – ведь ты так и осталась в этой монастырской школе?

Марта опять кивнула.

– Ну, там не так и плохо, – сказала она, слегка поморщив нос, – лучше я тебе про Шир расскажу.

- Девочка с твоего класса? – спросил Нойа.

– Нет, она взрослая, она на кухне помогает.

- Монахиня? – спросил Нойа и сел на постель, прикрывая худые ноги одеялом.

– Нет, – несколько резко ответила Марта, как будто монахиней быть оскорбительно, – Шир не монахиня, она просто там работает, – всё тем же тоном объяснила Марта.

Нойа оживился, в его больших голубых глазах блеснул лучик жизни.

– Продолжай, какая она твоя Шир? – нетерпеливо попросил он, его совсем не обидел резкий тон Марты, а наоборот раззадорил.

Он сидел на кровати и тщательно прятал ноги под одеялом, чтобы их болезненная худоба и синеватый цвет не испугал Марту, сверху на нём была широкая белая рубаша с тонкого хлопка, отороченная кружевами, которая полностью закрывала его тело. Из-за болезни Нойа мало выходил на улицу, и лицо его было бледно восковым, нежным, без рыжих пятен, которые всегда появлялись летом на лицах его братьев.

– Другие называют её сумасшедшей, – начала рассказывать Марта, стараясь выразить в голосе ещё и благодарность за то, что Нойа не обиделся на её резкий тон и не ответил ей тем же, – но она не сумасшедшая, просто очень добрая, ей можно рассказывать всё что угодно. Мы с ней прячемся в кладовке и разговариваем. Шир мне пообещала, что когда-нибудь мы с ней сбежим из монастыря, и будем жить вдвоём, как пираты вне закона. А ещё она всё знает, и про Бога тоже она мне рассказывает, и это не так, как нас учат в школе.

Нойа с жадностью смотрел на Марту, с ним давно никто не разговаривал. Если кто и заходил к нему в комнату, то только для того, чтобы спросить, как он поживает и быстро уйти. Нойа впивался в каждое слово, что говорила Марта, он останавливал её и переспрашивал подробности: или Шир красивая, носит ли она монашеское одеяние, есть ли у неё муж и дети?

– Её муж умер, – говорила Марта, – из-за реки. Он купался в реке, и была холодная вода, потом он заболел. Шир его очень любила и, наверно, сейчас любит.

- Как звали её мужа? – спросил Нойа.

Марта пожала плечами:

– Не знаю.

– Как, ты не спросила? – удивился Нойа.

– Спросила, но Шир не помнит, – сказала Марта, и ей показалось, что она оправдывается.

– Что значит – не помнит? – Нойа ближе придвинулся к Марте, – сколько ей лет?

– Не знаю, – и Марта опять пожала плечами, – может, тридцать, может, сорок, – неуверенно сказала она.

Какое-то время они молчали: Нойа не задавал вопросов, и Марта не продолжала рассказывать. Она внимательно смотрела на Нойу. Нойа пытался представить себе Шир, а Марта пыталась понять, почему это ему так интересно.

– Она красивая? – мечтательно спросил Нойа.

– Она всегда прячет волосы под платком, – ответила Марта и показала руками на своей голове, как лежит платок на голове у Шир, – но у неё доброе лицо, на неё всегда хочется смотреть.

– Какого цвета у неё глаза? – спросил Нойа.

Марта попыталась вспомнить глаза Шир и поняла, что не знает, какого они цвета.

– Не знаю, – виновато прошептала Марта, – мы редко видимся, когда светло.

Нойа лёг на подушки, заложил руки за голову и, не глядя на Марту, спросил:

– Что ещё Шир рассказывала про мужа?

– ... Что они брали еду в корзинке и уходили в лес, и ещё они в лесу целовались.

Нойа улыбнулся уголками рта, совершенно со взрослым выражением лица, продолжая не смотреть на Марту. Марта не понимала, что вызвало в нём улыбку.

– Я проголодался, – сказал Нойа и повернул лицо в сторону Марты, – что-нибудь осталось еще от завтрака?

Марта тут же вскочила со стула.

– Да есть, в столовой, хочешь, я принесу сюда в комнату?

Нойа кивнул, и Марта выбежала из комнаты. Она быстрыми шагами спускалась вниз по лестнице в столовую за едой для Нойи и думала о том, что Нойа совсем не похож на других мальчишек, что он взрослый и добрый, как Шир.

После обеда Марту уговорили пойти прогуляться по ферме, и Нойа остался дома один. После разговора с ним, другие два брата, Роман и Коста, уже не казались Марте чужими. Пока Роман развлекал Марту смешными историями, от которых сам смеялся больше, чем Марта, Коста собрал для неё колоски разных трав, за что получил подзатыльник от старшего брата. Коста поведал Марте свою заветную тайну: если поставить эти колоски в вазу и оставить в спальне на ночь, то ночью обязательно будут сниться чудные сны.

К ночи, когда все улеглись, Нойа долго не мог уснуть, он думал про Шир и про её безымянного мужа. Роман решил для себя, что через несколько лет станет мужем Марты: «Надо бы ей дать подрасти, уж больно мелкая», – думал он. В свою очередь, Коста был уверен, что Марта никогда не выберет его старшего брата Романа «прыщавого жирдяя» и он, Коста, женится на ней, когда они подрастут. Про Нойю он даже не вспомнил. Но Марта, лёжа в своей постели, думала про Нойу: «Наверно, я выйду замуж за Нойу и буду присматривать за ним, – думала Марта, – потом, когда мы станем взрослыми. Только бы он не умер». Марта боялась, что Нойа может умереть, он сильно кашлял, и в его комнате было полно лекарств.

Каждое утро, пока Марта жила в доме у тётки Беллы, она приходила в спальню к Нойе и повторяла свою молитву. Постепенно Нойа уже перестал притворяться спящим во время молитвы, и Марту не смущало то, что он слушает её разговор с Богом. Молитва стала их утренним ритуалом. Как-то Нойа попросил Марту почитать ему вслух, Марта открыла книжку, где была закладка и начала читать:

«Февральский ветер беспощадно пронизывал верхние нежилые этажи. Мандарина сидела на холодном каменном полу и пыталась разжечь огонь в камине. Сырые дрова не поддавались жалкому язычку пламени. В доме было холодно, плакал ребёнок.

– Успокой его, – крикнул Франк.

Мандарина покорно встала и пошла к ребёнку. Ребёнок затих. Камин остался не растопленным. Но Франку не мешал холод, он работал. Белые листы бумаги покрывались мелкими записями формул и графиков, затем Франк хватал их мял, рвал в клочья и сметал на пол. Мандарина боялась подойти к нему – ей нужны были деньги заплатить за продукты. Бакалейщик оставил корзину у входа и, не дожидаясь платы, – ушёл. Денег не было, и дров почти не оставалось. Большой дом отсырел, и по серым стенам поползли трещины. Ночами Мандарина не всегда могла знать: она слышит скрип пера в руке Франка, или это стонет старый дом? Мандарина гнала прочь мысль о теории закономерности неудач, про которую ей поведал Франк, она верила, что у него получится, и у них будут деньги заплатить бакалейщику, купить сухих дров и многое другое. Ночью Франк обнимал её большими горячими руками, и это стоило тех лишений, на которые пошла Мандарина ради него.

– Если закончатся дрова раньше, чем ты сможешь продать твою работу, я продам мои волосы, – сказала Мандарина. Франк зарылся лицом в её разбросанные по подушке рыжие пряди и ничего не ответил».

Марта отложила книгу в сторону:

– Почему у неё такое странное имя «Мандарина»? – спросила она.

Нойа взял книгу из рук Марты и начал перелистывать страницы.

– У тебя тоже странное имя, – сказала Марта, – Нойа, почему у тебя такое имя, оно немного похоже на женское?

Нойа оторвал взгляд от книги и, виновато улыбаясь, посмотрел на Марту.

– Я родился очень больным и с маленьким весом, такие дети, обычно, не выживают. Белла была расстроена, и одна женщина посоветовала ей назвать меня Нойа. Она сказала, что это имя близко к Богу. Отцу было всё равно, он надеялся, что я умру. У него уже был сын.

Марта не знала, что сказать, ей стало грустно. Нойа почувствовал это и опять начал перелистывать страницы книги.

– Читай дальше, дальше у них будет всё хорошо, – и он опять протянул Марте книгу, но уже на другой странице, ближе к завершению истории.

– Ты её уже прочитал? – спросила Марта.

– Ага, несколько раз, – ответил Нойа и улыбнулся такой детской улыбкой, как могут улыбаться только взрослые, которых в шутку называют детьми.

– А разве она такая уж интересная?

– Да, очень, это моя любимая книга, она про семью. Когда я вырасту, у меня обязательно будет жена, – сказал Нойа. – Читай, теперь тебе должно понравиться.

Марта послушно стала читать с той строки, на которую указал Нойа.

«Конверт лежал на столе. Мандарина старалась не смотреть на него и не думать о нём, но это было нелегко. В конверте было нечто важное. Мужа не было дома, и Мандарина не стала открывать конверт, хоть и умела читать. Франк вернулся поздно. Войдя в гостиную, он сразу увидел на столе конверт. Не подходя к жене и даже не поздоровавшись с ней, Франк подошел к столу, медленно сел на стул, упёрся локтями в стол и обхватил руками голову Мандарина внимательно следила за каждым движением мужа. Каждое мгновение тянулось мучительно долго. Франк усталым взглядом смотрел на конверт и не открывал его. Получая очередной отказ, работать становилось всё труднее, энтузиазма оставалось всё меньше. Мандарина медленно подошла к мужу и нерешительно коснулась его плеча. Франк резко поднял голову, он забыл, что не один в доме. Мандарина отдернула руку.

– Я не верю в теорию неудач, – тихо, но решительно сказала она, – ты великий гений.

Франк притянул её к себе двумя руками и прижался лицом к её животу.

– Я всего лишь инженер, – с горькой усмешкой сказал он.

Мандарина взяла со стола конверт и сорвала печать.

– Читай, – приказал ей Франк, не переставая её обнимать.

Мандарина пробежала глазами по строчкам – слишком много слов, предложения нескончаемо длинные, а далее цифры, имена, адреса.

– Ну же, – нетерпеливо крикнул Франк.

Мандарина попыталась сосредоточиться, но не смогла разобрать ни одной фразы. Это письмо было не похоже на те, другие, которые состояли из нескольких фраз вежливого отказа, это же было почти на два листа.

– Читай сам, – сказала Мандарина и вложила Франку в руки письмо.

Франк стал читать, Мандарина присела у его ног и стала внимательно следить за выражением его глаз. Некоторые строки Франк пробежал, не останавливаясь, к некоторым возвращался по нескольку раз. Глаза его постепенно оживлялись, взгляд становился безумным, на лбу выступили капли пота, по щекам текли слёзы. Франк сделал усилие, чтоб не заорать. Он ждал этого долгие восемь лет. Восемь лет нищенского полуголодного существования, но собственные лишения Франка не угнетали, он был одержим идеей. Его мучило, что его жена и ребёнок были вынуждены страдать из-за него. Но за все эти годы Мандарина ни разу не пожаловалась, ни на холод, ни на голод, она стойко переносила нужду и раздражительность мужа. Она сохранила к нему любовь, преданную и яркую, какой она была с первого дня их встречи, и продолжала оставаться любимой и желанной мужем.

Франк вскочил на ноги, обнял Мандарину и стал кружить её в воздухе. На этот раз в конверте был не отказ. Так и не сказав ни слова, Франк взял со стола письмо и поспешно ушёл. Мандарина не спросила, куда он идёт и почему так поздно. Франк вернулся через час с большой яркой коробкой перевязанной лентой. В коробке было жёлтое шелковое платье, Мандарина развернула его и приложила к своим плечам.

– Красивое, – сказала она, – наверно, очень дорогое.

– Теперь у нас будет много денег, – сказал Франк, – и у тебя будут самые дорогие наряды».

Марта почувствовала, что задыхается от волнения и от радости за Франка и Мандарину. Нойа внимательно следил за выражением лица Марты, он чувствовал то же самое.

– Вот видишь, я знал, что тебе тоже понравится. Он спроектировал мост, и они стали богатыми. Когда я вырасту, тоже стану инженером и тоже построю мост. Это моя мечта. Я ещё никому этого не говорил.

Марта не могла объяснить почему, но ей стало страшно за Нойу. Теперь ещё больше ей стало казаться, что он умрёт, так и не построив свой мост. Все дальнейшие годы Марта будет расспрашивать отца про Нойу при каждой их встрече. Но Нойа не умрёт. Наверно Бог услышит молитву Марты и сделает то чудо, о котором Марта даже не просила: Нойа излечится, станет инженером и построит свой мост.

Почти целый месяц, проведённый в деревне, Марта просидела в комнате возле Нойи. Лишь однажды ей удалось уговорить его прогуляться по улице. Утро было прохладным, свежим после ночного дождя, и вся семья отправилась в поле собирать жуков.

Марта так и не разложила свои вещи в комод. Когда Шир спросила Марту, чем она занималась в деревне, Марта ответила, что они собирали жуков, и перевела разговор на другую тему. Шир больше не спрашивала её об этом, она поняла, что было нечто такое, о чём Марта не хочет рассказывать.

Глава 3

В монастыре уже выпекали свой хлеб. Шир быстро обучилась этому ремеслу, и теперь у неё совсем не оставалось свободного времени. Марта, как никто другой, ждала когда же, наконец, Эфраим отремонтирует свою пекарню: ей больше так и не случилось поболтать с Шир после того дня, который они вместе провели в сгоревшей пекарне. Каждое утро Марта заглядывала в столовую убедиться, что Шир на месте и с ней всё в порядке, но Шир была так занята, что иногда даже не замечала Марту. Дела по восстановлению пекарни продвигались медленно. Вечерами Эфраим приходил к Шир уставший, разбитый. Он бесцеремонно докучал ей своими жалобами на усталость, на долги, на «несправедливую судьбу», на жену, которая стала «молчаливой и неприветливой». Шир молча выслушивала его, чувство такта не позволяло ей выставить Эфраима за дверь. Ей не хватало сна и покоя. Теперь приходилось вставать раньше, чтобы тесто успело подойти и к утру был свежий хлеб. Шир как-то сказала Эфраиму, что недостаток сна её убивает, но Эфраим, казалось, не услышал и продолжал проклинать кредиторов. Когда у Шир заканчивалось терпение, она, стиснув зубы, говорила себе: «Когда-нибудь и это закончится». И это закончилось быстрее, чем Шир того ожидала.

Утро было безжалостно ранним и дождливым, было ещё темно и холодно, горожане спали, только Шир, согнувшись под дождевым плащом, спешила на свою работу, которую любить становилось всё труднее. И если бы кто-то сказал ей этим утром, что должно произойти нечто отвратительное, Шир с лёгкостью бы ему поверила. Настоятельница уже ждала Шир на пороге монастыря. Не успела Шир войти, как та тут же преградила ей путь:

– Сегодня ты пойдёшь домой, Шир, и далее мы не нуждаемся в твоих услугах, – сказала настоятельница, не глядя Шир в глаза.

Шир оторопела. Всё её тело как бы окаменело, сердце застыло в паузе, а затем взорвалось хаотичными ударами, неудержимые потоки крови плеснули по венам. Шир двумя руками откинула капюшон дождевого плаща, лицо её было спокойным и невозмутимым.

– Могу я хотя бы узнать причину? – без всяких эмоций спросила она.

– Твоё поведение не подобает устоям святой обители, – ответила настоятельница, и глаза её забегали из стороны в сторону в попытке не встретиться с уставшим, но уверенным взглядом Шир.

– Моё поведение? – равнодушно и всё так же без эмоций спросила Шир.

Настоятельница задело безразличие Шир, ей хотелось увидеть слёзы в глазах Шир, увидеть её унижение, раскаяние и, возможно, тогда она бы позволила ей остаться. Возможно да, возможно и нет. Но Шир оставалась непреступно спокойной.

– Своим поведением ты позоришь моё доброе имя, – менее сдержанно сказала настоятельница, – жена пекаря, бедная женщина, в слезах пришла ко мне за советом, ей стало известно, что ты задумала увести её мужа.

Шир слушала всё с тем же спокойным безразличием, с каким она выслушивает каждое утро очередное задание по кухне.

– Что ты можешь сказать в своё оправдание, Шир? – спросила настоятельница, с трудом подавляя гнев.

Шир пожала плечами:

– Мне не в чем оправдываться, я не сделала ничего предосудительного, – ровным голосом сказала она.

Настоятельница вздохнула:

– Ты разочаровала меня, Шир. Я думала стены святой обители и моя доброта к тебе послужат поводом к твоему исправлению, но, как видно, я ошибалась, ты продолжаешь устраивать свою жизнь известным тебе способом.

Настоятельница была разочарована, но не поведением Шир, а её невозмутимым спокойствием, с которым Шир восприняла столь сокрушающее, по мнению настоятельницы, разоблачение.

– Какое-то время ты можешь продолжать оставаться в квартире, пока не устроишься на новом месте, – сказала настоятельница, эту фразу она оставила на случай, если раскаяния Шир будут недостаточными.

Настоятельница ожидала, что Шир будет горячо её благодарить за разрешение пожить ещё в квартире, но Шир ограничилась сдержанным «благодарю, вы очень добры», затем попрощалась и ушла так, как будто с ней произошло нечто привычное, что каждое утро происходит со многими.

Шир не заметила, как вышла из монастыря, как пересекла ворота. Ноги несли её так же быстро, как летели её мысли, обгоняя одна другую. Шир не могла сосредоточиться ни на одной из них, мысли двигались хаотично, сталкиваясь одна с другой, разрывая сознание. Хоть Шир и выглядела спокойной, но чувство отчаяния и одиночество, холодом обожгли горло, и заговори с ней прохожий в тот момент – она бы не смогла произнести ни слова. Шир уже было знакомо такое её состояние, наверно, она могла бы вспомнить несколько случаев, когда испытывала нечто подобное, и это всегда предшествовало переменам в её жизни. Шир называла это предательством. Первое «предательство» произошло, когда Шир была совсем юной: её предал «любимый мальчишка». Предал вовсе не жестоко, а безрассудно и опрометчиво. Потом извинялся, но ему не было настолько стыдно, насколько испугала его ответственность. Он убедил Шир, что они любят друг друга и должны пожениться. Шир увлеклась не столь им, сколь его восторженным отношением к ней. Он ни в чём её не осуждал, не называл безрассудной, как называли другие. Он принимал все её сумасшедшие идеи и играл в её сумасшедшие игры. Он быстро согласился бежать вместе с Шир после свадьбы на поиски новых земель. Шир отдала ему себя всю без оглядки. В его голосе, как тогда казалось Шир, звучало вечное и надёжное, что будет сопровождать её всю дальнейшую жизнь. Но он не женился на Шир, хоть и любил её на столько, на сколько был способен. Как оказалось, способен он был не на многое. За несколько дней до свадьбы он сказал Шир, что должен выучиться, получить ученую степень и тогда можно будет пожениться.

– Пойми, это для нас, мы будем жить в достатке, – так он говорил, но Шир не мечтала жить в достатке, она мечтала жить в любви.

Шир назвала его предателем и попросила больше не возвращаться, и он согласился. Спустя полгода он женился на девушке, с которой не надо было бежать на поиски новых земель.

Шир вернулась домой ещё до рассвета. Только теперь Шир заметила насколько маленькая и убогая квартира, в которой она живёт: кровать, обеденный стол, сундук с вещами, за перегородкой печка и поржавевшая ванна. Теперь всё это выглядело чем-то мёртвым, пройденным, отжившим. И наверно, Шир ходила бы сейчас по комнате из стороны в сторону, беседуя сама с собой о ближайшем будущем или хотя бы о том, что будет у неё на обед, ведь она осталась без денег и без работы. Но Шир была очень уставшей, у неё не было сил на размышления, ей хотелось спать, и, если можно так сказать, была рада поводу выспаться. Раздеваясь, Шир швырнула на пол монашеское платье с мыслью, что оно больше ей не понадобится. Подойдя к постели, Шир с упреком посмотрела на портрет Милоша, что висел над кроватью.

– Посмотри, что ты наделал, ты нас предал, – сказала Шир, его смерть она тоже называла предательством.

Шир легла в постель и тут же уснула, ей приснилось, что она получила письмо от Милоша, он просил её приехать к нему в университет, писал, что ему одиноко без неё. Шир повиновалась, хотя прошло много времени с момента их разлуки. Когда Шир приехала в студенческий городок, Милоша там не было, его друзья показали Шир комнату, где живёт Милош. Комнаты для студентов были подобны домикам для птиц, очень маленькие и располагались на высоких

столбах, они качались на ветру. Шир было неуютно оставаться в такой комнате, и она вышла во двор ждать Милоша. Было темно, холодно, лил дождь. Шир не задавала себе вопросов, зачем она приехала и зачем его ждёт. Потом началась суета, прибежали студенты и сказали, что Милош погиб. Появилась молодая женщина с длинными черными волосами. Она возвышалась над Шир. Женщина держала в руке окровавленное сердце. Во сне Шир знала, что это сердце Милоша. Женщина сжала сердце и капли крови, как бусины, стали падать на Шир. Потом женщина с силой бросила сердце, и оно разбилось в осколки, ударившись о Шир. Женщина исчезла. Привезли Милоша, он был бледный, обескровленный. Шир подошла к катафалку. Милош сел на своём ложе, чтобы посмотреть на Шир:

– Прости, Шир, я опять тебя предал, – сказал он. Шир положила руку ему на грудь и осторожно заставила его лечь.

– Ты умер, – тихо сказала она и накрыла ему лицо. Ей было больно и печально, но не из-за смерти Милоша, а из-за того, что она уже давно научилась жить без него так, как будто его никогда и не было.

Шир проснулась от настойчивого стука в дверь. Это был Эфраим. Шир впустила его в комнату, но сама даже не поздоровалась с ним, она надеялась, что больше не увидит его. Было уже темно, вечер.

– Мне всё известно, – осторожно сказал Эфраим, – был сегодня там у них и мне рассказали.

Только сейчас Шир вспомнила про Марту. Эфраим стал о чём-то рассказывать, но Шир его не слышала, он был лишним в её доме, в её жизни, она ещё была под впечатлением своего сна и думала про смерть Милоша, думала про Марту и о том, что ей суждено терять любимых ею людей.

– ... А что мне оставалось делать? – говорил Эфраим, она увидела, как ты меня обнимала в пекарне, когда мы там прибирались после пожара. Следила потом за мной, куда хожу. Пришлось ей всё рассказать.

Шир подняла удивлённый взгляд на Эфраима. Она сидела на стуле, а он стоял над ней, как учитель, порицающий ученика за не выполненную работу.

– Сказал, что ты вдова, что одиноко тебе, вот и приглашала меня, а я человек добрый, трудно было отказать, и, увлеклись, согрешили, – говорил Эфраим, поглаживая себя по животу.

Шир почувствовала, что её сейчас стошнит, и наверно, это бы случилась, но Шир с утра ничего не ела и даже не пила воды. Ей показалось, что в комнате появился отвратительно-сладковатый запах разложения. Шир открыла окно. Эфраим подошел к ней и хотел обнять, Шир отвернулась. Этот неприятный сладковатый запах исходил от Эфраима.

– ... Ну, пришлось немного приукрасить, – продолжал Эфраим, – так, чтоб это на правду больше походило, ну заодно и на раскаяние, вы женщины ох как любите, когда мужчина осознаёт свою вину и раскаивается. И скажи теперь, или я не умён, тебя в любом бы случае выгнали из монастыря, а так я всё уладил и семью спас. Ещё как спас, мы эту ночь провели, как молодые, – сказал Эфраим, самодовольно улыбнулся и подмигнул.

Шир больше не могла этого терпеть, она подошла к двери и распахнула её настежь, чтобы Эфраим понял, что ему лучше уйти. Эфраим понял её жест, но ничуть не смутился.

– Да, Шир, ты права, мне тут лучше теперь не задерживаться, тем более, когда всё уладилось. Но я тебе не сказал самого главного, – говорил Эфраим уже у выхода, – завтра ты начинаешь работать у моего брата в его ресторане, я обо всём договорился, – и Эфраим по отцовски потрепал Шир по плечу. – Неужели ты думала, что добряк Эфраим вот так оставит тебя в беде? И потом, мой брат вдовец, ты понимаешь, о чем я? – спросил Эфраим и лукаво улыбнулся. – А там, поди знай, может, со временем и переедешь к нему, тебе ведь придётся освободить эту квартиру.

Шир заставила себя поблагодарить Эфраима, а утром заставила себя пойти в ресторан к его брату.

Входная дверь в ресторан «У Лео» была распахнута, но посетителей ещё не было. Между столами суетился со скатертями парень в фартуке, это был сын хозяина – Марсель. Шир осторожно вошла и тихо поздоровалась. Марсель тут же отложил в сторону скатерти и подошёл к Шир, как видно, он её уже ждал. Марсель протянул руку для приветствия, затем быстро её отдернул, потёр о фартук и снова протянул:

– Доброе утро, я знаю, вы Шир.

Шир улыбнулась и вежливо кивнула. Марсель пристально смотрел ей в глаза, изучая её лицо.

– Я Марсель, – сказал он, – отец ещё не спускался, вначале вам надо поговорить с ним, а пока, хотите, я сварю вам кофе?

Шир поблагодарила за кофе и попросила побольше насыпать в кружку сахара: она уже второй день не ела. Марсель принёс две чашки кофе, для себя и для Шир, и они вдвоём сели за стол пить кофе. Шир пила кофе, рассматривала зал ресторана и думала о том, что ещё вчера утром она спешила в монастырь, чтобы успеть замесить тесто и потом, если получится, поговорить с Мартой. А что сегодня? Всё изменилось, одно заместилось другим, как в сумбурном сне, и теперь какой-то парень пылливо пронизывает её лицо взглядом тёмно карих глаз и говорит, что днём посетителей бывает немного, а вечером «они хлынут, как волна». Шир чувствовала себя обломком корабля, который несёт течением, и всё что она может сделать – это постараться не утонуть, пока течение не принесёт её к нужному берегу. Марсель заметил, что Шир не слушает его и прервал своё повествование, даже не договорив начатую фразу.

– Какой же я дурак, – спохватился Марсель, он махнул рукой и почесал затылок, это было несколько наиграно, но в его исполнении получалось достаточно мило, – вы наверно и позавтракать-то не успели? Там на кухне есть пирожки, отец ночью жарил, и – остались, я их в полотенце завернул, думаю, ещё теплые, сейчас принесу.

Это были настоящие пирожки, тёплые, как и сказал Марсель, с мясом. Шир съела сразу три пирожка, не отрываясь, один за другим. Это был превосходный завтрак: пирожки из щедрого дрожжевого теста с горячим сладким кофе. Марсель с восхищением смотрел, как ест Шир, быстро и изящно.

– Вам понравилось, леди Шир? Нигде в городе не подают таких пирожков, их умеет делать только мой отец, – с гордостью сказал Марсель.

Леонтий, так звали отца Марселя, хозяин ресторана «У Лео», спустился со второго этажа в зал, когда пришли уже первые посетители. Он не заметил Шир и сонным голосом заворчал на Марселя:

– Ты чего там расселся, лентяй, не видишь, у нас уже гости, живо за работу.

Марсель и Шир всё так же сидели за столом. Марсель рассказывал о том, что хочет сдвинуть в зале столы, чтобы освободить место для маленькой сцены и приглашать по вечерам музыкантов:

– Но отец этого не хочет, говорит, что музыка будет отвлекать от еды.

Шир внимательно слушала Марселя, ей уже не казалось, что её несёт течением, она уже не чувствовала себя обломком корабля.

Увидев Шир, Леонтий заволновался, отдернул полы сюртука и пригладил волосы.

– Вы, должно быть, Шир, Эфраим говорил мне вчера... не думал, что так быстро... Думал – опять мой оболтус пригласил одну из своих девиц на дармовой кофе.

– Да, я Шир, – она мило улыбнулась и поклонилась.

– Что вы, что вы, – замахал руками Леонтий, – давайте без церемоний, мы люди простые. Буду рад, если вы мне поможете в работе, нам вдвоём тяжело управляться.

Леонтий был очень похож на своего младшего брата Эфраима, но в волосах было больше седины, в походке больше усталости, и меньше было лукавosti в глазах.

– Вы делаете очень вкусные пирожки, – сказала Шир.

Леонтий был польщён, он улыбнулся, как ребёнок, и снова пригладил волосы и поправил сюртук.

– Вас Марсель угощал теми, что остались с ночи, а я специально для вас сделаю особый замес. Попробуете свежих. Пойдёмте на кухню. Мы с вами будем работать на кухне, а в зале Марсель и один справится, он у меня большой артист: ему каждый проходимец – друг; каждая юбка – невеста. «Опять кухня», – подумала Шир, но тут же отогнала эту мысль. Это была совсем другая кухня: большая и светлая, большое окно прямо над выскобленным рабочим столом, по стенам прилажено множество всевозможных полок, на которых громоздятся посуда, банки с приправами и другая кухонная утварь. Под потолком навешаны букетики сухих пахучих трав, гирлянды грибов, связки чеснока, копченые колбасы, залитые воском, вяленые куски буженины.

– Вы умеете работать с тестом? – спросил Леонтий и погладил шершавую поверхность деревянного рабочего стола.

– О да, – ответила Шир с усмешкой, – это то, чем я занималась в последнее время. После того как... – не договорив фразу, она остановилась, сделала паузу, а потом сказала: – Мы были вынуждены делать хлеб сами в монастыре.

– Да, бедный брат. Предлагал ему помощь, он гордый – отказался, дело, говорит, небольшое, сам разберусь. А где ж там оно небольшое, когда всё дотла выгорело, одни стены остались? – Леонтий печально покачал головой и невидящим взглядом уставился в окно. – Его века уже не хватит, чтоб восстановить пекарню, – говорил Леонтий, – наши родители её полжизни строили, а потом вторую половину жизни налаживали, прилаживали, пристраивали.

– Это, оказывается, была пекарня еще ваших родителей? – спросила Шир.

– Да, родителей, мы её с Эфраимом в наследство получили после их смерти, а третьему брату достался дом. Эфраим до сих пор на него злой, что дом-то не ему достался. – Леонтий добродушно усмехнулся, – чудак он, как же, всё ему, что ли, делить-то надо по-честному?

– Значит, пекарня принадлежит и вам?

Леонтий ответил не сразу, он повернулся спиной к Шир и стал переставлять тарелки с полки на полку.

– Какая там уже пекарня, – сказал он, не поворачиваясь к Шир, – сплошные руины. Поначалу мы с Эфраимом в пекарне вместе работали, но потом я ушёл.

Леонтий замолчал в ожидании, что Шир опять задаст вопрос, но Шир тоже молчала, тогда Леонтий с горечью резко сказал, как бы отвечая на незаданный вопрос:

– ...Чтобы брата не потерять, – потом вздохнул и спокойно продолжил, – ссориться мы стали, молодой я тогда был, глупый, кровь кипела, не мог смолчать, да и брат тоже был горяч. Но Бог мне был в помощь. Устроился я в забегаловку работать к двум старикам, – Леонтий развёл руки и посмотрел на потолок, – вот на это самое место, – сказал он.

Шир огляделась по сторонам и ближе подошла к Леонтию.

– Вот прямо здесь они жили, – продолжал Леонтий, – тут была их комната, а там где сейчас зал, была и кухня, и подавали пиво, и тебе пьяные танцы. Постепенно я уговорил их откладывать деньги, чтобы построить ещё этаж. Уже через несколько лет я переселил их на второй этаж, пристроил им сверху три комнаты, ну и себе каморку. Вот тогда начал всё тут внизу перестраивать, окна расширять, потом белыми скатертями столы застелил. Теперь тут приличное заведение, – Леонтий поднял вверх указательный палец, – ресторан. Жаль, старики долго не прожили, я им такую роскошную спальню отстроил, сам теперь в ней сплю.

Леонтий опять пригладил волосы и снова поправил сюртук.

– Что-то я совсем замешкался, а дело не движется, – и он подал Шир гору тарелок, – на вот, отнеси-ка Марселью и бегом ко мне, будем тесто замешивать.

Леонтий был прав, Марсель отлично справлялся в зале, улыбка не сходила с его лица, он виртуозно парил с подносом между столами и, похоже, каждого посетителя знал по имени. Шир не хотелось его отвлекать, она оставила стопку тарелок на барной стойке и вернулась в кухню.

– Пойдём со мной Шир, спустимся в погреб, возьмём всё, что нам надо и начнём работать, – и Леонтий без всяких церемоний взял её за руку и повёл за собой.

Погреб был достаточно большим, в нём было темно и холодно.

– Это моя гордость, – сказал Леонтий и указал на винные полки.

Шир не сразу их заметила, но, когда глаза привыкли к темноте, она увидела перед собой целую стену, снизу доверху заложённую пыльными бутылками.

– ...Вина дорогие, – говорил Леонтий, – некоторые из них очень редкие, многолетней выдержки, есть и коньяки... отменные.

Первый замес Леонтий не доверил делать Шир, он усадил её возле стола и наказал внимательно следить за всем, что он делает. Леонтий повязал Шир холщовый фартук.

– Вот одень, а то твоё черное платье сразу станет белым от муки.

Была ещё такая же холщовая косынка, Леонтий подал её Шир и тут же забрал.

– Какой же я старый дурень, сразу и не разглядел, что ты убрала волосы черным платком.

Эфраим мне говорил, что ты вдова.

Шир, молча, как прилежная ученица, внимательно наблюдала, как Леонтий колдует над тестом. Перебирая руками подол холщового фартука, она нащупала нашитый нитями узор и стала водить пальцами по выгнутым линиям узора, пытаясь угадать, что он изображает.

Тесто было готово, Леонтий бережно выложил его в большой деревянный чан и накрыл куском белой материи.

– Надо дать ему отдохнуть, – сказал он, – да и нам надо отдохнуть, после обеда здесь бывает людно.

Заведённой юлой на кухню забежал Марсель, глаза его горели, он напевал себе под нос озорную мелодию.

– Помощь нужна, сынок? – спросил Лео скорей из вежливости, чем от желания помочь.

– Пока справляюсь, но уже скоро начнётся, – задорно ответил Марсель, ловко балансируя на стремянке с ножом в руке.

– Что, уже мясное заказывают? – спросил Лео.

– Угу, – кивнул Марсель, спускаясь вниз по стремянке с колбасой в руке и с ножом в зубах.

Движениями жонглёра, отстукивая чечётку ножом по доске, Марсель нарезал колбасу, веером выложил её на тарелку и со всем этим реквизитов выбежал из кухни в зал.

– Может мне пойти помочь ему? – вкрадчиво спросила Шир.

Леонтий пренебрежительно махнул рукой в сторону кухни:

– Пусть работает, всё равно с него никакого толку, – с печалью в голосе сказал он, – мы так надеялись, что он поумнеет, приведёт в дом скромную работающую девушку, помощница будет. Мать его ждала внуков, да так и не дождалась, померла. Да и мне, как видно, уже не дожидаться. Супостат, водится с уличными девками.

Леонтий тяжело поднялся со скамьи, оттер руки от муки.

– Идём со мной наверх, – сказал он Шир, – покажу тебе, какие у нас там комнаты.

На второй этаж вела крутая узкая лестница. Леонтий грузно ступал на ступени и те со скрипом прогибались под его весом. Шир следовала за ним, она и не ожидала, что эти скрипучие ступени ведут в большую светлую гостиную. Что-то было необычное в обстановке гостиной, но, что именно, Шир сразу не поняла. Одна стена была полностью свободная от мебели,

она почти вся состояла из закруглённых сверху готических окон. Из окон открывался вид на центральную городскую площадь, через эти окна можно было видеть, кто заходит в ресторан. По другую сторону были два дивана оббитые зелёным, высокий и узкий книжный шкаф, комод и маленький столик для игры в шахматы, на котором громоздились толстые потрёпанные журналы для ведения учётных записей.

Леонтий стоял неподвижно и внимательно следил за выражением лица Шир в ожидании восхищения на её лице. Шир заметила это, ей не хотелось разочаровывать добродушного хозяина уютной гостиной, и она сказала:

– Такое чувство, что летишь по воздуху, как во сне, так просторно, много окон и много света.

Лицо Леонтия озарила улыбка, немного самодовольная, но добрая, которая уже была наготове, и которую он сдерживал в предвосхищении. Теперь Шир заметила, почему гостиная ей показалась странной: в ней не было обеденного стола, и поэтому, вся обстановка не имела ни малейшего шанса быть мещанской. Да и потом, зачем хозяину ресторана обеденный стол в гостиной?

Леонтий медленно прошёлся по комнате, остановился у окна, посмотрел вниз на площадь, ему никогда не приходила мысль, что, находясь на верхнем этаже, может показаться, что летишь, он никогда не летал и даже во сне, но то, что сказала Шир про его гостиную, Леонтию понравилось.

– Теперь пойдём, покажу тебе спальню, – сказал Леонтий и поманил Шир рукой.

Шир послушно пошла вслед за ним, и в этот момент она думала лишь о том, какие слова восхищения скажет она Лео про его спальню, чтобы доставить ему удовольствие.

Это была белая спальня, уютная, с большой кроватью, спальня молодожёнов, но время, как песок, осело на стенах, на шторах, на зеркале. Поймав своё отражение в потускневшем зеркале, Леонтий тут же отвернулся, он медленно сел на кровать и откинул угол одеяла.

– Подойди сюда, Шир, посмотри, – сказал он, указывая Шир на угол простыни, – это её работа.

На углу простыни была померкшая от времени и стирки вышивка, причудливое изображение – сплетение цветов и бабочек. Шир наклонилась, взялась за край простыни и стала водить пальцами по завиткам узора, ощущение показалось ей очень знакомым. Леонтий смотрел на Шир, глаза его покраснели и стали влажными, он глубоко и беззвучно вздохнул:

– ...Она была доброй женщиной, – сказал он, – тихой и незаметной, она наполнила счастьем всю мою жизнь. Я простой работяга, мне бы поесть да поспать, а она умела украсить даже самый обычный день. Бывало, проснусь утром, светло, солнечные зайчики по стенам, она уже не спит, сидит у меня в ногах, вцепила пальцы в край простыни и тихонько себе вышивает. А я лежу, не двигаюсь, притворяюсь, что сплю, а сам наблюдаю за ней: старательная такая, пальцы тонкие, быстрые. Но только заметит, что я не сплю, сразу работу в сторону, прильнёт ко мне, я её обнимаю, а сам думаю: «И за что меня Бог так одарил: и жильё, и заработать есть где, и нежная жена?» Потом сын родился. Тяжело нам тогда было, она сама с ребёнком управлялась, а мне работать пришлось одному, бегал, как ошалевший, сам готовил, сам подавал. Но мы были счастливы, спать падали без сил, но не могли оторваться друг от друга.

Лео, смущаясь, заметил, что по его щекам текут слёзы, он нелепым движением растёр их ладонями по лицу и вытер руки о сюртук.

– Я прожил счастливую жизнь, – прерывисто вздыхая, сказал он, – теперь и помирать не жалко. Сына б только пристроить. Он неплохой парень и совсем неглупый. Любовь ищет, – Леонтий махнул рукой и тяжело вздохнул, – такие женщины, какой была его мать, встречаются редко, мне повезло...

На лестнице раздался грохот быстрых шагов, затем голос Марселя:

– Отец, ты там, ты в порядке? Мне помощь нужна, давай вниз.

– Иду, – тихо сказал Лео, даже не стараясь, чтобы Марсель его услышал. – Прости, дочка, – сказал Лео Шир, он хотел было дотронуться до её плеча, но тут же отдернул руку, – вот поговорил с тобой и легче стало, я уже всем надоел своими рассказами.

Шир захотелось что-нибудь сделать для Леонтия, сказать ему что-нибудь приятное, она едва сдерживала слёзы, слова восхищения, которые она заготовила, вылетели из головы.

– Ей тоже очень повезло, – почти шепотом сказала Шир.

Леонтию было приятно это услышать, он улыбнулся, пожал плечами.

– Я старался, – сказал он.

В зале уже сновали и суетились посетители в поисках официанта и свободного столика. Марсель носился с горящими глазами и шальной улыбкой то по залу, то по кухне, на бегу выкрикивая слова приветствия гостям. «Глядя на него, невольно вовлекаешься в работу, – подумала Шир, – как в танец на пьяном веселье». Сразу Шир не могла найти себе дела, ей казалось, что она лишь путается под ногами и всем мешает, ни Лео, ни Марсель не давали ей указаний. Но постепенно она нашла свою роль: Шир выносила в зал уже готовые порции с кухни, а с зала уносила грязные тарелки. Таким образом, Шир видела всё, что происходит и в зале, и на кухне. Она видела гостей и с некоторыми уже успела познакомиться. На кухне Шир успевала сказать Лео, что гости хвалят его стряпню, и, снова выбегая в зал, встречала искромётный взгляд Марселя.

– Сколько тебе лет? – спросила Шир Марселя, принимая из его рук грязные тарелки.

Ответ на свой вопрос Шир получила, когда вновь вернулась в зал с чистыми стаканами.

– Тридцать, – на бегу ответил Марсель, близко выставляя своё лицо к лицу Шир, – но всем говорю, что двадцать пять, – Марсель подмигнул и снова утонул в толпе гостей.

Глаза его блестели, и от него пахло спиртным. «Мальчишка», – подумала Шир.

К полуночи гостей поубавилось, а ещё через час все разошлись. Леонтий вынес в зал блюдо с горячими пирожками. Пирожки издавали божественный запах, Шир только сейчас почувствовала, насколько она голодна.

– Неси бульон и вина, – прикрикнул Лео на Марселя, – вина только нам с Шир, тебе хватит, ты уже и так хорош.

Марсель шутливо поклонился и, дрогнувшем от смеха голосом, сказал:

– Будет сделано, господин распорядитель.

Шир глотнула вина, и тут же окружающий её мир утратил острые углы. Бульон был остывшим, но это ничуть не испортило ужин.

– Придёшь завтра, дочка? – спросил Лео, умоляюще глядя в глаза Шир.

Шир была уже немного пьяна, она широко улыбнулась и лишь кивнула в ответ.

– Рано утром не приходи, – сказал ей Лео, – выпишь хорошенько, приходи после обеда, сама видишь, тут вся работа вечером, я тебе пирожков с собой дам и бульона, а завтра сварю нам клёцки с курицей в сметане. – Леонтий поджал губы, – Мм... вкуснятина, – он повеселел, ему понравилась Шир, и он был рад тому, что завтра она опять придёт.

– Проводишь девушку домой, – по-отцовски строго сказал Леонтий сыну и строго пригрозил кулаком, – ...и чтоб там без глупостей.

На что Марсель в ответ лишь улыбнулся, выставляя напоказ свои белые зубы.

Шир рассмеялась, хмель уже во всю гулял в её голове, и ей было не смешно, а скорее весело от того, что Лео назвал её девушкой. Шир не осознавала, насколько была счастлива в тот момент.

– Шир! И как же я забыл? – выкрикнул Лео и хлопнул себя по лбу, он тоже был уже немного пьян, – старый я дурак, пойдём со мной наверх, – он резко встал из-за стола, взял Шир за руку и повёл за собой, как ребёнка.

Леонтий показал Шир маленькую комнатку, в которой сам когда-то жил, когда был молодым и когда ещё были живы хозяева, много лет назад принявшие его на работу. В комнате

было полно старых вещей пыльных и непригодных. Леонтий остановился в дверях, взгляд его сделался печальным, похоже, он давно не открывал эту дверь. Он продолжал держать Шир за руку, и Шир почувствовала, как его пальцы вздрогнули и разжались. Рука Шир высвободилась и, как рука тряпочной куклы скользнула вниз. Шир опять нащупала выпуклый узор на краю фартука, это была вышивка, работа жены Лео.

– Когда-то я жил здесь, – сказал он, – мы не пользуемся этой комнатой, брат говорил тебе негде жить...

Лео посмотрел на Шир и опустил глаза. Шир продолжала неотрывно смотреть на него. Ей казалось, что Лео молодой парень, только очень уставший за долгие годы жизни.

Пока Лео и Шир были наверху, Марсель успел убрать со столов и уже ждал Шир, чтобы проводить её домой.

– Может, я сама пойду? – тихонько сказала Шир Марселю, чтобы не услышал его отец.

– Нет, Шир, да ты что... – Марсель не стал даже слушать, – я знаю, где ты живёшь, это идти через всю рыночную площадь, там ночами полно всякого пьяного сброда, опасно тебе там одно бродить, тем более ночью.

– Я обойду площадь, – Шир чувствовала себя немного неловко.

– Не беспокойся, – Марсель улыбнулся и махнул рукой, – я и сам хочу прогуляться, и потом вокруг – это ж целый час идти, ты и к утру домой не доберешься.

На улице было темно и прохладно. Шир уже давно не приходилось бывать где-то не дома в ночное время. Она не чувствовала усталости и совсем не хотела спать, ноги, казалось, не касаясь земли, несли её куда-то в ночь. Шир не следила за тем, куда они идут. Марсель дал Шир своё пальто, взял за руку и, как старший брат, вёл домой. «Слишком часто сегодня берут меня за руку», – подумала Шир и усмехнулась. Марсель не заметил усмешки Шир, он возбуждённо рассказывал про гостей ресторана, про то, как те иногда напиваются так, что не могут найти выход. Он был уверен, что женщину надо постоянно развлекать, чтоб она не заскучала, и теперь делал это по привычке. Шир его не слушала, в своих мыслях она уже бежала к своему следующему дню, когда опять придёт на работу. Шир полюбила этот уютный ресторанчик, полюбила ворчуна Лео и красавца Марселя, полюбила толпу, внезапно нахлынувшую, как волна, и так же внезапно отступившую. Ей хотелось быть полезной для Лео и Марселя, хотелось ухаживать за ними. Но Шир решила повременить с переездом в их дом. Она была уверена, что обязательно переедет, и уже очень хотела этого, но почему-то решила подождать. Она не могла бы объяснить это решение, но знала, что оно верное. И уже оставшись одна, в постели Шир продолжала мечтать о том, как будет жить вместе с Лео и Марселем, как будет во всём им помогать и они станут дружной семьёй. «Когда-нибудь же он всё-таки женится, – думала Шир про Марселя, – у них будут дети, и я буду для них кем-то вроде бабушки». Шир представила, как после смерти Лео Марсель со слезами на глазах назовёт её второй матерью и скажет, что его дом это и её дом и что она всегда может оставаться в этом доме. За весь день и даже ночью, Шир так и не вспомнила про Марту, к тому же у входа в дом с названием «Мысли о Марте» стоял страж по имени «О Марте есть, кому позаботиться». Для Шир монастырь и всё, что с ним связано, было уже мало волнующим прошлым, хоть и прошло всего два дня с того злосчастного утра, когда Шир выставили за дверь Святой обители. И даже монашеское платье, повисшее на стуле, как безжизненная оболочка, утратившая форму, не напоминало Шир про монастырь. Шир не хотела думать и не думала о том, что будет с Мартой, когда та увидит на кухне, на месте Шир другую женщину. Это была такая же женщина, как и Шир, в таком же платье, в таком же фартуке и такого же роста. Когда Марта пришла утром на кухню, женщина стояла спиной к Марте, на том же месте, где всегда была Шир, и выполняла ту же работу, что всегда делала Шир.

– Привет, Шир, – тихо, но весело сказала Марта, ей бы, конечно, хотелось сказать это громче или даже крикнуть, но на кухне были и другие помощницы.

Женщина повернулась к Марте лицом, она не знала, кто такая Шир, она не была с ней знакома.

– Привет, – ответила женщина и приветливо улыбнулась, это была добрая женщина.

В первое мгновение Марта увидела в ней Шир и сделала шаг навстречу, но тут же перед глазами Марты лицо «Шир» стало искажаться, изворачиваться и превращаться в чужое незнакомое лицо. Марта застыла на месте, потом почувствовала, как все ее косточки стали мягкими и непослушными, она, наверно бы, упала, если б не держалась за ручку входной двери. Незнакомая женщина подошла ближе к Марте и наклонилась:

– Что ты хотела, девочка? – спросила она.

Марта стала пятиться назад, пока не ударилась о дверной проём. Марта бежала по коридору, она забыла, что ей пора идти на урок, ей надо было найти брошку, которую подарила Шир. Марте казалось, что если она зажмёт в кулаке брошку Шир и будет так держать её долго, то Шир обязательно будет на кухне, так как это и всегда было. Но брошки нигде не было, ни под подушкой, ни в тумбочке с вещами, брошка исчезла. Марта снова и снова вытаскивала и трясла свои платья, перекладывала подушку, но брошки не было. Марта заплакала, ладошки её стали влажными, ей было жарко, платье взмокло от пота и прилипло. Теперь Марте хотелось только одного: зажать в кулаке брошку, почувствовать округлую поверхность её темных прохладных камней, острую иголочку застёжки. Марта вспомнила, что прицепила брошку на внутреннюю сторону платья несколько дней назад, когда им позволили выйти на вечернюю прогулку. Марта заметила для себя, что всякий раз, как она цепляет брошку на платье, в этот день ей удастся поболтать с Шир. Но так же, как и с молитвой, которую нельзя произносить слишком часто, как учила Шир, так же и волшебством, с брошкой, нельзя было пользоваться постоянно.

– Молитву не следует произносить всякий раз, когда у тебя появляются мимолётные желания, молитву надо творить, когда твоя душа нуждается в помощи и не у кого о помощи попросить. Чем реже ты обращаешься к Богу, тем чаще будешь услышана, – говорила Шир.

Марта через окно вылезла на улицу: через дверь было нельзя, входные двери охранялись, и её бы не выпустили во двор без особой причины и без разрешения настоятельницы. Брошка не могла быть особой причиной, девочкам вообще запрещалось приносить в монастырь украшения, а Марте было необходимо найти брошку. Она выпрыгнула из окна в одном платье, было холодно, моросил промозглый осенний дождь, но Марта не чувствовала холода и не замечала дождя, ей было жарко. Марта вспомнила, что они с девочками гуляли в вишневом саду и залазили на деревья, вот там-то брошка и могла потеряться. Но Марта не могла вспомнить точно, на какое именно дерево она залезала, в саду было много деревьев. Марта наклонялась под каждым деревом, но повсюду были промокшие опавшие листья, грязь и, уже никому не нужная, пожелтевшая трава. И тогда Марта придумала и обрадовалась тому, что придумала: разуться, тогда она сможет почувствовать брошку ногой, даже если брошка будет под листьями. Марта так и сделала, она выгапывала босыми ногами мокрые листья вокруг деревьев и представляла, как вот-вот брошка вонзится ей в ногу острой застёжкой, будет очень больно, но также очень радостно. Брошки не было. Марта упала на колени и стала ползать по раскисшей земле, разрывать руками листья, пока какая-то монахиня не увидела её из окна и не выбежала на улицу. Марту босую, мокрую и грязную завели в залу, которая хорошо отапливалась. Посбегались монахини, прибежала настоятельница. Марта не могла разглядеть ни одного лица, они были для неё просто куча людей, которые шумят. «Она бедненькая под дождём», – думала Марта про брошку. Марта решила подождать, пока все разойдутся, чтобы вернуться в сад и продолжить поиск. Но они и не собирались расходиться. Марта расслышала голос настоятельницы, та была ближе других и повторяла один и тот же вопрос:

– Марта, скажи нам, что ты делала в саду?

Марта начала понимать смысл вопроса и решила ни в коем случае не говорить про брошку.

– Марта, мне придется всё рассказать твоему отцу, – сказала настоятельница и потрясла Марту за плечо, она не была уверена, что Марта её слышит.

– Я хоронила птенца, – сказала Марта, эта мысль неожиданно пришла ей в голову.

– Что? – спросила настоятельница и удивленно наморщила лоб. – Какого птенца?

– Он выпал из гнезда, – спокойно и уверенно ответила Марта, она вдруг явно всё это представила и то, как это вполне могло произойти. – Он упал на подоконник, – говорила Марта, – он был мёртвый, всё живое после смерти имеет право быть похороненным. Вот, я открыла окно, чтобы его взять, а потом спрыгнула на улицу, чтобы похоронить его в саду, под деревом.

Монахини заохали и запричитали, с благоговением глядя на Марту, но настоятельница почувствовала, что Марта врёт.

– А почему ты была босиком? – спросила она строго.

– ... Чтобы ногами сильнее уплотнить землю, чтобы могилку не размыло дождём.

– Но зачем было разуваться, – задала свой следующий вопрос настоятельница, теперь она была полностью уверена в том, что Марта что-то скрывает, и это каким-то непонятным образом связано с Шир.

– А вы бы хотели, чтоб я наступила ботинками на могилку? – спросила Марта по-детски невинно.

Как-то Шир говорила Марте:

– Если тебе сказали обидное, но ты не хочешь ссориться, скажи всё что тебе нужно, но только очень по-доброму, так как если б ты пожелала здоровья этому человеку.

Сейчас Марта не вспомнила об этом, она вела себя так, потому что это было естественным, и к тому же Марта уже и сама поверила в то, что хоронила птенца.

Марта посмотрела в глаза настоятельница спокойным и уверенным взглядом, и продолжала смотреть до тех пор, пока настоятельница ни отвела свой взгляд в сторону. Далее продолжать расспрашивать Марту уже не имело смысла. Одна из монахинь расплакалась и тянула руку к Марте, как к святой, чтобы погладить её.

– Нагрейте воды, её надо искупать, и пусть идёт на урок, – распорядилась настоятельница и поспешно ушла.

К обеду у Марты страшно разболелась голова, в столовой она так и не притронулась к еде. Ужинать она тоже не стала и попросилась пойти лечь спать раньше других. К ночи у Марты поднялась температура, начался жар. Марта бредила во сне. Ночная сиделка это услышала, пригласили врача. Врач сказал, что у Марты развивается какая-то простуда: ангина или кашель или ещё что. Врач оставил на тумбочке горькую микстуру тёмного цвета, сказал, что надо принимать её три раза в день. Но никакой простуды у Марты так и не развилось: ни ангины, ни кашля. Марта просто продолжала лежать в постели изо дня в день, ничего не ела и ни с кем не говорила. Первые несколько дней температура у Марты продолжала оставаться высокой, лицо горело, и на лбу постоянно выступал пот. Потом жар постепенно прошёл, и Марта стала бледной, бледнее и худее чем всегда. Настоятельница решила, что это легкая простуда из-за того, что Марта промокла под дождём, и решила не сообщать об этом её отцу. Но Марта продолжала оставаться в постели, у неё не было желания встать, она ничего не ела и ни с кем не разговаривала. Настоятельница решила не трогать её какое-то время, потом еще какое-то время, но изо дня в день ничего не происходило: Марта лежала молча в своей постели и большую часть времени просто спала, и уже после того как настоятельница использовала все известные ей способы воздействия на человека, Марта вдруг спросила:

– А где Шир?

Лицо настоятельница окаменело, она не хотела больше слышать даже имени этой женщины и уж тем более от одной из своих воспитанниц.

– Шир здесь больше не работает, – медленно, сдерживая гнев, сказала настоятельница, а потом, чтоб не было других вопросов, добавила, – Шир захотела другую работу, не в монастыре, где именно – нам не известно.

И если б настоятельница не поспешила уйти, то наверняка бы увидела, что Марта плачет. Марта не поверила в то, что Шир оставила её здесь в монастыре, а сама пошла на другую работу. «Наверно, она умерла, – подумала Марта, – такое бывает со взрослыми, или с ней что-то сделали, что-то очень плохое».

Ночью у Марты опять был жар, опять приходил доктор. Он смотрел Марте горло, слушал её через трубку и пожимал плечами. Всё что он мог посоветовать, это уговорить Марту начать есть или даже кормить насильно. Марта согласилась съесть завтрак, после чего её стошнило, и тогда настоятельница приняла решение: обо всём рассказать отцу Марты, не упоминая при этом имени Шир.

Письмо от настоятельница ожидало Эдуарда дома, на его рабочем столе. В последнее время письма из монастыря приходили редко, и чаще это были просьбы о пожертвовании. Обучение при монастыре считалось бесплатным. Воспитанниц было не больше двадцати, иногда бывало немногим больше десяти. Настоятельница любила повторять, что воспитание детей для неё Божественная миссия, выполняя которую она не ждёт вознаграждения. Далее следовал рассказ про четырёх девочек сирот, которые полностью на содержании монастыря. Ну а потом называли фамилии тех, чьи родители внесли наибольшую сумму пожертвований за прошедший год.

На этот раз в конверте не было просьбы о пожертвовании, это был лист бумаги, полностью исписанный снизу доверху мелким торопливым подчерком. С появлением Шир в жизни Марты жалоб на Марту от настоятельница больше не было: Марта стала лучше есть, лучше учиться, делать уроки, стала более общительной и жизнерадостной. Что могло случиться теперь? Письмо от настоятельница вряд ли могло означать что-либо хорошее. Эдуард прочёл первые несколько строк медленно и внимательно, а остальные лишь пробежал глазами, затем резко откинул письмо в сторону, тяжело вздохнул, снял очки и погрузился в тяжелые раздумья. Вспомнилось лицо Лизы, его первой жены, матери Марты, бледное, с нездоровым блеском в глазах. Она просила его не уходить, говорила, что боится оставаться одна. Но Эдуарда ждал толстосумный клиент, и было неразумно его терять. Вечером, когда Эдуард вернулся, Лиза была уже мертва, роды начались преждевременно, в доме к этому не были готовы, поздно послали за врачом. Издалека, увидев карету врача возле дома, Эдуард почувствовал себя виноватым за то, что не послушал Лизу и оставил её одну на целый день с четырнадцатилетней девчонкой, помощницей. В доме было сумрачно, пахло лекарствами и кровью, в дальней комнате кричал ребенок. Эдуарда никто не встречал. Юная помощница Лизы рыдала у дверей спальни. Врач медленно вышел из комнаты, не глядя на Эдуарда и не сказав ему ни слова. Лиза лежала на кровати полностью накрытая простыней. На полу валялись окровавленные тряпки, стояло корыто с водой. В спальню вошел помощник врача с ребенком на руках.

– У вас дочь, – тихо сказал он.

Эдуард повернулся к нему вполборота, и, даже не взглянув на ребенка, сказал:

– Надо Белле сообщить, – и помедлив, объяснил: – Белла моя сестра.

Помощник врача остался в доме Эдуарда ухаживать за ребенком до приезда Беллы. Он и придумал девочке имя – Марта, Эдуард был не против, ему было все равно. У него была жена, которая осторожно, незаметно дополняла его жизнь. Её не стало, а взамен он получил мелкое, несуразное, крикливое создание.

Карин ждала его за дверями кабинета, она была в красном платье с глубоким декольте и с высокой прической. Эдуард без движения остановился в дверях при виде её. Иногда ему трудно было понять самого себя, как он мог жениться на этой женщине. За спиной Карин, как бледная тень, проплыл образ Лизы: стройная, немного печальная.

– Дорогой, – зашебетала Карин, – ты готов?

Эдуард совсем забыл – они собирались пойти в театр.

– Мы не идём, – сказал он и хотел было объяснить причину, но Карин нетерпеливо перебила его.

– Как это не идём? Ты обещал... – она говорила громко и раздражённо. – Мы уже целый месяц не выходили, я два часа потратила на причёску.

– Мы ходили в лес на прошлой неделе с детьми, – сказал Эдуард, сам не понимая того, зачем оправдывается.

– Какой еще лес?! – голос Карин уже срывался на крик. – Кому нужен этот лес? Я хочу надевать красивые платья, хоть иногда, чтобы чувствовать себя женщиной.

Глаза Карин заблестели, и она заплакала. Эдуард хотел обнять её, но она оттолкнула его.

– Мне нужно общество, люди, я не хочу состариться в этом доме, присматривая за детьми.

– Марта заболела, – спокойно сказал Эдуард, – завтра я привезу её домой, а сейчас мы пойдем с тобой и купим для неё всё необходимое. В театр обязательно ходим, в другой раз.

Карин виновато посмотрела на мужа, размазала ладонями слёзы по щекам и, всхлипывая, сказала:

– Я же не знала, а ты ни чего мне не сказал... Но у Марты есть тут какие-то вещи... Она долго пробудет у нас? – Карин старалась говорить как можно вежливее.

– Марта возвращается домой, – сухо ответил Эдуард, – со временем я найду ей другую школу.

Карин затаила дыхание, потом быстро заморгала и, как кошка, прижалась к мужу.

– Ты отдохни, я сама всё ей приготовлю. Мне лучше знать, что надо для девочки.

Эдуард обнял жену одной рукой и поцеловал в лоб.

– Спасибо, потратить денег столько, сколько будет необходимо.

Настоятельница не хотела, чтобы Марту вынесли на руках к её отцу, поэтому Марту разбудили заранее и уговорили выпить кружку горячего чая, но Марта по-прежнему была очень слаба и выглядела едва живой.

– Твой папа сегодня заберёт тебя домой, – сказала настоятельница, она сидела на краю кровати возле Марты и старалась разговорить Марту, чтобы та хоть немного пришла в себя.

Марта не пыталась вслушиваться в то, что говорила настоятельница, за прошедшие несколько дней многие сидели возле её кровати, о чем-то говорили, спрашивали, приносили и уносили тарелки с едой. Но постепенно до Марты стал доходить смысл сказанного: её забирают домой. «А как же брошка?» – подумала Марта. Настоятельница заметила тревогу в глазах Марты и решила, что Марта не хочет возвращаться домой. По лицу настоятельница, как тень, скользнула самодовольная улыбка.

– Марта, тебе придётся побыть дома какое-то время, а когда выздоровеешь, опять вернешься к нам, – сказала настоятельница и взяла Марту за руку.

Но Марта уже не вернулась в монастырь, даже когда выздоровела. Жизнь её изменилась, изменилась и Марта, а может, она стала такой, какой и должна была быть, но быть не могла, потому что её окружали не те люди, с которыми она бы могла вести себя не сдерживаясь. Поэтому Марта, до появления в её жизни Шир, каждый день с нетерпением ждала вечера, чтобы остаться одной, залезть с головой под одеяло и пообщаться с придуманными друзьями. Марта уже не помнила, когда и почему появилась в её фантазии девушка-цыганка, они были подругами, Марта назвала её Элизабета. Когда Марта ложилась спать, то подвигалась на самый край кровати, чтобы осталось место для Элизабеты, потом они долго разговаривали, и так Марта засыпала. Элизабета навещала Марту не только по вечерам, иногда на уроке, особенно когда Марта сидела за партой одна. Случались дни, когда приходил отец Марты, – Элизабета садилась с ними на скамейку, и Марта замолкала, чтобы отец тоже мог поговорить с Элизабе-

той. Зимними ночами, когда за окнами гудел ветер и девочки шёпотом рассказывали страшные истории про оживших мертвецов, про умерших родственников, которые приходят к своим близким, и в темноте повисали ночные кошмары, даже тогда Марта никого не боялась: с ней была Элизабета. Марта не чувствовала себя одинокой, она могла за целый день не сказать ни слова, а когда люди слишком долго докучали ей своим вниманием, Марта начинала скучать по Элизабете. Марте мешали все, кроме Шир. Когда началась их дружба, Элизабета ещё какое-то время продолжала приходить по вечерам. Марта рассказывала ей про Шир, но постепенно Элизабета оставила Марту, потому что Марте уже не хотелось говорить про Шир, Марте хотелось думать про Шир втайне от других. Элизабета вернулась, когда пропала Шир и потерялась брошка, она сидела молча у постели Марты. Марта не знала, о чём спросить, а Элизабета не знала, что сказать.

У Марты случился приступ отчаяния, когда она осталась одна в своей комнате в доме отца среди бесполезных книжек и тряпочных игрушек с застывшими лицами. Карин постаралась, она наполнила комнату игрушками, стены обвесила картинками с изображением сказочных героев: гномы, русалки, феи, неподвижно следили за новой хозяйкой. Марта терпеливо ждала, когда отец и Карин оставят её в покое. Но когда все разошлись и Марта осталась одна в тишине и в темноте, ей захотелось оказаться в монастыре, чтобы можно было продолжить искать брошку и, может, даже опять встретить Шир.

– Элизабета, – позвала Марта, и Элизабета пришла.

Она легла на кровать за спиной Марты, обняла её и сказала:

– Брошка найдётся, вот увидишь.

Марта заплакала, она плакала долго и бесшумно, пока сама не устала от собственного рыдания. Слёзы на лице высохли, Марта почувствовала себя сильной и уверенной, она встала с кровати и открыла окно. Шторы раздулись, как паруса, потом разлетелись по сторонам, и ветер рванулся в комнату – холодный осенний с морозящим дождём.

– Элизабета, лети к моей Шир, даже если она умерла и теперь на небе, – сказала Марта Элизабете.

Элизабета вылетела в окно. Марта вернулась в постель и опять заплакала, но это было уже не отчаяние. «Я отдала для моей Шир самое дорогое, что у меня было: Элизабету, – думала Марта, и это сделало её счастливой, – теперь Шир не будет одинокой».

Но Шир одинокой не была: Лео и Марсель стали для неё почти семьёй. Шир по-прежнему жила в квартире над швейной мастерской, но уже готовилась переехать в дом к Лео. Шир хотелось продлить удовольствие, она любила собирать вещи в предвкушении новой жизни, хоть вещей было у неё не много. Марсель освободил заброшенную комнату для Шир, вынес старые вещи, отмыл пол и окно от пыли и присмотрел в столярне хорошую дубовую кровать. Леонтий теперь просыпался по утрам с задумкой нового блюда, чтобы порадовать Шир, когда она придет к обеду. Впервые после смерти жены Леонтий почувствовал, что он живёт, а не доживает свои дни. С обеда до вечера Шир была полностью в его распоряжении, Лео не давал ей никакой работы, только просил побыть с ним, пока он возиться с тестом. Шир внимательно и с интересом выслушивала одни и те же истории, рассматривала одни и те же вышивки на скатертях и полотенцах, а когда Лео поднимался наверх отдыхать, Шир выходила в зал помогать Марселю.

Посетителей в это время года было немного. Погода была мерзкая, дождь чаще был, чем его не было, горожанам не хотелось выходить из дому. Марсель и Шир сидели за барной стойкой и наблюдали за гостями. Марсель любил задавать вопросы, как ребёнок, но спрашивал он про молодых, дам, что заходили в зал.

– Что скажешь об этой в светлом платье? – Марсель указал на молоденькую девушку, что вошла в ресторан, затем взял поднос и пошел ей на встречу.

– Она не будет много есть, – ответила Шир улыбаясь. Ей нравился Марсель, ей нравилась их игра угадывать посетителей, ей нравилось всё, что происходило вокруг: приглушенный звон тарелок и стаканов, треск дров в камине, запах дрожжевого теста, что доносился из кухни, и даже навязчивый осенний дождь и непроглядное серое небо.

– Bravo, Шир, – сказал Марсель, когда проходил мимо барной стойки на кухню, – она заказала чай и одну ванильную булочку.

Шир самодовольно кивнула, опустила голову, посмотрела на себя, уютно сидящую в кресле, посмотрела по сторонам на стены, на гостей, на Марселя, потом посмотрела на себя в отражении окна.

Шир не хотела упускать ни одного мгновения происходящего с ней, хотела как можно сильнее ощутить себя в каждом из этих мгновений.

Марсель отнёс заказ и вернулся к Шир.

– Как ты узнала?

Шир по-прежнему улыбалась, улыбка не сходила с её лица.

– Девушка худенькая, такие много не едят.

Марсель уперся лбом в плечо Шир:

– Ну, пожалуйста, Шир, я серьёзно спросил, она хорошенькая, мне понравилась.

Шир игриво потрепала Марселя за волосы.

– Она не пришла поесть, да ещё в такую погоду, она пришла покрасоваться, – сказала Шир и тихо рассмеялась, она ещё раз посмотрела на себя со стороны в отражение окон, она себе нравилась.

– А может она с дороги, устала? – Марсель пристально смотрел Шир в глаза, умоляюще сдвигая брови, как будто от сказанных ею слов зависело то, кем окажется эта девушка. Шир слегка отодвинула его, их лица были на неприлично близком расстоянии, как показалось Шир.

– В светлом платье, с дороги? Ты сам не веришь в то, что говоришь.

Шир отвернулась от Марселя и стала с безразличием рассматривать девушку.

– Тебе, конечно бы, того хотелось, чтоб она была с дороги, – говорила Шир, – а ещё лучше той, кто сбилась с пути. А может, она узнала, что у хозяина ресторана красивый и неженатый сын, вот и пришла на него посмотреть?

Шир расхохоталась, её развеселили свои же слова. Она посмотрела на Марселя, ей очень не хотелось, чтобы он обиделся на её шутку. Всё это время Марсель смотрел не на девушку, а на Шир. Ему хотелось понять, кто она такая эта Шир, где её дом, дети, почему она всегда так весела, – если она вдова? А может она не любила мужа?

– И как ты знаешь угадать про совершенно случайных людей? – спросил Марсель, хотя спросить хотел о другом.

– Просто ты спрашиваешь всегда про одинаковых молодых девушек, все они стройные и в светлых платьях, все они ищут любовь и поклонников, для этого и ходят на прогулки, в магазины, в рестораны... Показать себя. Вот если б ты попросил угадать пожилого человека, мне было бы куда сложнее. Посмотри на новорожденных, они все одинаковые, мальчики и девочки. Но чем старше, тем больше отличий, стало быть, чем мы становимся взрослее, тем становимся более особенными. Каждый из нас прожил другую жизнь, и она на свой манер нас изменила. Если вчера ты забирался на высокую башню, то и сегодня, и завтра, и в другие твои следующие дни ты будешь тем, кто был на башне.

Шир оглядела сидящих за столами посетителей. Марсель молчал, взгляд его был серьёзным и сосредоточенным, Шир заподозрила, что он думает о другом или как-то совершенно по иному, по-своему воспринял её слова.

– Вон посмотри на того дедушку, – и Шир указала на старика, сидящего за угловым столиком с кружкой пива и одним пирожком на тарелке.

Марсель рассеянным взглядом окинул зал. Старик заметил, что на него смотрят, и улыбнулся. Шир улыбнулась ему в ответ и кивнула головой. Старик расплылся в улыбке, слегка привстал со стула и поклонился Марселю и Шир. Наверно, он тоже рассматривал окружающих его людей.

– И как можно угадать его? – спросила Шир, но Марсель не ответил. – Мы даже не можем знать наверняка, зачем он сюда пришёл.

Марсель молчал, он молчал весь оставшийся вечер и всю дорогу, когда провожал Шир домой, а когда они подошли к её дому, и пришло время пожелать друг другу спокойной ночи, он вдруг спросил:

– Ты и вправду вдова, у тебя действительно был муж, или ты всё это придумала?

Шир замешкалась, как будто её застали врасплох.

– Да, был, он умер... он болел, – сказала она неуверенно, – Шир не ожидала, что Марсель спросит её про мужа.

– Тогда почему ты о нём ничего не рассказываешь? – Марсель держал её за плечи, лицо его было напряжено, взгляд был дерзким и раздраженным, как будто он обвинял Шир в том, что она утаила от него историю своего замужества. – Лео, мой отец, он постоянно говорит про мою мать. С тех пор, как она умерла, он ни о чём другом и думать не может – только о ней.

Шир аккуратно высвободилась из рук Марселя.

– Поздно уже, – строго сказала она, – пора спать.

– Ты не любила его? – спросил Марсель, он быстро и нервно дышал, так, точно ответ Шир имел для него значение.

– Мы не будем сейчас говорить об этом, когда-нибудь в другой раз я тебе про него расскажу.

Марсель опять хотел взять Шир за плечи, но Шир отстранила его.

– Шир, – Марсель виновато улыбнулся, – пойдём к тебе, и ты мне расскажешь о нём.

– Что ещё? – Шир усмехнулась.

– Ты не то подумала, – громко и гневно сказал Марсель.

– Я не успела ничего подумать, – спокойно ответила Шир, – я уже немолода и мысли мои не столь быстры.

– Ты молодая, – почти шепотом сказал Марсель. Он стоял с опущенной головой, как мальчишка, которого только что отчитал строгий учитель.

Шир печально улыбнулась:

– Не трать своё время, тебя ждут твои ночные прогулки.

Марсель махнул рукой, и, не поднимая глаз, сказал:

– Спокойной ночи, Шир. Пойду домой, спать.

Домой он возвращался почти бегом, чтобы не было много времени обдумывать то, что произошло у него с Шир. В постели Марсель долго ворочался, не мог уснуть. Перед глазами мелькали лица одинаковых девушек, лицо старика, что сидел за столом в углу, лицо Лео и лицо Шир. Утром Марселя разбудил навязчивый сон. Ему приснилась мать, Шир и ещё какая-то женщина. Все трое они были похожи одна на другую, как близняшки. Женщины сидели на скамейке и повторяли в один голос:

– Есть вопросы? Нет вопросов. Есть вопросы? Нет вопросов...

Всё утро Марсель не находил себе места. Надо было дождаться Шир. «Надо с ней поговорить», – думал Марсель. Он ещё не решил, что скажет, но надеялся, что найдёт нужные слова до того момента, как она придёт. Марсель нервничал, сердце колотилось так сильно, что казалось, ударяется о рёбра. «Я дурак», – повторял Марсель сам себе.

Он был зол на себя, в это утро он себя не любил, он себе не нравился, он был неловок и рассеян, движения его рук были быстрыми и неточными, с утра он уже разбил две тарелки и обронил металлический поднос, поднос звонко ударился о пол и разбудил Лео.

– Допился? – первое, что сказал Лео, когда спустился вниз и увидел Марсея с трясущимися руками.

Лео приготовил куриный бульон и позвал Марсея на кухню.

– Пожалуй, я выпью вина, – сказал Марсель и достал графин.

– Никакого тебе вина, – Лео вырвал графин из рук Марсея. – Теперь с утра будешь напиваться? Могу я хотя бы утром видеть тебя трезвым, хватит того, что ты каждый вечер еле на ногах стоишь. Садись, поешь и за работу.

После утренней трапезы Марсель почувствовал себя лучше. Дождя не было. Семейная пара с детьми заняла столик у окна и ждала своего заказа. Шир опаздывала. Тесто уже подошло, а её всё не было.

– Вчера вечером что-то произошло? – сурово спросил Леонтий, исподлобья глядя на сына, когда тот зашёл на кухню забрать заказ.

– Я просто отвёл её домой и всё, – сказал Марсель, стараясь держаться непринуждённо.

Лео схватил его за ворот рубашки:

– Чует собака, чьё мясо съела, – зашипел Лео, – сразу понял, о чём я спросил, и не дай Бог мне узнать, что ты её обидел...

Лео отшвырнул Марсея, налил себе вина с графина, заглянул в стакан и выплеснул вино на пол.

– Мы с твоей матерью всегда были приличными людьми, а ты позоришь наше имя, общественный кавалер-осеменитель, – Лео сплюнул на пол и грузно опустился на скамью.

На кухню вошла Шир. Она сразу догадалась, что у Лео с Марселем опять произошла ссора. Марсель неподвижно стоял с опущенной головой и с подносом в руках.

– Простите меня, я опоздала сегодня, – приветливо сказала Шир.

Лео вздохнул с облегчением, а Марсель улучил момент убраться с кухни, он так и не придумал, что сказать Шир. Шир села на скамью рядом с Лео и прижалась к его плечу.

– Прости, Лео, мне так сладко спалось, не хотела вставать, знаю, ты не будешь злиться, – Шир говорила ласково и вкрадчиво.

Лео усмехнулся, погладил Шир по голове:

– Я-то думал, случилось что...

– А что могло случиться, меня же Марсель домой провожал?

– Знаю я этого Марсея, – Лео махнул рукой, – бестолочь.

– Напрасно ты его ругаешь, – Шир задержала дыхание и потом продолжила, – он постоянно о тебе говорит. Вчера даже разозлился на меня, спрашивал, почему я про мужа никогда не рассказываю? Отец мой, говорит, святой человек, постоянно про мать вспоминает, с тех пор как она померла.

Лео усмехнулся, подобрел, встал со скамьи.

– А я думал, случилось что, у сына моего много блуду в голове.

– Нет, Лео, Марсель хороший парень, – сказала Шир, и ей вспомнилось напряженное лицо Марсея, когда он спрашивал её о муже.

– Ты, дочка, садись, поешь, а я работать буду, дождя сегодня нет, значит, народу у нас будет много, надо хорошенько подготовиться.

Лео возился у печки. Шир выглянула в зал, Марсель стоял возле окна и смотрел на прохожих. В зале было много посетителей, но Марсель, казалось, их не замечал.

День выдался солнечным и тёплым. Осеннее желтое солнце ненавязчиво и аккуратно окрасило своим светом унылые серые улицы. Горожане принарядились и нашли повод выйти из дому. Наверно, они тоже подумали о том, что, возможно, это последний тёплый день в этом году, они, конечно, надеялись, что осень им ещё подарит солнечные дни, но не рискнули это проверить и решили использовать этот день: а вдруг он окажется последним, и потом – только зима. В ресторане, у Лео, этим осенним тёплым днём было много гостей. Летели заказы,

монеты, приветствия. Казалось, гости соскучились по стряпне Лео и теперь решили опустошить все его запасы. Но осенью темнеет рано, и гости долго не засиживались, уже за несколько часов до полуночи в зале никого не было.

Шир не чувствовала усталости, хоть и не присела за весь вечер. Ей хотелось, чтоб этот день не заканчивался, но за окнами было уже темно, и сырой осенний туман сочился сквозь щели в стенах и незаметно наполнял дом.

– Пойдём домой, Шир, – сказал Марсель и подал ей пальто, он выглядел уставшим и подавленным. – Мне надо выспаться, – сказал он, – я плохо спал.

Марсель оглянулся по сторонам убедиться, что в зале они одни:

– Ты прости меня, я вчера... – он говорил торопливо и тихо, ему хотелось побыстрее всё сказать.

Шир не дала ему договорить, она пожала плечами, улыбнулась:

– Дурак совсем? А вроде взрослый.

Марсель решил, что Шир его не поняла, он снова оглянулся по сторонам и заговорил ещё тише:

– Вчера, когда я... в общем, прости, это не повторится...

Шир прилепила свой указательный палец к губам Марселя, чтобы Марсель замолчал, а сама рассмеялась звонко, весело и безобидно.

– Подожди, дай-ка, я скажу: вчера вечером очень красивый парень, который к тому же моложе меня, больше чем на десять лет, просился остаться у меня на ночь. Я ему не позволила, но в дом уже поднималась не по лестнице, а влетела на крыльях прямо в окно.

Шир опять засмеялась и опять назвала Марселя дураком. Марсель был сбит с толку, он смотрел на Шир, не моргая, широко раскрытыми глазами.

– Ты сумасшедшая, Шир, – сказал он, улыбаясь, – клянусь Богом, ты сумасшедшая.

Глава 4

Пожилой доктор, тот самый доктор, который не смог спасти Лизу, теперь сидел возле её умирающей дочери Марты, на стуле рядом с постелью. Доктору была ясна причина болезни, это не была простуда или какая другая хвороба. Марта не была обычным ребенком, и с ней могло произойти что-то, что будет совершенно непонятно обычному человеку, и это что-то сделало её больной. Так объяснил доктор Эдуарду, но Эдуард его не понял, с тех пор как умерла Лиза, он перестал доверять докторам. Когда он привёз Марту домой, он был уверен, что домашнее тепло и забота близких пойдут ей на пользу, и она быстро поправится. В первые дни так и было: Марта любезно принимала заботу Карин, надевала новые платья, выходила к завтраку и даже пыталась общаться со своими сводными братьями-близнецами. Но поменялась погода за окном, поменялось и настроение Марты. Начались холода, дождь не прекращался по несколько дней. Марта перестала выходить из комнаты, уже не надевала новые платья, она сидела на подоконнике, смотрела на дождь и на голые деревья, что за окном. У Марты начался сильный кашель, который переходил в удушье, она перестала вставать с постели и почти ничего не ела. Карин поила её горькой микстурой и прикладывала горячие компрессы. По вечерам Карин брала мужа, чтобы тот послал за врачом.

– Если тебе надоело ухаживать за Мартой, я найду ей няню, – говорил Эдуард.

Карин злилась, но не осмеливалась ничего на это отвечать. Она терпеливо старалась делать всё что могла, и если случись что, мужу не в чём будет её упрекнуть.

Когда прекратились дожди, и порывистый ветер разметал туманы, когда зима окончательно отвоевала небо и осыпала улицы города первым снегом, как рождественскими дарами, – Марта перестала кашлять, удушье перестало терзать её по ночам, но ничто не поменялось: она не ела, не вставала и ни с кем не хотела разговаривать. Эдуард потерял всякую надежду и пригласил семейного врача.

– Давайте ей много пить воды, чая, компота, неважно чего, много жидкости. Есть не заставляйте, и разговаривайте с ней, но только очень тихо, может, тогда она сама вам расскажет, что с ней произошло, и вы будете знать, чем ей помочь, – всё, что мог посоветовать доктор и пообещал зайти снова, через несколько дней.

Карин начала поить Марту компотами, чаями и морсами, а Эдуард заходил в комнату к Марте по вечерам и рассказывал ей вполголоса, как прошёл его день. Доктор оказался прав: Марта понемногу начала есть, иногда выходила из комнаты, но большую часть времени она сидела на подоконнике и смотрела на однообразный пейзаж. Карин старалась быть полезной, ей очень хотелось, чтоб Марта поскорее выздоровела и пошла в школу, и тогда, некогда размеренная и спокойная, жизнь в доме опять вернётся в прежнее русло. Карин пекла пирожные и торты, жаривала куриные ножки золотистой корочкой, Марта пробовала всего понемногу равнодушно и без аппетита. А однажды за завтраком даже расплакалась. Карин принесла ей утром в комнату ванильное печенье и молоко.

– Это ванильное печенье специально для нашей Марты, – сказала Карин растянутым в улыбке ртом.

Марта увидела печенье и заплакала. Карин хотела быстро вынести печенье из комнаты, она уже не задавалась вопросами, почему Марта не ест, почему сидит в пижаме на подоконнике, почему плачет... но Марта попросила оставить печенье. Карин поставила на тумбу возле кровати тарелку с печеньем и молоко, Марта тут же стала есть печенье, не переставая плакать. Карин растерянно стояла с подносом посреди спальни и понимала, что терпение её скоро закончится.

Это было точно такое же печенье, как пекли в монастыре. Когда оно было ещё горячим, – то было совсем мягким, а когда остывало, – то становилось хрустящим и рассыпчатым.

Марта съела всё печенье, что принесла ей Карин. Это было самое лучшее в мире печенье, а ещё Карин посыпала его сахарной пудрой, и печенье стало похожим на заснеженные полянки. Марта любила снег. Ей хотелось, чтобы снега выпало как можно больше, и особенно, на вишневый сад, что под окном монастыря, где Марта потеряла брошку Шир.

– Когда я вернусь в мою школу? – спросила Марта у Эдуарда вечером, когда он зашёл к ней в комнату.

Для Эдуарда такой вопрос был очень неожиданным. Он весь день ломал себе голову, что могло бы развеселить Марту? Под вечер пришла счастливая мысль: купить ей щенка. Эдуард спросил Марту, хочет ли она, чтобы у неё был щенок, но Марта вместо ответа спросила про школу.

– Ты опять хочешь вернуться в эту школу? – спросил Эдуард разочарованно.

– Да, мне нужно, – спокойно ответила Марта.

– Ну, если так нужно, значит, вернёшься, вот выздоровеешь полностью и вернёшься.

Эдуард оглядел комнату, он так надеялся, что дома Марте будет лучше, чем в монастыре. У стены стоял чемодан с вещами Марты. Вещи так и остались не разобраны с того дня, как Эдуард привез Марту еле живую домой. Марта не любила разбирать вещи с чемодана, не любила укладывать вещи в шкафы, не любила и не могла наводить всяческие порядки. Марта была подобна сказочному эльфу с прозрачными крыльями, она могла жить и быть сама собой только там, где ничто этому не мешало, Марта не переделывала уже случившееся на свой лад, она как бы впадала в спячку до лучших времён.

– Надо попросить Карин, пусть приведёт в порядок твои школьные платья.

– Папа, а хочешь, покажу мои новые платья, которые мне купила Карин? Они красивые, буду на каникулах их носить.

Марта вскочила с кровати, она вытаскивала платья из шкафа одно за другим и показывала их отцу. Эдуард не понимал, что происходит с его дочерью, Карин успела ему рассказать, что Марта плакала утром, когда ела её печенье.

На следующий день вечером Марта сказала отцу, что уже не хочет возвращаться в школу при монастыре. Эдуард путался в мыслях, и дома, и на работе он думал только про Марту. С момента её рождения он ещё никогда так много не думал о ней.

– Мне больше не надо быть в этой школе, – сказала Марта, и это прозвучало, как фраза, часть диалога, который она вела с кем-то другим и в котором Эдуард не имел возможности участвовать.

– Тем лучше, – тихо произнёс Эдуард, как научил его доктор, – к осени, к следующему году, подберем тебе другую школу ближе к дому.

Марта его не слушала, ноги её были поджаты и накрыты одеялом, руки сжаты в кулаки, глаза бегали из стороны в сторону, будто она читала книгу. Эдуард протянул к ней руку, чтобы обнять, но обнять не решился.

– Когда погода станет лучше, – Эдуард говорил ещё тише прежнего, – мы могли бы пройтись с тобой по окрестностям, здесь совсем близко есть хорошая школа, возможно, тебе понравится.

Марта ничего не сказала в ответ. Эдуард передвинулся и сел так, чтобы хоть лицо Марты было повернуто в его сторону, и, без всякой надежды на ответ, спросил:

– Могу я хоть что-то для тебя сделать?

Марта оживилась, она посмотрела на Эдуарда в первый раз за вечер и неожиданно легко и не печально спросила:

– Папа, ты ищешь людей на твоей работе, мне так Карин сказала?

– Карин не очень разбирается в моих делах, но можно и так сказать, – в глубине души Эдуард вздохнул с облегчением: наконец-то Марта хоть о чём-то его спросила. Он ещё не знал, что ждёт его дальше. – Я рад, что вы общаетесь с Карин.

– Не то чтобы очень много, – сказала Марта и пожала плечами, – Карин помогала мне в комнате убираться с вещами.

– Она любит тебя, она... – Эдуард не успел договорить, Марта перебила его.

– Папа, а ты можешь найти Шир?

– Шир? – зачем-то переспросил Эдуард.

Он сразу догадался, про кого спросила Марта. «Леди Шир. Конечно она. Та самая Леди Шир, благодаря которой Марта стала веселой и счастливой. Что могло произойти? Наверно, Шир ушла из монастыря...» – думал Эдуард, постепенно, ступенька за ступенькой, он начинал понимать причину недуга Марты.

И, конечно же, Эдуард пообещал Марте найти Леди Шир, где бы она ни была. И до самого утра обещание это не казалось ему безрассудным. Но утром, при свете дня, Эдуард уже понимал, что был опрометчив, пообещав дочери разыскать Леди Шир. «Она ведь не заблудившийся щенок, которого можно искать, гуляя по улицам и спрашивая у соседей, или купить другого похожего, – думал Эдуард. – Шир взрослая женщина, она могла выйти замуж и уехать за тридевять земель».

Но одно только обещание найти Шир, уже сделало Марту счастливой. Она дождалась, когда отец выйдет из комнаты, разжала кулак и ещё раз посмотрела на брошку. Марта нашла брошку, которую когда-то подарила ей Шир. Брошка запуталась в одном из школьных платьев и выпала, когда Карин их перекладывала из чемодана в шкаф. Марта слышала, как что-то ударилось о пол, но решила что это камень. Потом в темноте, когда Марта ступила босыми ногами на пол, брошка вонзилась ей в ногу. Марта не почувствовала боли, она сразу догадалась, что это её брошка, и первое что сделала – поднесла брошку к губам и прошептала:

– Брошка, сделай так, чтобы Шир нашлась.

Всё утро следующего дня Эдуард терзался мыслью о Леди Шир и, как бы он не пытался отвлечься работой, имя Леди Шир, как колокол, звенело в его голове. И постепенно обещание, данное дочери, казалось всё менее невыполнимым: ведь Марта не просила привести к ней Леди Шир... Возможно, весточки о том, что Шир жива и здорова будет достаточно. После полудня Эдуард нашёл себя идущим по дороге в монастырь, он решил поговорить с настоятельницей, уж кто как не она должна знать, куда и почему исчезла Леди Шир.

Настоятельница встретила гостя приветственной, но сдержанной улыбкой. Напрямую спросить о Леди Шир Эдуард не решился. Он благодарил настоятельницу за её добродетель и неоценимый труд, рассказал о Марте, внёс пожертвования и, уже уходя, как бы невзначай, спросил о Леди Шир. Лицо настоятельницы тут же сделалось строгим и неподвижным. Рот, ещё мгновение до того изображавший улыбку, собрался в узкую сжатую полосу.

– Зачем она вам? – коротко и даже с шипением, как показалось Эдуарду, спросила настоятельница.

Эдуард пожал плечами, он понимал, что сейчас начнёт оправдываться, он постарался ответить так, чтоб это прозвучало совершенно малозначимым:

– Марта интересовалась, – сказал Эдуард, делая вид, что, в общем-то, уже собирается уходить.

– Леди Шир здесь больше не работает, но можете передать Марте, что Леди Шир в полном здравии, уж я-то в этом уверена, такие, как Леди Шир, всегда умеют о себе позаботиться.

Последние слова настоятельницы несколько оцарапали сложившийся в понимании Эдуарда образ Леди Шир. И как бы Эдуард не старался выкинуть эти слова из головы, профессиональные навыки ему мешали это сделать.

Вечером Марта ждала Эдуарда сидя на подоконнике:

– Ты её нашёл? – нетерпеливо спросила Марта, как только Эдуард вошёл к ней в спальню.

– С ней всё в порядке, – неуверенно сказал Эдуард и постарался улыбнуться.

Марта спрыгнула с подоконника. Подпрыгивая, подбежала к отцу и обняла его. Эдуард растерянно развёл руки по сторонам, он совершенно не чувствовал себя заслуживающим объятий.

– Ой, папа, ты хороший, – говорила Марта, прижимаясь щекой к его колючему шерстяному пальто, – сегодня я съела на обед большую тарелку супа, я быстро оденусь, и мы с тобой пойдём к Шир, или пригласи её к нам, она сразу придёт, она меня очень любит, и я её люблю.

Эдуард молчал, он не находил слов. Марта послабила объятия и немного отодвинулась в сторону, так, чтобы по выражению лица Эдуарда разгадать смысл его молчания.

– Ты её уже пригласил? – восторженно спросила Марта.

В эту минуту больше всего на свете Эдуарду хотелось высвободиться из объятий дочери, чтобы помчаться в монастырь, пока там все не улеглись спать, и любой ценой узнать у настоятельницы адрес, где живёт Шир. Но сделать этого прямо сейчас было уже невозможно, его больная дочь, исхудалая и брошенная, стояла перед ним, как доказательство его отцовской немощи, и ей надо было что-то ответить.

– Леди Шир теперь не работает в монастыре, она уехала, наверно, вышла замуж, – очень тихо сказал Эдуард, вспоминая совет доктора, но сегодня этот совет ему не помог. Марта медленно разжала объятия, её руки безжизненно опустились вниз, она сделала несколько шагов назад:

– Замуж? – спросила Марта безнадёжным дрожащим голосом.

Эдуарду показалось, что она вот-вот заплачет или уже плачет.

– Она не могла выйти замуж, – по-детски с обидой сказала Марта, – она любит своего мужа и меня.

«Кажется, Шир вдова, – подумал Эдуард, – но теперь это уже не имеет значения: ведь можно продолжать любить супруга после его смерти и хранить ему верность», – но думать об этом Эдуард совсем не хотел.

В этот вечер Марта больше не сказала ни слова, не дожидаясь, когда отец выйдет из комнаты, она легла в постель и с головой накрылась одеялом, а Эдуард так и остался стоять с бесполезно повисшими вдоль тела руками. В гостиной его ждал ужин с чрезмерным количеством приправ и давно уже не любимая жена. Эдуард без аппетита будет есть и стараться не слушать болтовню Карин, наряженную в яркое платье, затем они пойдут в спальню, в такую же яркую и безвкусную, как и сама Карин. Карин будет продолжать свои пустые разговоры, а Эдуард будет терпеливо ждать, когда же, наконец, она займётся сном и оставит его в покое.

– Мне необходимо знать, где сейчас живёт Леди Шир, – сказал Эдуард настоятельнице на следующий день, минуя бесполезные слова приветствия. Теперь он стоял на пороге почти ненавидимого им божьего храма.

Лицо настоятельницы, и без того безжизненное, морозным утром при ярком солнечном свете было похожем на белую гипсовую маску, через глазницы которой проглядывали фиолетово-красные веки.

– Шир всё ещё занимает комнату, которая принадлежит монастырю, – с уже знакомым Эдуарду шипением сказала настоятельница, – это недалеко отсюда, на третьем этаже под крышей, где швейная мастерская, но я не советую вам этого делать.

– Спасибо, я найду, – сказал Эдуард и уже собирался поспешно уйти, но настоятельница вцепилась пальцами в рукав его пальто.

– Послушайте моего совета, – теперь голос её звучал мягче, и лицо, как бы стряхнув гипсовую маску, изобразило умоляюще страдальческую заботу, – незачем вам её разыскивать, я уже немолода и неплохо разбираюсь в людях, Леди Шир совсем не та, какой кажется при первом знакомстве.

– Марта очень больна, она попросила меня найти Шир, я не мог ей отказать, – сказал Эдуард, рассчитывая на то, что этого объяснения будет вполне достаточно, чтобы за ним не последовало никаких советов и вопросов.

– Не нужно Марте с ней видаться, и вам тоже лучше держаться подальше от этой женщины. – Настоятельница тоже не хотелось продолжать этот разговор, и поэтому она старалась говорить как можно убедительнее, чтобы Эдуард сам всё понял и далее ни о чём не расспрашивал.

– Не думаю, что Леди Шир может представлять какую-либо опасность для меня или для моей дочери, – сухо сказал Эдуард в полной решимости вырвать рукав своего пальто из цепких пальцев настоятельницы и уйти. Но настоятельница не отпустила хватку.

– Пойдите, – сказала она и оглянулась по сторонам, продолжая удерживать незваного гостя, – думаю, мне всё-таки придётся рассказать вам историю Шир, как бы ни не хотелось мне этого делать, – настоятельница говорила тихо, не глядя Эдуарду в лицо, взгляд её был направлен в сторону, как будто именно там, в стороне, находилось что-то, что как-то было связано с историей Шир.

Эдуард глубоко вздохнул и на несколько мгновений задержал дыхание, он уже догадывался, что сейчас он узнает то, что знать ему не следует, но любопытство его удержало, и он не сказал: «Кем бы ни была Леди Шир, она сделала то, чего ни я, ни вы не смогли сделать: она сделала Марту радостной». Он не сказал даже таких простых слов, как «Спасибо, но мне не интересна история Леди Шир, я всего лишь пришёл узнать, где она живёт». Эдуард позволил настоятельнице увести себя внутрь монастыря, усадить в мрачную залу и рассказать «историю Леди Шир».

– Леди Шир – женщина лёгкого поведения и... – неудачно начала свой рассказ настоятельница, после чего Эдуард резко оборвал её.

– Шир вдова, – сказал он, как будто знал это наверняка.

Настоятельница печально усмехнулась.

– Шир никогда не была замужем, – сказала она, – известная нам Леди Шир была любовницей одного очень уважаемого господина, к тому же, думаю, Шир была его старше, иначе не поддался бы он её чарам, чарам неопытной женщины, имея молодую и красивую жену. Господин, у которого Шир жила на содержании, погиб на войне. После смерти своего любовника Шир очень страдала, верю, что она любила его, но это ничуть её не оправдывает. Вступить в неосвященную Богом связь с женатым мужчиной – позор для женщины. На такое может пойти только женщина неспособная сдерживать свои низменные желания. Бог наказал её за этот проступок: от горя Шир лишилась рассудка, она сделалась больной, неспособной ухаживать даже за собой, не говоря уже о том, чтобы быть полезной другим. Вдова погибшего на войне господина, любовника Шир, женщина очень добрая и богобоязненная, привела Шир в больницу, где наши девушки из монастыря помогали ухаживать за больными. Там я впервые увидела Шир. Она была не в себе, постоянно говорила о своем любовнике так, как будто он был всё ещё жив. Она осознавала его смерть, но говорила о нём, как о живом. Шир упрямо называла его своим мужем. Шир не оправилась и по сей день, она по-прежнему называет его своим мужем и говорит всем, что она вдова. Думаю и вам она это сказала.

Настоятельница печально вздохнула:

– Мне жаль её, – продолжала настоятельница, – не хочу верить, что она врёт, она на самом деле убеждена, что была женой. Возможно, её больной рассудок не способен осознавать горькой правды и отвергает тот позор, с которым Шир была связана, надо полагать, долгие годы. Мне хочется думать, что это путь к исцелению её души, но путь этот ещё слишком долог. Мне пришлось уволить Шир за то, что она опять пыталась прельстить женатого мужчину, он работал у нас булочником, привозил по утрам свежий хлеб. Шир всячески старалась привлечь его внимание, пока не добилась своего. Жена пекаря, несчастная женщина, измученная тяж-

ким трудом, прибежала ко мне в слезах и обо всём рассказала. Бог не остался в стороне от позорного прелюбодеяния: сгорела пекарня нерадивого пекаря. А я, в свою очередь, не могла позволить, чтобы постыдный замысел Шир остался безнаказанным: я её уволила.

«...Выступила в роли Бога, – подумал Эдуард, и сам себе усмехнулся, он не мог решить, даже для себя, верит он всему, что рассказывает настоятельница или нет, – ... хотя, в общем-то, и неправду говорить ей нет надобности».

– Мне очень хотелось ей помочь, – говорила настоятельница, – я часто приходила в больницу и подолгу разговаривала с ней. Она вела себя спокойно и дружелюбно, отвечала на все мои вопросы. Из рассказов Шир мне стало понятным, что молодая вдова всегда знала о связи Шир с её несчастным мужем. Думаю, девушка была очень доброй и чуткой, поэтому позволила Шир продолжать жить в их доме. А возможно, из-за любви к мужу, зная о его привязанности к Шир, не хотела его ранить. Шир щедро этим пользовалась, со слов самой Шир, мне стало понятным, что она даже имела служанку. Шир говорила, что ей было позволено ухаживать за ребёнком господина и его молодой жены, но этому я не верю. Как можно доверить ребёнка такой женщине?

Эдуард сделал жест рукой, как обычно бывает с ним в преддверии резкого аргумента, но так и не нашёл что сказать. Настоятельница не заметила жеста и продолжала невозмутимо:

– Скорей всего, Шир очень хотелось присматривать за ребёнком, своих детей у неё никогда не было, вот и говорила о желаемом, как о действительном. У Шир есть одно очень хорошее качество: она не имеет привычки говорить плохо о других, и о ком бы она ни говорила – обязательно скажет «хороший человек». Этим она заслужила моё расположение, я предложила Шир прийти в монастырь, после того как врачи решат, что она может покинуть стены больницы.

«Из стен больницы в стены монастыря, – подумал Эдуард, – бедная Шир».

Теперь ему уже самому хотелось найти её, независимо от просьбы Марты, хотелось узнать, что она жива и здорова и что в её жизни есть хоть какой-то просвет вне печальных стен.

– Но Шир не сразу пришла к нам, – настоятельница окинула взглядом готический свод залы, – пришла спустя больше, чем год, мы не знаем, где она была и что с ней было в этот период её жизни, а говорить она об этом не стала. Думаю, вам трудно будет поверить, но Шир меня не узнала. В монастырь её сам Бог привёл, Шир не помнила того, что я говорила ей про монастырь. Она заново рассказала мне свою выдуманную историю про мужа, зачем-то сказала, что он очень болел, и она ухаживала за ним, но спасти не смогла, после чего он умер. Наверно, именно так её большое воображение сфабриковало эту историю.

Настоятельница глубоко вздохнула:

– Да простит меня Бог, я пыталась помочь несчастной, но не смогла, и теперь обстоятельства вынуждают меня злословить. Шир сумасшедшая, не ищите её и не позволяйте вашей дочери видеться с ней, – настоятельница перевела дыхание, сложила руки крестом на груди и глухо сказала на выдохе: – Больше мне вам нечего сказать, – затем она встала, слегка поклонилась, не отнимая скрещенных рук от груди, и ушла.

Глава 5

Её разбудил грохот, что доносился из зала ресторана. Шир укрылась одеялом с головой и перевернулась на другой бок. «Наверно, опять дрова привезли», – сквозь сон решила она. Особенно холодными ночами Шир оставалась ночевать в доме у Лео и Марселя. В её камерке над швейной мастерской было невыносимо холодно. Настоятельница запретила сторожу давать Шир дрова на обогрев и горячую воду.

– У... ведьма, – говорил сторож, размахивая худыми руками, торчащими как сухие ветки из широких рукавов его дублёной шубы, – а шипела то как, не поленилась, сама лично пришла проверить, как я тут выполняю её приказ. Но я придумал одну хитрость: теперь топлю в мастерской на втором этаже, дров кладу побольше, так чтоб тепло и вам доходило.

Сторожу нравилась Шир, он решил для себя, что она самая красивая и добрая женщина, какую он когда-либо встречал. Шир была единственная во всём доме, а может, и во всём мире, кто разговаривал с ним. Иногда Шир приносила сторожу еду из ресторана, и они трапезничали прямо на скамейке под тыльной стеной дома, которую ветер обходил стороной. Все свои истории старый сторож начинал со слов «Никого у меня в этой жизни уже не осталось, а я всё живу и живу. Шир ему во внучки годилась, но о себе могла сказать то же самое.

Грохот снизу постепенно превратился в однообразный стук. «Что бы это могло быть?» – подумала Шир. Спать ей уже не хотелось. В доме у Лео было тепло и уютно. Шир потянулась, нежась в мягкой постели. Было уже светло, за окном бесшумно сыпался совершенно свежий и безукоризненно белый снег. Шир приподнялась на локтях и стала прислушиваться к стуку. «А может, нас грабят? – вдруг подумалось ей, – а что если они убили Лео, а Марселя прибывают к полу, ну или наоборот, чтобы он рассказал им, где спрятаны деньги?» Шир сама улыбнулась, какая же глупая мысль пришла ей в голову. Но едва ощутимая и почти ничем не оправданная, но всё же тревога, осталась блуждать в её сонных мыслях. Шир решила спуститься вниз и посмотреть, что же всё-таки там происходит. Она вставила ноги в домашние туфли, накинула шерстяную шаль и стала спускаться. Все эти вещи: и туфли и шаль, когда-то принадлежали покойной жене Лео. Вещи Шир по-прежнему оставались в камерке над швейной мастерской, всё как-то времени не хватало перенести их к Лео, да и не было в этом особой необходимости: Лео с Марселем перетаскивали в комнату, что теперь принадлежала Шир, целый сундук женских нарядов.

– Уверен, что она смотрит на нас сверху и совсем не против, чтобы ты надевала её платья, – сказал Лео. Платья его покойной жены пришлось Шир в самую пору.

Спускаясь по лестнице, Шир услышала ворчание Лео и покорно приглушенный голос Марселя:

– ... крепче держи, бездарь.

– Угу, можешь подавать, держу.

Шир вздохнула с облегчением: «Всё в порядке».

В зале было светло и прохладно, столы и стулья были сдвинуты в одну сторону ближе к центральному входу, повсюду валялись доски разных размеров, щепки, инструменты, Лео и Марсель прибавляли большую доску к стене: Лео, сидя на полу на войлочной подстилке, а Марсель, стоя на стремянке, на той самой стремянке, на которую он влезал помногу раз на день достать на кухне подвешенные к потолку куски вяленой буженины. Они двое не сразу заметили Шир, которая уже пару минут наблюдала за их работой. Шир поёжилась, поплотнее завернулась в шаль. Лео заметил Шир и, глядя на неё снизу вверх, сказал:

– А, Шир, мы тебя разбудили, можешь ещё отдохнуть, откроемся только к обеду, мы должны закончить с этим.

Шир молча окинула взглядом разбросанные на полу доски, затем окна, затем перевела взгляд на стоящего на стремянке, Марселя.

– Мы всегда забиваем окна на этой стене на зиму, чтоб было легче протапливать зал, зимой-то всё одно посетителей мало, а топить надо, иначе вообще никто не придёт, – объяснил Марсель.

Шир пожала плечами.

– А, понятно, я думала – вы просто хотите отгородить ненужную часть зала, чтоб она не забирала тепло, так я делала в доме у мужа, когда зима была особенно холодной, – сказала Шир, и воспоминания о суровой зиме тут же рванулись к памяти, как выюга в неплотно закрытую дверь. Шир затворила эту дверь покрепче, ещё раз окинула взглядом Лео, Марселя, разбросанные доски и медленно пошла в свою комнату в надежде снова уснуть.

Лео и Марсель молча переглянулись и, вот так глядя друг на друга, на пару секунд застыли без движения.

– Ну ладно я... я уже старый, но ты-то молодой, а ума не больше, чем у замороженного петуха, – сказал Лео и кряхтя поднялся со своей войлочной подстилки, держась за спину, – отдирай все эти доски с окон и делай, как сказала Шир.

– Ага, понял! – радостно вскрикнул Марсель. – Мы отгородим эту часть зала, и тогда там будет теплей.

– Смотри-ка, догадался, а я уж было подумал – ты окончательно все свои мозги пропил.

По дороге в свою спальню Шир заглянула на кухню. На кухне, под стеной, недалеко от печи, лежали дрова, перевязанные травяной верёвкой. От них пахло свежестью и морозом, как пахнет постиранное бельё, которое сохло на улице зимой. Но дрова уже потихоньку начинали оттаивать и издавать волшебный запах древесного сока. На столе оставались неприбранными два бокала и почти пустая бутылка вина. Ночами, когда гости расходились, зал пустел и не было смысла его обогревать, Марсель с кем-нибудь из гостей продолжали попойку на кухне. Ночные похождения Марселя перестали интересовать. То ли зима была слишком холодной, то ли он наконец-то повзрослел и теперь напивался ночами, как и многие взрослые, неприкаянные и не обременённые семьёй. Шир вылила в рюмку остатки вина, не заботясь о том, что рюмка может быть недостаточно чистой, собрала в ладонь с разделочной доски обрезки варёного мяса, одним глотком выпила вино и кислый вкус выдохшегося вина заела варёным мясом. Печь была ещё тёплой, Шир открыла затворку и заглянула внутрь: дрова уже выгорели. Шир зачем-то взяла кочережку и разворошила тлеющие угли, угли покраснели, и из-под них пробились едва заметные лепестки пламени. Шир подняла с пола несколько щепок, аккуратно положила их в печь на угли, и вновь занялся огонь. «Здесь я уже, как дома, – подумала Шир, – и там, в каморке, как дома, и в доме у варвара-мужа была, как дома, потом в домике для гостей – тоже как дома, – Шир усмехнулась, – беспризорница...»

Но и дом Лео был не последним её пристанищем.

Вечером пришёл Эфраим, навьюченный в бараний тулуп, в скрипучих кожаных сапогах.

– Это что ещё за сооружение? – спросил он, хлопнув ладонью по дощатой стене, которую Лео и Марсель выстроили по совету Шир.

– Шир нам подсказала, – самодовольно сказал Лео и многозначительно посмотрел на Шир, надо ещё коврами забить, будет красиво и тепло.

– Ах, Шир, – проговорил Эфраим и пренебрежительно потрел Шир за щеку, он сделал вид, что только сейчас заметил её, хотя Шир всё это время была рядом и первая вышла ему на встречу, когда он вошёл.

Шир отвернула лицо в сторону и отшатнулась, с ней давно никто так грубо не обращался, она вообще забыла о существовании Эфраима.

– Освоилась уже? – и Эфраим опять потянул руку к лицу Шир, но Лео перехватил его руку и превратил невежественный жест в дружеское рукопожатие.

– Садись за стол, брат, устрою тебе ужин, давно ты у меня не был.

– Давай, Шир, шевелись, – сказал Эфраим и щелкнул пальцами, – хозяйева ужинать будут. Лео виновато посмотрел на Шир, нелепо улыбнулся, как бы извиняясь за брата.

– Ты садись, давай, тулуп снимай, я сам всё принесу, у Шир и без нас работы хватает.

– Правильно, пусть работает, хлеб свой отработывает, – важно по-хозяйски сказал Эфраим, он сидел, откинувшись на спинку стула, выпятив живот и широко расставив ноги, – а то придётся её уволить как ту.

– О ком ты говоришь, брат? Никого я не увольнял, – торопливо сказал Лео и опять виновато посмотрел на Шир.

– Ну как же, помнишь, толстуха молодая?

– Так она ж сама ушла, замуж вышла, не понравилось её мужу, что она работает ночами.

– Да уж, – проговорил нараспев Эфраим и с ухмылкой посмотрел на Шир, – не пристало приличной женщине между столами задом вертеть по ночному заведению.

– И что на тебя нашло? – Лео придвинул стул и сел напротив брата так, чтоб заслонить собой Шир от его насмешливого взгляда. – И потом, у нас тут не ночное заведение – ресторан, люди приходят покушать. Расскажи лучше, как твои дела, когда пекарню открывать думаешь?

Эфраим махнул рукой.

– Оставь, много работы, заново строить надо, вот дождусь весны...

Марсель принёс бутылку домашней водки и блюдо с дымящимся варёным картофелем со шкварками.

– Здравствуй, дядька, вот вам для начала, чтоб согреться.

– Ага, Марсель, красавчик, вот ты где, хорошо выглядишь, – Эфраим и его щипнул за щёку, – а я уж думал – ты окончательно тут спился.

– Терпеть его не могу, – сказал Марсель Шир, когда вернулся с пустым подносом на кухню, – он зануда, пусть отец с ним сидит, а мы с тобой и сами управимся.

Впервые за всё время работы у Лео Шир почувствовала усталость. Ей захотелось домой, но где был её дом: здесь у Лео, где разорённый в щепки брат хозяина щёлкает ей в лицо пальцами или, может, в каморке над швейной мастерской, где святая добродетель холодом старается выжить её на улицу? «В каморке, – подумала Шир, там, в каморке на стене, оставался портрет Милоша, – хоть Милош и был варваром, но, пока я была с ним, мне не о чём было заботиться, я заботилась только о нём». Шир вдруг ощутила одиночество, потерю. Никогда ранее, как ей казалось, она этого так сильно не чувствовала. Шир захотелось в холодную каморку, где портрет Милоша, чтобы упасть на кровать и долго плакать. Теперь она снова видела его героем: сильным и добрым, крепостной стеной, ограждающей её от забот. Всё происходило само собой, сами собой появились деньги, а потом сам собой выстроился большой дом, в нём сами собой завелись слуги, и сам собой водился достаток. Милош был трудным человеком, его характер был резок и непредсказуем, но это единственное к чему надо было приноровиться. Понадобилось лишь время и терпение, чтобы научить его доверять, не ревновать и не подозревать. «И какая же глупая мысль водилась тогда в моей голове, что помышляла о свободе и позволила потерять Милоша?» – подумала Шир, с трудом сдерживая слёзы.

Её позвали. Эфраим, он крикнул бесцеремонно на весь зал:

– Шир, неси нам ещё водки!

Они оба с Лео были уже пьяны и теперь, перебивая друг друга, жаловались на жизнь.

– ... Того, что зарабатываем летом, только и хватает на дрова зимой, – говорил Лео.

Шир поставила им на стол очередную бутылку водки и, не поднимая глаз, поспешила уйти.

– Сегодня домой пойду ночевать, – сказала она Марселю.

– Да что ты, Шир, он очень редко приходит, он скоро уйдёт, – Марсель сразу догадался, почему Шир хочет уйти. – Зачем ты вообще подошла к ним? Меня бы попросила. Ты только

не уходи, они скоро разойдутся, я отца знаю, он много пить не может, скоро засыпать начнёт. Я сейчас дядьку выпровожу, а отца наверх спать отведу, и мы с тобой ужин устроим. Мне с тобой поговорить надо.

– Нет, Марсель, спасибо, – Шир печально улыбнулась, – мне хочется домой. Можно мне уйти сейчас?

– ...И не нужно меня спрашивать, – сказал Марсель, он взял Шир за обе руки, и ему передалась та печать одиночества, что уже полностью охватила Шир. – Подожди минутку, я провожу тебя, минутку подожди, гостей уже не будет, а с этими двумя я потом разберусь, когда вернусь.

Они были уже у выхода, когда Эфраим догнал их, покачиваясь и шаркая ногами. Он бесцеремонно оттолкнул Марселя, обнял Шир, почти полностью повисая на ней, и, дыша ей в лицо перегаром от водки, сказал:

– Пойдём, дорогуша, я провожу тебя домой, молодым нас не понять, мы с тобой одно поколение, своё мы уже отжили, нам будет, о чём поговорить.

Марсель сжал кулаки и, если б Эфраим не был его дядькой, то Марсель бы его, конечно же, ударил, даже не смотря на то, что тот был его вдвое старше. Но Марсель покорно отошёл в сторону, он понимал, как противен был Шир пьяный невежественный Эфраим с отёкшим красным лицом. За те несколько месяцев, что Шир проработала в ресторане, Марсель поне-многу учился понимать её. С раннего детства Марсель начал помогать родителям в ресторане и уже много лет простоял за барной стойкой, наблюдая за посетителями. Марселю было необходимо понимать настроение каждого вошедшего в ресторан, чтобы уметь быть приветливым и ненавязчивым; весёлым, но не насмешливым; услужливым, но не надоедливым. Лео по-отцовски жалел своего единственного сына и по-своему его любил, но во многом и не недооценивал. Лео даже не догадывался, какую важную роль исполняет Марсель в его деле, «недоумок» и «бездарь» Марсель, умеющий вовремя подбежать к посетителю с подносом и с широкой улыбкой, кого-то по-дружески хлопнуть по плечу, кому-то вежливо поклониться. Каждый новый человек, вошедший в зал, был для Марселя новым уроком, к которому Марсель подходил осторожно и аккуратно, стараясь усвоить всё до мельчайших деталей. Когда к отцу пришёл Эфраим, чтобы рассказать про Шир и выхлопотать для неё рабочее место в ресторане, Марсель был неподалёку и слышал их разговор. Эфраим говорил о Шир пренебрежительно, назвал её женщиной посредственной, но вполне подходящей для работы на кухне. Потом говорил, что очень жалеет её, и его бесконечно добрая душа не может позволить ему оставаться равнодушным. Сказал, что Шир вдова, что горе помutilо ей рассудок, и она пустилась в распутство, за что теперь горько раскаивается. Лео был напрочь сбит с толку, но ему нужна была помощница, и он пообещал принять Шир на работу. Марсель пытался представить себе, какой должна быть эта Шир, он не слишком-то доверял своему дядьке и понимал, что многое сказанное им может быть неправдой. И вот на следующее утро пришла сама Шир. Она была совершенно другой, Марсель так и предполагал, что Шир будет чем-то совершенно иным, очень отличающемся от того образа, что он построил за ночь в своей голове. Впервые заглянув ей в глаза, Марсель догадался, что Шир будет для него тем уроком, что ему и за всю жизнь не усвоить. Поначалу он упорно пытался не поддаваться её влиянию и продолжал вести привычный образ жизни, но делать это становилось всё труднее: то ли возраст давал о себе знать, то ли рядом с Шир было настолько спокойно и уютно, что уже совсем не хотелось никуда идти. Хотелось быть где-нибудь неподалёку от неё. Пусть она и занята своим делом, пусть даже спит, но на неё всегда можно посмотреть или даже просто глянуть украдкой на загадку-Шир, уютно спящую в своей постели. А ещё хотелось её удержать, чтобы она уже никуда не уходила и чтобы самому уже не надо было никуда выходить на поиски счастья. И пусть этот маленький уютный мир навсегда ограничится ресторанчиком отца и несколькими спальнями наверху. Марсель родился и вырос в маленьком мире, построенным его отцом, он не знал большой жизни, не знал и боялся

её. Шир стала частью этого мира, не надо было ничего менять и начинать, всё уже само собой началось и поменялось. Марсель не представлял и представлять не хотел, что всё может быть по-другому. Накануне вечером он сказал отцу, что хочет жениться на Шир. Лео молча откупорил бутылку вина, достал из бульона ещё горячий кусок варёной говядины, медленно нарезал говядину на доске толстыми пластами, затем наполнил доверху вином два бокала и тихо сказал:

– Это будет твой первый мужской поступок, сынок, подойди, хочу с тобой выпить.

Они оба выпили вина, затем Лео сделал вступительный жест рукой, хотел что-то сказать, но, видно, передумал и едва заметно махнул рукой, что означало «неважно». Он сказал, что с утра надо будет встать пораньше и забить окна на дальней стене, хотя сказать хотел совсем другое. Следующий день Шир проспала до обеда, а потом пришёл Эфраим, а потом вдруг Шир захотелось уйти домой. Марселю так и не удалось поговорить с ней. Марсель не спал всю ночь, он думал о том, как скажет Шир о своих намерениях и что будет, если Шир не согласится, как смогут они постоянно находиться рядом, если она ему откажет? «Она будет чувствовать себя виноватой, – думал Марсель, – а я не смогу заинтересоваться другой, куда буду видеть перед собой Шир». А ещё Марсель проклинал Эфраима за то, что тот «притащился именно в этот день и увязался вслед за Шир». Ну и, конечно же, Марсель злился на самого себя, за то, что он в свои тридцать, как сопливый мальчишка, позволил взрослому дяде себя оттолкнуть и увести его женщину Марсель решил сказать обо всём Шир сразу, как только она вернётся, пока ещё кто-нибудь не ворвётся и не помешает им. Но Марсель опоздал. Возможно, ещё вчера Шир бы ему не отказала, может, да – может, нет, она и сама себе иногда удивлялась, но сегодня она пришла, чтобы попрощаться. Лицо её было бледным, опрокинутым, она вошла, молча, опустив голову, и даже не поздоровалась. Лео увидел её ещё из кухни и поспешил подняться наверх, он уже догадался, что его сын не получит эту женщину. Марсель вышел ей на встречу:

– Нам надо поговорить, – сказал он Шир с неестественной и не свойственной ему решительностью.

– Да всё нормально, – сказала Шир, не глядя на Марселя, – а где Лео?

Решительность Марселя как-то сразу растворилась и исчезла бесследно. Он неуверенно пожал плечами, огляделся по сторонам:

– Не знаю, – сказал он, – наверно отец на кухне.

– Я пришла попрощаться, – тихо сказала Шир, продолжая смотреть куда-то в сторону.

Марсель почувствовал, что у него пересохло во рту, он не хотел слышать то, что сказала Шир, он не хотел понимать смысл этих слов, он оттолкнулся от этих слов так, как если бы их вообще не было. За ночь Марсель десятки раз проигрывал у себя в голове, как он будет разговаривать с Шир, а она будет молчать в ответ, но он будет настойчив; или она будет плакать, а он будет нежен; или она посмеётся над ним, тогда будет плакать он, но не было ни разу, чтобы Шир хотела попрощаться.

Марсель постарался заглянуть в глаза Шир, но взгляд её блуждал из стороны в сторону, она думала о чём-то совершенно ином.

– Выходи за меня замуж, – неожиданно для самого себя сказал Марсель.

Шир заставила себя улыбнуться:

– Всё будет хорошо, – тихо сказала она, – у тебя ещё будет весна.

– Я не понял твоего ответа, – с трудом выговорил Марсель.

Шир опустила голову и едва слышно проговорила:

– Нет, Марсель, я ухожу, скажи сам об этом Лео, я не смогу.

– Нет, Шир, – торопливо заговорил Марсель, – это ничего не меняет, мы и дальше можем быть просто...

Шир не дала ему договорить:

– Есть одна девочка, она очень больна, у неё нет мамы, я нужна ей, её отец нанимает меня ухаживать за ней...

Лицо Марселя на мгновение осветила бледным светом печальная улыбка слабой надежды:

– Может, потом, когда девочка выздоровеет...?

Печальная улыбка, как бледный солнечный зайчик, пробежала и по лицу Шир:

– Может быть, – сказала она.

Шир тоже не спала всю ночь. Эфраим был плохим попутчиком. Они добивались к дому Шир больше двух часов, Эфраим спотыкался, падал, потом ругался, потом, опять падал. Дорога была скользкой, на небе не было ни луны, ни звёзд, наверно, ветер гнал по небу черные тучи, чтобы потом вытряхнуть из них снег. Шир приказала себе молчать и ни о чём не думать: не думать о том, как она ненавидит Эфраима; не думать о том, каким жалким выглядел Марсель, когда Эфраим оттолкнул его в сторону; а главное не думать о том, во что превратилась её жизнь после смерти Милоша. Как же ей хотелось ускорить шаг и оставить Эфраима замерзать в эту нелепую ночь. Почему она тащит его на себе, ведь это из-за него её опозорили и выгнали из монастыря, ведь это он весь вечер изображал из себя хозяина и пренебрежительно отдавал ей приказы? Шир ещё не знала, что, подойдя к её дому, одуревший от водки и долгов, Эфраим выплеснет на неё всю ненависть, что накопилась в нём к людям, у которых не сгорело имущество.

– К тебе пойду, помоги мне забраться на эту чёртову лестницу, – сказал Эфраим, когда они подошли к дому.

Шир представила себе, как остаток ночи ей придётся выслушивать нытьё и жалобы пьяного кого-то, кого она по неосторожности или из-за бесконечного одиночества называла другом.

– Иди домой, Эфраим, тебе надо выспаться, – сказала Шир тихо и осторожно, ей хотелось как можно быстрее отделаться от него, чтобы наконец-то остаться одной.

Но Эфраим грубо притянул Шир к себе за плечи:

– Сюда иди, ты не будешь говорить, что мне нужно, – он скрежетал зубами, его отёкшее лицо в темноте выглядело синим, – не забывай, кто пристроил тебя в теплое местечко.

Шир попыталась отстранить Эфраима, но это разозлило его ещё больше.

– Не упирайся, теперь мы все знаем кто ты.

Эфраим говорил громко, его голос срывался на крик. На шум вышел сторож. Старик не спал и сразу догадался, что происходит. Он направил ружьё на Эфраима и стволом ткнул его в плечо.

– Прочь пошёл, пьянь, пристрелю, как пса.

– Уйди, дед, не лезь, не твоя забота, – сказал Эфраим, но сделал шаг назад.

Вид У сторожа был грозный, он продолжал отталкивать Эфраима стволом ружья.

– Пристрелю, мне терять нечего, до утра околеешь, утром тебя в телегу погрузят и прочь из города вывезут, – сторож закричал, таким уж был его смех.

Эфраим отступил, сторож напугал его. Старик загородил собой Шир и продолжал держать ружьё впереди себя наготове.

– Иди к себе, дочка, я с этим гадом сам разберусь.

Старый сторож был единственным, кто чувствовал себя хорошо в разыгравшейся сцене. Возможно, это был его последний шанс его, старого вояки, – хотя бы ещё раз нажать на курок.

И вдруг пошёл снег. Шир почувствовала холодные капельки на щеках и подумала, что это её слёзы, подумала, что она плачет, сама того не замечая, но потом поняла, что это снег. Шир посмотрела на небо, снег сыпался откуда-то из темноты, как мука через огромное сито. Шир почувствовала себя совершенно непричастной ко всему, что происходило вокруг неё, ни кураж сторожа, ни брань Эфраима уже не имели к ней отношения. Эти люди, а с ними и Лео, и Марсель, зачем-то толпятся в её жизни, зачем-то она нуждается в них... Или не нуждается? Ей захотелось уметь летать, чтобы, как во сне, оставить внизу под собой неприглядное и, рас-

талкивая воздух, подняться вверх. Шир часто видела во сне свой полёт, но это всегда было тяжело, она не могла парить, как птица, летать было трудно, воздух был упругим, и его движение разрывало её легкие, но только так приходило спасение.

– Тебя мужчина искал, – громко и радостно сказал сторож так, чтоб и Эфраим его слышал, – несколько раз приходил, интеллигентный, инженер, наверно.

Шир очнулась, как после забытья, по воздуху медленно кружился снег. Шир показалось, что она уже полжизни стоит так на лестнице за спиной у сторожа с ружьём. О ком говорил сторож, Шир не поняла и понимать не хотела. И чтобы там дальше не происходило в её жизни, Милош уже умер, и надо как-то дожить эту жизнь. Шир подумала, что теперь ей многое безразлично и даже то, что Эфраим назвал её «падшей женщиной».

– ... Мужчины к ней ходят, – рычал Эфраим, – моему несчастному брату голову морочит. Но на кой чёрт ей старик, пацана соблазнить решила. Я сразу догадался, Марсея дурака захотела к рукам прибрать, а ему дурню и невдомёк, что наша Шир у себя инженера принимает.

Шир безучастно смотрела на Эфраима, как в театре смотрят на плохого актёра. Сторож выстрелил в воздух. Хлопнул сухой выстрел. Шир вздрогнула. Эфраим от неожиданности повалился на землю.

– Ага, работает, моя девочка! – радостно закричал сторож. – Мы с ней всю войну прошли.

Сторож поднёс ружьё к губам и поцеловал ствол. Похоже, он совсем забыл про Шир, глаза его горели из под наморщенных век, лицо напряглось, обострилось.

– Ползи отсюда, мразь, пристрелю ведь, точно тебе говорю.

Эфраим, не поднимаясь с земли, стал пятиться назад так, как будто его и впрямь подстрелили.

– Сучье племя, – ругался он, но уже значительно тише, – в тюрьму засажу, вы сожгли мою пекарню, завистники проклятые...

Эти двое нашли себе занятие: Эфраим, отталкиваясь пятками, старался отползти подальше от «сумасшедшего старика», а «сумасшедший старик» преследовал его, как затравленного зайца, держа на прицеле. Даже для неба нашлось дело: сыпать снегом. Только Шир бесполезно стояла на лестнице и с тоскливым безразличием наблюдала за сценой охотника и его жертвы. «И как могло это случиться? – думала Шир, она задавала себе вопросы, на которые вовсе не собиралась отвечать. – И что же я сделала не так, в какой момент ошиблась, почему моя жизнь покатила к чёрту, и где теперь, интересно, мой дом, в этой стылой конуре или у добродетеля Лео?»

Шир вспомнила про ключ. «Будет смешно, если забыла его в ресторане», – подумала она и опустила руку в карман, ключ был в кармане. Шир поднялась по лестнице к своей двери и засунула ключ в замочную скважину. Замок уже наполовину проржавел, но таки открылся, хоть и с жутким скрежетом. Шир замкнула дверь изнутри и, не раздевшись и даже не сняв обуви, залезла под одеяло и укрылась с головой, ей не хотелось видеть то, что теперь окружало её. Ни повисшее на стуле монашеское платье, ни сундук с её вещами, ни портрет умершего Милоша на стене. Ей хотелось уснуть, чтобы прекратить думать, но сон не приходил, пришли они – воспоминания.

Было это лет пятнадцать-двадцать назад. Милош едва оправился от болезни, которая чуть не убила его, но долго оставаться в постели он не мог. Он заставил выбрить себе лицо, и во время этого занятия он то и дело вертелся и давал указания, за что был трижды порезан бладобреем. До дома оставалось несколько недель пути, но осенние дожди и неожиданный снег размыли дороги, и, наверно, придётся ждать первых заморозков в лагере под хутором. Молодые кони били землю копытами от голода. Но долго оставаться в лагере было нельзя: кони могли погибнуть, и тогда весь труд пропадёт даром. Казалось, что в лагере все чем-то заняты очень важным, только Шир не находила себе дела. Милош носился верхом на черной кобыле. Он был очень худым, измождённым болезнью, но глаза его горели стальным блеском. Он что-то

постоянно кричал, жестикулировал руками. Шир наблюдала за ним и повторяла себе: «Теперь это мой муж». В лагере к Шир никто не подходил, кроме старшего брата Милоша и их старика отца. Они пытались с ней говорить, но Шир их почти не понимала. Все другие люди, Шир ещё не разобралась, кем они были, обходили её стороной, опуская голову. В лагере были только мужчины.

Весь день Шир просидела одна возле их шалаша, наблюдая за Милошем, но потом и он исчез на своей смоляной кобыле. После полудня пришёл старик, он принёс Шир свежего сыра с хутора, хлеба и овощной отвар, похожий на суп. Она ела сыр с хлебом, запивала отваром, а старик с благоговением смотрел на неё и бормотал себе под нос непонятные слова. К вечеру появился Милош и с ним какие-то люди. В лагере засуетились: заложили костры, сдвинули наскоро сбитые дощатые столы, стали готовиться к ужину. Шир сочла для себя необходимым помочь накрывать на стол. Милош уже сидел с гостями за пустым столом, они оживлённо говорили. Милош показывал альбом с записями и с зарисовками лошадей. Гости были такими же варварами, как и сам Милош, и, когда Шир подошла с подносом к столу, один из гостей что-то сказал ей и потянулся к ней двумя руками. Но не успела Шир понять, что происходит, как Милош вскочил, схватил гостя за грудки, стал трясти его, хлопать ладонями по щекам и что-то кричать. Лицо Милоша оскалилось и сделалось красным, подбежал брат Милоша, он разнял их. Ошалевший гость плюхнулся на своё место, как наполовину опорожнённый мешок, а Милош схватил Шир за локоть и отвёл в шалаш.

– Зачем подавать стала? – кричал Милош, стоя, согнувшись в шалаше и глядя на Шир сверху вниз. – Ты не прислужница, а хочешь со мной сидеть – лицо накрывай.

Шир осталась в шалаше одна, она сидела в оцепенении, пытаясь понять, что произошло. Милош впервые кричал на неё, Шир уже слышала, как он кричит на других, но надеялась, что эта участь обойдёт её стороной. В шалаш осторожно заглянул брат Милоша, он подал Шир сложенный отрез материи и показал руками, что этим она может накрыть лицо. Временами у Шир уже начинало получаться чувствовать себя частью происходящего, но иногда всё опять оборачивалось сумбурным сном, от которого ей никак не получается пробудиться.

В лагере всё ещё шумели, слышны были голоса, смех, стрельба холостыми (надеялась Шир) в воздух. Шир сидела в палатке в темноте, полностью накрытая покрывалом. Вошёл Милош:

– Ангел мой, ты ещё не уснула? – шёпотом спросил он.

– Ещё нет, – тихо ответила Шир.

– Устал я от них, будем уже спать.

Милош зажёг оплывшую свечу, что была прилеплена воском на поставленных один на другой сундуках.

– Зачем сидишь с покрывалом, не нужно этого? – сказал он и стащил с Шир густую вуаль, которая полностью закрывала её лицо. – Прости, пожалуйста, что кричал, просто разозлился, ненавижу таких, что на чужих жён смотрят. Тут в степи волчьи законы, мужчины долго без женщин, становятся дикие.

Милош присел возле Шир, положил ей голову на колени и обхватил её ноги.

– Не бойся меня, я не какой-то зверь.

– А я и не боюсь, – сказала Шир, она опять начинала чувствовать, что всё происходящее, происходит именно с ней, – просто я не поняла, что сказал тот человек.

– Не важно, не надо ему на мою жену смотреть, я не смотрю на других женщин, они могут быть замужними, это будет обижать их мужей.

Шир подумала, что Милош прав, прав, как никто другой, ведь это так просто и понятно: всего лишь не смотреть на чужих жён. Руки Шир неуверенным движением коснулись его светлых растрёпанных волос. «Какой же он хороший», – подумала Шир и прижала Милоша к себе крепче двумя руками, в ответ Милош крепче обнял её.

– Я продал некоторых молодых лошадей, – сказал Милош, – задорого. Мы задержались из-за меня, больного, теперь надо домой быстрее.

– Ты их продал тому, которого побил? – спросила Шир и усмехнулась.

Милош приподнял голову, так, чтоб видеть лицо Шир. Он смотрел ей в глаза, не моргая и с застывшей улыбкой на лице. «Не знаю, любит ли он меня, – подумала Шир, – понимает ли он вообще, что это такое любить, но чтобы там ни было, я ему очень нравлюсь».

– Нет, продал другому, тот был просто, – ответил Милош.

Появились первые признаки рассвета, у Шир так и не получилось уснуть. Под одеялом она сняла сапоги и столкнула их ногами на пол. К утру стало теплее, наверно, сторож затопил печи на втором этаже. Заскрипела лестница, кто-то поднимался по ней. «Эфраим», – подумала Шир, она решила не открывать ему, даже если тот будет ломиться силой. Раздался осторожный стук в дверь. Шир плотнее завернулась в одеяло, «Ненавижу», – подумала она. Стук не продолжался, тот, кто стучал, стал спускаться вниз по лестнице. «Оставьте меня в покое» – сказала Шир и заплакала, ей захотелось умереть. Это было самое ужасное утро, которое она могла вспомнить. Голова болела так сильно, что начинало тошнить. «Почему бы мне не умереть прямо сейчас, – думала Шир, – и если другой мир существует, то Милош ждёт меня там». Шир улыбнулась сквозь слёзы от такой глупой мысли, она не верила в жизнь после смерти, хотя и любила забавлять себя фантазиями о том, как встретится с Милошем там, на том свете, когда умрет.

Было уже совсем светло. Шир поднялась с кровати и стала ходить по комнате из стороны в сторону. Она поймала себя на мысли, что впервые ей совсем не хочется идти на работу, не хочется видеть ни Лео, ни Марселя, ни, тем более, Эфраима, который наверняка придёт извиниться. И Эфраим придёт, но не извиняться, а попросить рюмку водки. Ночью он так и не дошёл до своего дома, остался спать под забором монастыря, а утром пришел к Лео без шапки, взъерошенный.

– Что ж за день то такой? – скажет Лео, подавая ему водку.

Эфраим одним глотком выпьет водку и спросит про Шир. В ответ Лео махнёт рукой и отвернётся:

– Нет больше Шир... ушла.

А на кухне будет сидеть Марсель, уронив голову на грудь.

Раздался всё тот же осторожный стук в дверь. Шир повернула ключ в замке и отошла в сторону. Дверь медленно открылась, на пороге стоял Эдуард. Шир совсем забыла о его существовании и теперь быстро восстанавливала в голове, кто он есть такой.

– Шир? – спросил Эдуард, как будто сам удивился тому, что перед ним была Шир.

– Да, входите, – ответила Шир, расправляя платок на голове, она понимала, что выглядит ужасно.

Эдуард оглядел комнату быстрым и осторожным взглядом и тут же опустил глаза, ему было неловко видеть, в каких ужасных условиях живёт Шир.

– Я приходил каждый день утром и вечером, но вас, Леди Шир, не было дома, – сказал Эдуард, стараясь не смотреть по сторонам.

Шир хотела объяснить, что уже почти не живёт здесь, но не успела, Эдуард счёл необходимым быстро объясниться, чтобы сказанное ранее не было расценено как упрёк:

– Марта очень больна, она хочет видеть вас, она ждёт вас, Леди Шир.

«Эдуард – отец Марты, – это следующая мысль, которую надо было быстро восстановить. – Марта!» – и Шир тут же вспомнился её поломанный палец, щенка, кладовую в монастыре, подаренную Марте брошку.

От этих мыслей стало уютней. «Маленькая заброшенная девочка с недетским лицом», – вспомнилась Шир. Душа заныла, Шир показалось, что прошло бесконечно много времени с тех пор, когда они с Мартой прятались в кладовке и шёпотом рассказывали друг другу разные

истории. Шир вспомнила, что даже не попрощалась с Мартой, а ещё она вспомнила, что не думала о Марте с тех пор, как ушла из монастыря. Шир была склонна моментально всё, ну или почти всё, превращать в прошлое.

Шир какое-то время молча смотрела на Эдуарда, а потом переспросила:

– Вы сказали – Марта больна? – глаза у Шир были полны слёз, и дело было не только в Марте.

– Да, – ответил Эдуард, – она просила, чтобы я нашёл вас, она не встаёт с постели и уже почти ничего не ест.

Эдуард смотрел на Шир, пытаясь понять, о чём она думает. В её глазах стояли слёзы, но они не стекали по щекам, и по выражению лица Шир было невозможно догадаться, что происходит в её голове.

– Марта дома, – продолжал Эдуард, – она заболела, когда вы ушли из монастыря. Они сразу мне не сообщили, но потом им пришлось мне всё рассказать, и я забрал Марту домой. Врачи не знают, что с ней. Мы стараемся быть терпеливыми, но с ней трудно, она ничего не хочет, она спрашивает только про вас.

Эдуард сделал паузу и опять внимательно посмотрел на Шир, но лицо Шир оставалось всё с тем же непонятным выражением. Тогда Эдуард рассказал Шир, как дважды приходил в монастырь, чтобы узнать её адрес, потом приходил сюда по два раза на день утром и вечером, но никого не было дома, пока, наконец, сторож сказал, что «она дома, но наверняка спит и не слышит стука».

– ...Тогда я решил подождать, побродить по улицам, пока вы проснётесь. Я очень рад, что вас застал. Марта будет счастлива увидеть вас. Думаю, она выздоровеет, если вы будете с ней рядом.

Эдуард понимал, что надо бы ему остановиться, но было поздно, и остановиться он уже не мог, и тогда он сказал то, чего совсем говорить не собирался:

– ...Вы могли бы жить у нас.

Шир с удивлением посмотрела на Эдуарда, пытаясь понять, в какой момент пришла ему эта мысль. Тогда Эдуард заговорил громче и торопливее, как бы оправдывая сказанное им и заодно выигрывая для себя время, чтобы успеть привыкнуть к мысли, что Леди Шир, возможно, будет жить в его доме.

– ... У вас будет отдельная комната, я буду хорошо вам платить, вы будете присматривать за Мартой, моей жене с ней трудно, они не находят общий язык.

Шир молчала, она сама не понимала, что чувствует в этот момент, не понимала того, что чувствует по отношению к Марте. «... И хоть бы кто-то позаботился обо мне», – промелькнула в её голове случайная мысль. Шир опустила голову, посмотрела на свои ноги в наморщенных чулках. «А пол тёплый, – подумала она, – сторож позаботился обо мне».

– Я не знаю, – задумчиво сказала Шир, – я подумаю.

Шир хотелось дать Эдуарду время самому подумать, действительно ли он хочет, чтобы она, Шир, жила в его доме. А Эдуард уже успел вжиться в случайно выбранную им роль и превосходно её исполнял.

– Вам не обязательно давать мне окончательный ответ прямо сейчас. Подумайте над моим предложением. Я приеду завтра утром или вечером, если хотите. Если вы будете не готовы с ответом, я приеду снова на следующий день, а пока передам Марте, что нашёл вас и что вы скоро её навестите. Она будет очень счастлива это узнать.

С этими словами Эдуард вышел за дверь, аккуратно прикрыв её за собой, а Шир не сказала ему ни слова. «Ну, я же не обязана принимать решение сейчас», – сказала она себе, хотя решение было уже принято. Далее день прошёл, как во сне, бессонная ночь давала о себе знать. Ночью Шир не могла уснуть, а теперь, днём, не могла заставить себя проснуться. Навязчивое чувство, что всё это уже когда-то происходило с ней, не оставляло Шир без присмотра. «...»

Так началась история с Милошем, теперь вот Марта», – эта мысль порхала вслед за Шир, как фата за невестой. А в ресторане Марсель что-то сказал про замужество, Шир не смогла даже на минуту задержаться на его словах, ей надо было быстро попрощаться и уйти. Марсель, Лео, их рестораник с дощатой стеной, что отгораживала часть зала для экономии дров, вдруг стали прошлым. На следующее утро Шир уже сидела на сундуке с её вещами, в зеленом платье, которое так нравилось Милошу. Эдуард пришёл утром, как и обещал. Полнимаясь по лестнице, он обдумывал слова, которыми объяснит жене «несколько неопрятный вид Шир», но, увидев Шир в туго затянутом на груди платье, понял, что ему придётся накрыть Шир плащом, чтобы у жены не зародилась ревность. Шир выглядела спокойной, счастливой и уверенной в себе. Она сидела на своих вещах, потому что так было заведено в её семье, так делали её родители – «посидеть на дорожку»: надо было сесть на вещи и подумать, ничего ли не забыто.

Родители Шир переезжали часто. Поначалу маленькой Шир было тяжело расставаться с местом, на прощание она обнимала деревья, что росли под окнами дома, навязывала на них цветные ленточки, чтобы деревья её подольше помнили. Но постепенно щемящее душу чувство расставания утратилось, так же как и утратилось чувство дома. Шир всегда любила свой дом, то место где жила, но, расставаясь, уже не скучала. Возможно, и случалось тоскливое настроение, но по опыту Шир знала, что оно скоро пройдёт, и новый дом она так же полюбит, пусть даже не сразу. Шир легко оставила родительский дом и уже не обнимала деревья на прощанье. И теперь, укладывая вещи в деревянный сундук, Шир не думала и, уж конечно, не грустила о том, что оставляет свою каморку, которая согревала её, пусть даже не очень. Шир уже не думала по рестораник Лео, не вспомнила про старого сторожа, она даже не думала о том, куда она переезжает и зачем. Неожиданная и глупая, в понимании Шир, мысль посетила её и теперь зацепилась и качалась из стороны в сторону, как на качелях: «...И где же меня всё-таки похоронят?» – думала Шир. Эта мыть не вызвала у Шир ни печали, ни уныния – скорее интерес: неужели она, пройдя столь долгий путь, будет похоронена чужими людьми на чужом кладбище? И каким неуёмным был бы интерес Шир, если бы ей уже тогда, сидящей на сундуке с вещами, сказали, что она будет похоронена Эдуардом, и к тому времени он ей уже совсем не будет чужим. Но об этом ей никто не сказал, а даже если бы и сказал, Шир всё одно бы не поверила, и вовсе не потому, что быть похороненной Эдуардом уж такое небывалое дело, а потому, что Шир не верила ни в предсказания, ни в сны, ни в прочую подобную чушь. Она сидела на своём сундуке и размышляла: «А может ли быть кладбище своим?» Вспомнилось кладбище за монастырём, где хоронили монашек.

Вещи были уже уложены: те несколько платьев, что купил Милош, хоть некоторые из них уже не сходились, Шир повсюду возила их с собой. Портрет Милоша всё ещё оставался на стене, чтобы Милош мог видеть, как Шир бережно укладывает купленные им платья, и ещё, чтобы он понял, что они опять переезжают. Шир аккуратно сняла портрет со стены. Какое-то время она держала портрет перед собой, но так и не нашла, что сказать мужу – и положила портрет в сундук сверху на платья. Шир вымыла пол в каморке, вытерла пыль, застелила постель и уселась на сундук. И тут её посетила коварная мысль. Шир усмехнулась. На стуле висело её монашеское платье, Шир повесила его на гвоздь в стене, где висел портрет Милоша. У Шир получилось напоследок напугать монашек. Когда те зашли в комнату, после того как сторож вызвал их и сказал, как попросила его Шир, что он давно не видел Шир и опасается – не случилось ли чего, монашки с криками выскочили из комнаты. Висевшее на стене монашеское платье Шир они приняли за саму Шир, они решили, что Шир повесилась от безысходности.

«Настоятельница точно знает, где будет похоронена, – думала Шир, – наверно ей совсем неинтересно жить, она знает, что с ней будет завтра и послезавтра и так до конца дней, и даже знает, где её похоронят, знает, что попадёт в Рай, если она действительно в это верит». Шир вздохнула и в очередной раз подумала, что это её последнее переселение. Потом подумала про Марту, про то, как та подрастёт, выйдет замуж, родятся дети, и Шир станет для них кем-то

вроде бабушки. Но и дом Эдуарда будет её не последним домом, хотя многое, о чём подумала Шир сидя на сундуке, так и произойдет.

По пути к дому Эдуард рассказал Шир, что Марта очень плоха, и уже несколько дней им не удаётся уговорить её поесть, но Шир даже не представляла, насколько всё плохо. Когда Шир вошла в комнату, Марта лежала в постели под толстыми одеялами. Марта была настолько худой и маленькой, что казалось – под одеялами никого нет. Шир медленно подошла к кровати. Марта увидела её и шёпотом спросила:

– Это ты, Шир?

Шир не смогла произнести ни слова, лишь кивнула ей в ответ. Марта была очень бледной с чёрными ввалившимися глазами. Губы были белыми, такими белыми, что лицо казалось серым и, если бы Марта не заговорила, Шир решила бы, что она уже мертва.

Эдуард заметил, как оторопела Шир при виде Марты, и теперь виновато стоял в дверях комнаты, стараясь не смотреть на дочь, он был рад переложить ответственность на Шир. Эдуард устал от бесконечных жалоб Карин:

– Марта не ест, Марта не разговаривает, Марта не встает с постели... – он понимал, что Карин уже выбилась из сил и теперь только ждет смерти Марты, Эдуард уже не винил её за это.

Он и сам, ненароком, замечал за собой, что готовит себя к мысли о смерти дочери. Доктор приходил всё реже, ему нечего было предложить, никакие лекарства не помогали. И вот появилась Шир, Эдуард был готов поверить, что она волшебница, колдунья, ведьма или просто женщина, которая будет сидеть возле постели Марты, пока та ещё дышит.

Шир присела на край постели, не зная с чего начать. Эдуард пообещал ей неплохое жалование, большую светлую комнату и полное содержание, но от этого становилось не легче. Шир смотрела на Марту и не узнавала её: от прежней Марты ничего не осталось, это была посторонняя умирающая девочка.

– Карин сказала, что Марта ещё не пила утром молоко, – торопливо в полголоса заговорил Эдуард, оставаясь в дверях. – Может, Леди Шир, вы смогли бы её уговорить?..

Шир вполборота повернулась к Эдуарду и кивнула. Эдуард неслышно вышел, закрыв за собой дверь. Шир и Марта остались в комнате одни. Марта шепотом проговорила:

– Твоё платье.

Шир посмотрела на себя в зелёном платье, бесполезно сидящую у постели больной девочки, повела плечами и заставила себя произнести:

– Милош купил, – затем она подумала, что неплохо бы поздороваться после стольких долгих месяцев, Шир улыбнулась и сказала:

– Привет Марта.

Губы Марты искривились в улыбке:

– Привет, Шир, – сказала она.

– Мне жаль, что ты заболела, – сказала Шир, но на самом деле чувство жалости ещё не пришло, ему мешало чувство страха, которое полностью охватило Шир и вытесняло все другие чувства.

– Я умру? – тихо спросила Марта.

Шир пожала плечами:

– Не знаю. Твой отец сказал, что ты перестала есть и даже молоко не пила. Теперь я живу в вашем доме. Буду сидеть возле тебя днём и ночью. Если б ты смогла выздороветь, мы бы стали пиратами и когда-нибудь убежали бы вдвоем, мы раньше об этом мечтали. Но если ты умрёшь, всё закончится, и больше уже ничего не случится.

– Но ведь я попаду в Рай? – неуверенно спросила Марта.

– Ну, если он где-то есть, то, наверно да, – Шир не нравилось, что Марта заговорила об этом.

– Ты думаешь, что его нет? – голос Марты дрожал, она была готова заплакать.

– Не знаю, думаю, нет, – Шир совсем не хотелось об этом говорить, она опасалась, что Марта спросит про свою маму, ведь наверняка её научили, что «мама видит её с чертогов Рая».

Но Марта не спросила про маму, Марта заплакала:

– Как мне выздороветь, Шир? – спросила Марта сквозь слёзы. – Только не заставляй меня пить молоко.

– Не надо тебе молоко, ничего не надо делать, мы будем просто разговаривать. Помнишь, как мы делали раньше, в монастыре? Только теперь нам уже никто не помешает.

Марта кивнула в ответ.

– Почему ты тогда ушла? – спросила она.

– Я бы сама не ушла, – ответила Шир, просто они решили, что им не нужна помощь, и попросили меня больше не приходиться.

– Так я и знала, – Марта улыбнулась сквозь слёзы, ты бы не смогла просто так от меня уйти, я точно знаю.

– Конечно бы, не смогла, – сказала Шир, но она не была уверена в том, что говорит. Только теперь Шир понемногу начинала понимать, как сильно Марта привязана к ней, и какая на ней лежит ответственность.

Потом они обе молчали, а за окном серое зимнее утро обратилось к полудню. Низкое небо готовилось к объятиям холодного и сырого ветра. За дверью послышались шаги, в комнату вошла Карин.

– Если вам что-нибудь нужно, я могу принести или пойдёмте со мной, покажу вам, где у нас кухня и всё остальное, – сказала она, не глядя на Шир.

– Нет, спасибо, пока ничего, – сказала Шир и отвела взгляд, она понимала, насколько, должно быть, Карин чувствует себя отвратительно, прислуживая служанке.

Карин уже была в дверях, когда Шир вдруг окликнула её:

– Постойте, будьте любезны, нам нужен кипяток, очень горячий, кружки, ложки, сахар, свежие фрукты и кухонный нож, – Шир сказала это неожиданно для себя самой, – но я могу сама всё принести...

Вдруг Марта резко высунула руку из-под одеяла и вцепилась Шир в подол платья.

– Нет, Шир, не уходи, пусть она принесёт.

Шир представила, какую бурю негодования сдержала Карин в этот момент, чтобы просто смолчать. Но Шир ошибалась, Карин лишь терпеливо ждала, – чем закончится вся эта история с Мартой. Карин остановилась в дверях и, оставаясь спиной к Марте и Шир, с безразличием произнесла:

– Оставайтесь с Мартой, Шир, я всё принесу.

Марта и Шир опять остались одни, Марта уже не плакала.

– Зачем нам горячая вода и фрукты? – спросила она.

Шир подумала, а потом сказала:

– Я приготовлю нам напиток пиратов.

– Я думала, они всегда пьют вино.

– Вино тоже пьют, но горячую воду с фруктами они пьют зимой, когда хотят согреться и поесть, – Шир опять задумалась. – Пираты не живут в домах, где есть кухня и печка, – сказал она, – у них нет особенно много времени морочиться с едой.

– А ты это точно знаешь? – неуверенно спросила Марта.

Шир усмехнулась:

– Да, точно, когда-то мне и самой довелось жить пиратской жизнью.

– А ты мне про это расскажешь? – Марта не отрываясь следила за Шир. – Мне хочется всё про тебя знать.

– Я тебе всё расскажу, ещё будет на это время.

Они обе, Марта и Шир, говорили очень тихо, как будто в комнате был ещё кто-то, и этот кто-то спал, и не следовало его будить.

Карин принесла всё, о чём просила Шир. Оставляя поднос на столе, она вдруг нетерпеливо сказала:

– А какие, вы думали, у нас зимой будут фрукты?

Шир посмотрела на поднос: кроме графина с водой и склянки с сахаром, на подносе лежали несколько маленьких сморщенных яблок.

– Спасибо, Карин, это отличные яблоки, нам, пиратам, любые подойдут, – с улыбкой сказала Шир.

Карин возненавидела Шир, возненавидела за её невозмутимый вид, за её гордый стан и за её высокую грудь. Ненависть уже давно змеиным клубком гнездилась в Карин, но признаться себе в том, что она ненавидит умирающую Марту, не могла даже Карин. И вот теперь, когда в доме появилась эта вежливая и статная Шир, Карин выместила на неё всю ту ненависть, что так терпеливо дремала в ней. Но Карин была вовсе не против пригласить в дом Шир. Будет лучше, если Марта умрёт рядом с другой женщиной, а то, что Марта умрёт, для Карин было делом времени.

Шир медленно ножом срезала с яблок кожуру и тут же поедала её. Казалось, она упиивается этим своим занятием. Марта неотрывно следила за каждым её движением. Марта молчала, она ещё не понимала, что будет происходить с яблоками и кипятком, но когда Шир стала раскладывать нарезанные яблоки в две кружки, Марта вскрикнула достаточно громко для её болезненного состояния:

– ... Ага, теперь кипяток!

– Правильно, и сахар, – Шир повернулась к Марте и многозначительно посмотрела на неё, – надо ждать пока настоится.

– И долго ждать? Шир, мне очень хочется пить, – теперь голос у Марты звучал значительно громче.

– Остынет, и можно пить, нам спешить некуда.

Ближе к вечеру за окном потемнело, и Марта уснула. В комнате повисал мрак, за дверью было тихо, казалось, жители дома прекратили существовать, прекратил существовать и сам дом, а комната витала во времени между тем, что было, и тем, чему ещё предстоит произойти. Шир оставила спящую Марту и осторожно вышла за дверь. Во всём доме было так же сумрачно и тихо. Шир прошла по коридору, спустилась на нижний этаж. Откуда-то издалека она слышала приглушённые голоса. Голоса шли с кухни, с самого нижнего, полуподвального этажа. Шир спустилась ещё на один этаж, внизу мерцал свет от свечи, там была кухня, достаточно большая и просторная, за столом сидела женщина в фартуке и разбирала посохший чеснок, рядом сидел мужчина, они негромко переговаривались. Заметив Шир, женщина тут же отложила своё занятие, встала из-за стола и поклонилась:

– Добрый вечер, вы, должно быть, Леди Шир?

Шир почувствовала себя несколько неловко:

– Да, я Шир, – сказала она.

Женщина снова поклонилась:

– Я Дина, а это мой муж Эд, – и женщина указала на мужчину за столом.

Мужчина встал из-за стола и тоже поклонился.

– На самом деле меня зовут – Эдуард, но так зовут и хозяина, поэтому от моего имени оставили только две буквы, просто Эд, – сказал Эд и простодушно засмеялся.

Дина шутливо стукнула мужа по плечу:

– Да тише ты, ишь, развеселился.

– Где-то здесь должна быть моя комната, вы не могли бы показать? – попросила Шир, ей хотелось поскорей уйти, чтобы супруги могли продолжить свои дела, а не стоять, как вкопанные, при виде её величества.

– Ну что вы, Леди Шир, ваша комната наверху, – сказала Дина и расплылась в улыбке, – хозяин рассказал нам какая вы образованная и как хорошо умеете ухаживать за больными. Теперь дочка хозяина быстро поправится, а то мачеха, сами знаете, рука у мачехи не добрая.

Дина поднялась с Шир наверх, Эд остался внизу. Комната, что приготовили для Шир, была рядом с комнатой Марты.

– Это ваша комната, – шёпотом, но торжественно сказала Дина, – раньше она принадлежала покойной жене хозяина, сама-то я её не видела, но те, кто видели, говорят, добрая была женщина и очень красивая, просто ангел, жаль её бедняжку, совсем молоденькой померла.

Шир огляделась по сторонам. Комната была, как и обещал Эдуард, большая, просторная, с большим окном и должно быть очень светлая поутру.

– Шкафами пользуйтесь наздоровье, – опять зашептала Дина, – вещи покойной хозяйки я в сундуки уложила, муж помог мне их на чердак поднять, а ваши вещи, Леди Шир, вот тут в сундуке. Пальто я ваше в шкаф повесила, но его просушить надо бы, а остальное завтра, если позволите, разберу, когда посветлеет, а то в темноте ещё испорчу что. Жена хозяина не позволяет свечи жечь, а тут её комната рядом, увидит ещё, разозлится.

Шир лишь молча кивала Дине в ответ, чтобы дружелюбная Дина поскорее замолчала и ушла. Дина ушла. Шир дождалась, пока стихнут её шаги, и тоже вышла из своей новой комнаты. За дверью стоял Эдуард, Шир не ожидала кого-либо увидеть, и поэтому громко вздохнула от неожиданности.

– Ох, простите, Леди Шир, я вас напугал, – сказал Эдуард и в темноте коснулся её плеча.

– Ну, хоть кто-то, – усмехнулась Шир, – я-то думала – в доме будет полно людей.

– Карин с сыновьями уехали на праздник, к соседям, там будет театр, вернутся не скоро, – Эдуард тоже говорил шёпотом.

Потом они вместе спустились в гостиную, Эдуард предложил Шир поужинать вместе с ним.

– Я только взгляну на Марту.

На лестнице он взял её за руку.

– Здесь так темно, вы можете споткнуться.

Когда Дина подавала ужин, в гостиной было тихо, только звенели тарелки. Дина старалась не встречаться взглядом ни с Шир, ни с хозяином. Эдуард и Шир сидели друг напротив друга, глядя друг другу в глаза, и вели немой диалог.

«И кто же ты такая, чёрт возьми, Леди Шир? – спрашивал Эдуард.

«С Мартой всё будет хорошо, я буду стараться», – отвечала Шир.

«Когда-нибудь я таки узнаю твою тайну, – мысленно говорил Эдуард.

«Марта выздоровеет, обязательно выздоровеет», – мысленно обещала ему Шир.

– Марта уснула, – сказала Шир, чтобы прекратить молчание, но Эдуард, казалось, её не слышал, он продолжал молчать... Потом переспросил:

– Вы сказали – Марта спит? – взгляд его сделался сосредоточенным, сосредоточенным на лице Шир.

– Да, я так сказала.

Они говорили в полголоса. На столе горела свеча, высвечивая бликами их лица. Гостиная тонула в темноте, и не видно было её границ.

– Спасибо, Леди Шир, что согласились переехать к нам.

– Мы делали с Мартой компот из кипятка, сахара и свежих яблок. Марта выпила две кружки, потом она уговорила меня отдать ей яблоки из компота. Я объяснила, что яблоки есть

не обязательно, что весь их вкус ушёл в воду, но Марта сказала, что вода была просто сладкой и поэтому съела все яблоки.

Эдуард прищурил глаза и усмехнулся:

– И как это у вас получается, Шир? – с улыбкой спросил он.

«Неужели она сумасшедшая? – думал Эдуард, он вспомнил, что говорила ему настоятельница о Шир, – неужели это может быть правдой?»

– Вы работали в ресторане, когда ушли из монастыря, не так ли? – спросил Эдуард.

– Да, – ответила Шир, – очень милое место, и люди очень хорошие.

– Кем был хозяин? Вдовец, не так ли? – Эдуарду не хотелось, чтобы его вопросы звучали, как допрос на суде, и он очень надеялся, что Шир это так не воспримет.

– Да, – ровным тоном ответила Шир, – жена его умерла не так давно, он очень страдал, много рассказывал о ней. Он очень хороший человек, называл меня дочкой.

– У него есть ещё взрослый сын? – спросил Эдуард и хотел добавить «не так ли», но тут же осёкся: это было бы уже слишком. Эдуарду хотелось найти подтверждение словам настоятельницы о распущенности Шир, найти доказательства или полностью их опровергнуть.

– Да, – ответила Шир всё тем же ровным тоном, – очень хороший парень, хоть отец и сетовал на то, что он не женат, а годы идут, но я его понимаю: это непростой выбор, не всегда в нужное время, в нужном возрасте встречается тот самый человек, с которым пойдёшь по жизни, иногда приходится ждать долгие годы.

По лицу Эдуарда скользнула усталая улыбка, он вспомнил, как женился на Карин через год после смерти жены, которую очень любил.

– Могу я вас спросить, Леди Шир, почему вы оставили работу при монастыре? – осторожно спросил Эдуард, понимая, что этот вопрос Шир уже воспримет, как не что иное, как допрос. «Ведь, наверняка, она догадывается, – думал Эдуард, – что причину мне уже рассказали».

Шир едва заметно улыбнулась, она знала, что Эдуард её спросит об этом.

– Вышло недоразумение, – спокойно сказала Шир, – я имела неосторожность подружиться с одним человеком, он выпекал хлеб для монастыря. Возможно, по неусмотрению я позволила ему думать нечто большее о нашей дружбе. Его жена стала подозревать и обвинила мужа в измене, об этом узнала и настоятельница. В общем, меня попросили уйти из монастыря, и этот человек помог найти мне другую работу.

Эдуард прищурил глаза и немного подался вперёд:

– А этот человек не пытался объяснить своей жене, что её подозрения безосновательны? – спросил Эдуард.

Шир добродушно улыбнулась и пожала плечами:

– Не знаю, мне об этом неизвестно, – сказала она.

Эдуард поджал губы и кивнул с фальшивой значимостью:

– ... И он тоже хороший человек? – спросил он с иронией в голосе.

Но Шир, казалось, иронии в вопросе совсем не расслышала, она просто душно кивнула и сказала:

– Да, он хороший человек, не сделал ничего плохого, возможно, испытывал ко мне симпатии немного больше того, чем дозволенно испытывать к друзьям.

Эдуард потёр пальцами лоб, затем упёр подбородок в сжатый кулак. Шир совершенно не выглядела сумасшедшей, напротив, всё, что она говорила, было преисполнено здравым смыслом. В её манерах, в её одежде не было совершенно никакой распущенности: убранные платком волосы, плотно сомкнутое на шее платье. Эдуард представил рядом с Шир свою жену с пышной причёской и глубоким декольте красного платья. «Она притворяется? – спросил себя Эдуард. – Играет, и так умело. Тогда уж тем более не сумасшедшая, а очень умная и хитрая. Возможно, настоятельнице претило, что Шир «вступила в неосвященную Богом связь с муж-

чиной», за это она и назвала Шир сумасшедшей», – думал Эдуард. Теперь оставалось выяснить: действительно ли Шир была любовницей, и где она провела полтора года после своего пребывания в больнице, перед тем как пришла в монастырь.

Ужин затянулся, свеча догорала. Эдуард спрашивал Шир про её покойного мужа, про её дом, который достался не известно кому, но Шир уходила от ответа. Она поблагодарила Эдуарда за светлую комнату, за доверие и вернулась к Марте.

Ужин при свечах не располагал к откровению. Эдуард рассчитывал, что будет по-другому. Когда Эдуард приходил навестить Марту в монастырскую школу, и они сидели с Шир на скамейке во дворе монастыря (теперь казалось, прошло очень много времени с тех пор) Шир вела себя совсем иначе: она говорила непринужденно и открыто, рассказывала про себя, про мужа. Тогда Эдуард не придавал особого значения всему, что говорила Шир, она была просто ему симпатична, зато теперь Шир вызывала в нём интерес, он постоянно думал о ней, Шир не давала покоя его некогда спокойным мыслям. Но чем больше Эдуард задавал Шир вопросов, тем больше запутывался в ней. Он решил больше ни о чём её не спрашивать, но быть внимательным, присматриваться к ней, подружиться с ней, и, возможно, тогда Шир сама всё расскажет. Шир очень его заинтересовала. «Как адвокат я не могу оставить эту загадку неразгаданной», – говорил себе Эдуард, объясняя свою заинтересованность в Шир. Шир тоже не могла не думать о нём, Эдуард был для Шир новым человеком, очень интересным и, волей или неволей, ему предстояло стать частью её жизни. Шир ляжет в постель и ещё раз будет обдумывать вопросы, которые ей задал Эдуард, и те, на которые она ответила, и те, на которые ответа она не дала. В своём беспорядочном хаосе мыслей, который возбудил в ней новый образ – Эдуард, Шир попытается устроить свой порядок: будет что-то, о чём Шир решит рассказать Эдуарду и расскажет; будет такое, о чём она решит не рассказывать, но расскажет всё равно; будет нечто, о чем она никогда и никому не расскажет; а ещё будет и то, о чём она даже не станет вспоминать: её последняя ночь в доме Ральфа и Лены.

Поздним вечером Шир всё ещё не спала. После смерти Милоша вечера стали одинокими, но Шир легко примирилась с одиночеством. Милош жил в её мыслях, и случались вечера, когда Шир напрочь забывала о его смерти, она рассказывала ему, как прошёл её день, и частенько говорила с ним о тех вещах, о которых не могла говорить ему живому: он бы просто её не понял. День был, как и другие дни, долгим и изнурительным. Шир помогала Лене управляться по дому и с детьми. Шир старалась каждую минуту находить себе занятие, чтобы не думать, чтобы копить мысли и эмоции на вечер, а уж вечером, когда все улягутся, обо всём рассказать Милошу. Шир тихонько говорила с ним, когда Лена постучала в её дверь.

– Можно войти, – сказала Шир в надежде на то, что вошедший – войдёт ненадолго.

Но Лена входит не стала, она была босиком и почти голой, на ней было только ночное платье белого шёлка, отороченное кружевами. Она таинственно улыбнулась и поманила Шир рукой пойти вслед за ней. В своём уже давно не юношеском возрасте Лена выглядела всё ещё шикарно и величественно, её пышное белое тело, как всплески волн, колыхалось при каждом движении, густые каштановые волосы, щедро подёрнутые сединой, тяжёлыми прядями лежали по плечам и, влекомая всей этой красотой Шир, как заколдованная, пошла вслед за Леной. Лена привела Шир в их с мужем спальню. На кровати полулёжа, облокотившись на подушки, сидел Ральф, он тоже был голым, лишь небрежно прикрыт ярким парчовым халатом. Шир сразу поняла «тайный замысел семейства» и решила просто выйти из комнаты, не сказав ни слова, но Лена её задержала. Она взяла Шир за руку и заговорила на их родном языке, чтобы Ральф не мог их понимать:

– Не убегай, ты всегда говорила, что он тебе нравится, я совсем не против, оставлю вас двоих, а сама уйду, он очень добрый, ты знаешь.

Шир продолжала смотреть на Лену с недоверием и с единственным желанием поскорей уйти.

– Пойми, у них так принято, – говорила Лена, – он всегда будет заботиться о тебе.

Шир выдернула свою руку из рук Лены и выбежала из комнаты. Ральф догнал её в коридоре, одной рукой он придерживал наспех накинутый халат, а другой удерживал Шир за плечо.

– Шир, всё будет хорошо, я возьму тебя моей женой, Лена тоже на это согласилась, – он был возбуждён, глаза его горели, – я знаю, что ты меня любишь и хочю, чтобы и ты знала – я тебя сразу полюбил, как только увидел, и радовался за брата, что он нашёл хорошую жену, но Милош умер.

Шир попыталась вырваться, но Ральф двумя руками обхватил её за плечи и прижал к себе, даже через одежду Шир почувствовала его упругую плоть. Чем-то неуловимым Ральф напоминал Милоша, хоть они совершенно не были похожими: Ральф был крупнее, склонным к полноте, черноволосым, с тёмно-кариими глазами, смуглым, но теперь у него горела та же страсть в глазах, тот же огонь, то же нетерпения, чего раньше Шир в нём совсем не замечала. Ральф всегда казался ей спокойным, благоразумным и совершенно лишённым безрассудства. Шир захотелось ответить Ральфу, обнять его, но тогда бы она обнимала не Ральфа, а тот отдалённый свет в нём, который напоминал ей Милоша. Но Шир не хотелось отдалённый свет Милоша, когда у неё был Милош, каждый вечер, каждую ночь он был с ней целиком и полностью в её неутомимом воображении.

– Я люблю Милоша, – тихо сказала Шир и аккуратно отстранила Ральфа.

Ральф ослабил объятия, но продолжал держать её за плечи, не заботясь, что полы халата распахнулись, и Шир может видеть его голым.

– Милош умер два года назад, – говорил Ральф тихо, – мы похоронили его, Шир, ты помнишь это? – Ральф с недоверием смотрел на Шир, он не был уверен, что она до конца это осознаёт. – Его больше нет, он никогда к тебе не вернётся, – с каждым словом он говорил всё тише, ожидая, что Шир вот-вот расплачется.

Но Шир не заплакала:

– Он вернётся, – сказала она.

Всю ночь Шир не спала, она собирала вещи, а утром пока все спали, ушла из дому. Она не знала, куда ей идти, и ноги привели её в монастырь.

Марта по-прежнему спала. Комнатой полностью овладела ночь. Шир прошла по комнате, дотронулась лба Марты: у неё не было ни жара, ни даже просто высокой температуры. «...И снега за окном нет», – подумала Шир. Она опять прошла по комнате, за окном суетился зимний ветер. Резким движением, в порыве какого-то затаённого отчаяния, Шир распахнула окно, и холодный ветер со свистом хлынул в комнату. Шир стояла у раскрытого окна и с удивлением смотрела на покачивающиеся оконные рамы, как будто вовсе не она распахнула окно. Всю ночь ветер трепал драповые шторы, пока основательно вымочил их мокрым снегом и не разметал по краям окна, а утром Марта сидела на кровати, завернувшись в одеяло, рядом спала Шир в своём тесном зелёном платье. Широко раскрытыми глазами, Марта с восторгом наблюдала, как снег залетает в открытое окно, тает, едва ли коснувшись пола, и лужа на ковре становится всё больше. Кто-то заглянул в комнату, приоткрыв дверь, и ветер сквозняком засвистел с такой силой, что смёл со стола какие-то открытки, и те метнулись в сторону открытой двери. В комнату вошла Дина.

– Ой, Батюшки, – только и смогла проговорить она.

Огонь в камине давно потух. В комнате было холодно и сыро. Проснулась Шир, она потянулась, зевнула, казалось, холод ей совсем не мешал. В комнате блуждал какой-то очень знакомый запах. Шир не могла вспомнить, откуда ей знаком этот запах. Запах говорил Шир о нескончаемом хаосе, о заброшенности и бесконечности.

– Шир, посмотри, что у нас случилось! – сказала Марта, не скрывая восторга.

Шир с безразличием посмотрела в сторону открытого окна.

– Наверно, ночью открылось, случайно, – сказала она и плотнее завернулась в одеяло.

Дина подбежала к распахнутому окну, чвакая башмаками по мокрому ковру. Совладав с ветром, Дина плотно захлопнула оконные рамы.

– Батюшки мои, ковёр-то совсем промок, – запричитала Дина.

«Ковёр! – вспомнила Шир. – Это запах отсыревшей шерсти». Так пахло войлочное покрытие шалаша, когда начинались дожди. Хоть войлок и пропитывали конским жиром, но под сильным дождём он сырел. Ночами в сыром шалаше согреться можно было только вдвоём, надо было крепко прижаться друг к другу. При хорошей погоде путешествия доставляли Шир много удовольствия, влекли за собой потоки впечатлений. Но когда начинались дожди, менялось настроение всего каравана: лошади замедляли свой ход, телеги вязли в грязи, грязь захлёстывала на оси, что удерживали колёса, и телеги начинали скрипеть ещё сильнее, унылый скрип телеги казаться неотъемлемой частью дождя. Лошади ступали медленно, низко опустив головы, их намокшие гривы плетью свисали по шее, всадники сгибались под кожаными балдахинами. Но именно в такие дождливые дни, когда караван одиноко тянулся по лесам и лугам, когда всякий путник старался найти укрытие, – Шир сильнее ощущала саму себя. Она подставляла лицо дождю, гордо покачиваясь в седле. В дальние путешествия женщин обычно не брали, но Милош и дня не мог прожить без Шир, а тем более ночи. Шир была единственной женщиной в караване, Милош гордился ею, Шир была выносливой и не жаловалась на лишения.

– ...И как это открылось, замки-то на окнах во какие крепкие? – спросила Дина, в недоумении разглядывая оконные задвижки.

Шир беспечно пожала плечами, она ещё была под впечатлением запаха сырой шерсти, а Марта притворно виноватым голосом сказала:

– Я открывала окно, воздухом подышать, потом, наверно, неплотно закрыла.

«Вот это она, та самая Марта, – подумала Шир, – девочка из монастыря». Шир придвинулась к Марте поближе и крепко обняла её. Шир даже показалось, что лицо Марты поутру стало свежее: оно было ещё очень бледным, но уже не серым. Они смотрели друг на друга, как заговорщицы, и не могли отвести взгляда, но вмешалась Дина:

– Леди Шир, вам с Мартой лучше перейти в другую комнату, а здесь надо всё высушить. Позову Эда, пусть камином займётся. А меня Карин прислала, просила узнать, что вы на завтрак будете?

– Сварите несколько картошек, – задумчиво сказала Шир, – ну и несколько яиц и принесите сливок и соли.

Шир вылезла из-под одеяла, затем сгребла Марту вместе с одеялом на руки и стала кружить в воздухе. У Марты закружилась голова от резкой перемены положения и от восторга.

– Какая ты сильная, – сказала она Шир, почти задыхаясь.

– Я не сильная, это ты лёгкая.

Новое утро – и всё выглядело иначе, Шир сама удивилась, насколько по-другому она теперь себя ощущает. И свет в комнате изменился, это утро не было пасмурным, сквозь тучи проглянуло бледное зимнее солнце, оно не ярко и осторожно осветило комнату. Вчера Шир не заметила в суете и новизне, а сегодня вдруг обратила внимание, что у Марты в комнате полно мягких игрушек, картинки по стенам – сюжеты из сказок: царевны, колдуны, феи, русалки.

Комната Шир, когда-то принадлежавшая матери Марты, действительно, оказалась светлой и очень большой, с огромной кроватью и с зеркалом во весь рост. Шир уложила Марту в кровать, а сама подошла к зеркалу, она давно не видела себя полностью с головы до ног. Шир ослабила мудрёные узлы зелёной ткани, что была под цвет её платья и служила платком на голове, и весь её тюрбан тут же распался и повис. Ловко и быстро, не снимая платка с головы, Шир плотно скрутила волосы в клубок и вновь запеленала голову высоким тюрбаном. Шир вертелась у зеркала, рассматривая себя со всех сторон, она себе нравилась в этом зеркале, в

этой комнате, в этом бледном утреннем свете. Всё это время Марта пристально наблюдала за ней.

– Ты навсегда останешься здесь? – спросила она.

Шир слегка вздрогнула, как будто забыла про существование Марты в комнате и, глядя на Марту через зеркало, ответила:

– Наверно, может, нет, но буду долго, твой папа уверен, что ты выздоровеешь, если я буду здесь.

Марта села на кровати, подалась вперёд по направлению к Шир и сказала:

– Я буду много есть и выздоровею, обещаю тебе.

– Ты вовсе не обязана, – сказала Шир и села на кровать рядом с Мартой, – делай только то, чего тебе хочется, по возможности, конечно, и только так ты будешь счастливой.

– ...Но без еды я умру? – сегодня Марта уже говорила не шёпотом, а своим нормальным голосом.

– Тогда полюби еду, а когда полюбишь, вот тогда и ешь.

Постучали в дверь, затем дверь приоткрылась, и заглянула Дина.

– Можно? – вежливо с улыбкой спросила она.

– Конечно, Дина, входите, зачем стучать? – и Шир спросила с усмешкой, – чем, вы думали, мы тут занимаемся?

Дина не поняла вопроса, поэтому немного смутилась, а Марта усмехнулась, хотя Шир не была уверена, что она поняла шутку.

Дина принесла большую глубокую тарелку варёного картофеля, уже очищенных варёных яиц и деревянную пиалу сливок. В комнате было прохладно, и горячий картофель испускал тёплый, приятно пахнущий пар. Не успела Дина уйти, как Шир тут же принялась за еду. Вначале Марта просто наблюдала за ней, сидя на кровати, а потом и сама отщипнула кусочек картошины и засунула себе в рот.

– Я уже полюбила еду, – сказала она, не успев проглотить картошку.

– Картошку в сливки макай, – со знанием дела сказала Шир, – а яйца вкусно, когда присолить.

В одну руку Марта взяла картошину и макнула её в сливки, а в другую взяла яйцо. Сливки потекли у неё по рукам и капнули на постель. Марта виновато посмотрела на Шир, на что Шир просто расхохоталась:

– Мы Дине прибавили работы: сушить ковры и стирать постели.

Марта ела жадно и быстро, не успевала проглатывать, как уже новая порция поступала в рот. Следующим их гостем был Эдуард. Дина, уходя, не прикрыла за собой дверь, и Эдуард вошёл без стука. Увидев, как Марта ест обычную варёную картошку и облизывает пальцы, он остановился, боясь шевельнуться.

– Присаживайтесь, – сказала Шир, указывая на кровать, и немного отодвинулась в сторону.

Эдуард осторожно сел на край кровати.

– Нам пришлось перебраться в эту комнату, – объяснила Шир с сарказмом, – в комнате у Марты случилась неприятность с ковром.

Эдуард не понял, о чём говорит Шир, и не стал переспрашивать, уж слишком он был зачарован происходящим, а Марта засмеялась, и картошка стала падать у неё изо рта.

– Неприятности с ковром, – повторила она вслед за Шир сквозь смех.

– Позавтракаете с нами? – спросила Шир Эдуарда и придвинула к нему тарелку с картофелем.

Эдуард смущённо пожал плечами:

– Карин ждёт меня в гостиной к завтраку.

– Это еда для пиратов, – сказала Марта, – ведь так Шир?

Шир в ответ кивнула.

– У нас тут так много еды, – сказала Шир Эдуарду и ещё ближе придвинула к нему тарелку, – я попросила Дину сварить нам несколько картошин, а Дина ведро сварила.

– Дина ведро сварила, – повторила Марта и опять залилась смехом.

В глазах Эдуарда происходящее с его дочерью выглядело волшебством или даже колдовством, и удивительно было, что Шир ведёт себя так, словно ничего особенного не происходит. Всего лишь ещё вчера умирающая девочка, которая уже неделю не притрагивалась к еде и почти не разговаривала, сегодня хохочет и запихивает себе в рот еду, не успевая пережёвывать. Эдуард неуверенно взял картошину с тарелки, обмакнул её в сливки и, придерживая рукой, поднёс ко рту. «А ведь действительно вкусно, – подумал он, – странно, почему мы раньше никогда так не делали?» Варёные вкрутую яйца с солью тоже, как оказалось, очень вкусная еда.

Когда Эдуард спустился, в гостиной за столом сидела Карин и нервно стучала вилкой по пустой тарелке.

– А ведь я уже давно жду, – нетерпеливо сказал она, подавляя гнев.

– Завтракай без меня, я уже опаздываю, – сказал Эдуард, проходя мимо и даже не взглянув на жену.

– Останешься голодным? – спросила Карин холодно, глядя в сторону, стараясь поймать его взгляд.

Но Эдуард уже был неуловим, им владел образ колдуньи Шир в зелёном платье и в зелёном тюрбане.

– К ужину меня тоже не жди, накопилось много работы.

Тревога о Марте отступила в один миг. Эдуард не контролировал свои мысли и поэтому не испытывал вины, что перестал думать о Марте, перед его глазами витало лицо Шир в запахе топлёных сливок и варёного картофеля. Вечером Карин гневно расскажет ему про испорченный ковёр в комнате у Марты и про испорченное красное платье, а Эдуард задумчиво ответит:

– Да уж, неприятности с ковром, – хотя думать будет совсем не про ковёр.

Весь день Марта нежилась в постели на кровати, на которой возможно когда-то зачали её родители, на которой потом родилась и на которой померла в родовых муках её мать. За окном менялось время и погода: по утрам было ясно, слабым лучам зимнего солнца удавалось пробиться сквозь облака и осветить комнату; к обеду облака сгустились, не оставляя просвета для лучей, подул ветер; потом в сумерках ветер утих и, наверно, пошёл снег, но ни Марта, ни Шир снега не видели: они были поглощены общением. Весь день Шир рассказывала Марте интересные и смешные истории про посетителей ресторанчика у Лео, а вечером, когда в комнате было уже совсем темно, пришла Дина, она сказала, что ковёр просох, и Марта может вернуться к себе.

В комнате у Марты было тепло, горели свечи, пахло сухими дровами и воском, ковёр высох и теперь слегка топорщился в том месте, где была лужа. Забравшись под одеяло, Марта попросила продолжения историй про «разных людей из ресторана», но Шир уже устала рассказывать:

– У тебя тут так много игрушек, давай с ними поиграем, – предложила она.

– Они мне не нравятся, – сказала Марта.

Шир посмотрела на сидящих повсюду плюшевых зайцев и медвежат, пожалала плечами:

– Чем же это, они мягкие, милые? – спросила она, Шир хотелось побыть одной или хотя бы побыть в тишине, но теперь Марта превратилась в её работу, и надо было эту работу выполнять.

– Мне не нравятся их рты, – ответила Марта.

– Рты? – удивлённо переспросила Шир.

– ...Они не улыбаются.

Шир ещё раз оглядела игрушки. «...И действительно», – их рты были едва обозначены. Шир прищурила глаза и стала внимательно всматриваться в тряпочные лица зверей, и они посмотрели на неё в ответ немым печальным упрёком в своих сжатых, неулыбающихся ртах.

– А мы их исправим, – сказала Шир, – делать нам всё равно нечего, приделаем им улыбки. Попросим у Дины нитки и иголки, ну и красной материи немного.

Марта не стала спрашивать Шир, умеет ли она «придывать улыбки», Марта была уверена – Шир умеет делать всё. Шир тут же позабыла про своё недавнее желание побыть в тишине и летящей походкой сбегала вниз по лестнице в кухню к Дине.

– Дина, где же вы? Нам с Мартой нужна ваша помощь.

Дина снабдила Шир коробкой со всем необходимым для шитья, вот только красной материи у неё не нашлось.

– Я знаю, где можно взять! – вдруг вспыхнула Марта. – Она выскочила из-под одеяла и босыми ногами пошлёпала прочь из комнаты.

– Марта, стой, нужно обуться, – крикнула ей вслед Шир, но Марта даже не оглянулась, ей не терпелось порадовать Шир куском красной материи.

Марта не заставила Шир долго ждать, она бегом на цыпочках вернулась в комнату с трофеем. Это был рукав, наскоро отрезанный от платья красного цвета из отменного шелка. Шир онемела от ужаса, она смотрела на Марту, не зная, что сказать, а Марта стояла перед ней. В одной руке она держала ножницы, а в другой – раскачивала рукав от платья Карин, как догадалась Шир.

– Это ужас! – сказала Шир, стараясь подавить смех, но не выдержала и расхохоталась.

Марта была в восторге, именно такую реакцию Шир она и ждала.

– У неё полно красных платьев, она не заметит, – сказала Марта, эту фразу она подготовила, пока бежала с рукавом по коридору.

– Что ты наделала, Марта? – сказала Шир, прижимая пальцы рук ко рту. – Карин выгонит нас из дому, и тебя и меня.

– Ну, уже я его отрезала, давай делать им улыбки, – предложила Марта, глаза её горели, а голос дрожал от смеха.

– Ладно, надеюсь, обойдётся, а ты залезай под одеяло, будешь мне помогать.

При бледном свете свечи Шир мастерила плюшевым зверям улыбки и отдавала Марте команды: «Подай ножницы. Отрежь нитку. Завяжи узелки. Присматривай за иголками...» Марта сидела на кровати, прислонившись спиной к стене, и старательно выполняла всё, о чём просила её Шир, а когда в комнату зашёл её отец, она спросила:

– Папа, ты ничего не замечаешь у нас нового?

Эдуард огляделся по сторонам, всё было по-прежнему: Марта всё так же сидела на постели, прикрывшись одеялом, на Шир было всё то же зелёное платье, а Карин ещё не успела рассказать ему про испорченный ковёр и отрезанный рукав.

– Ты хорошо выглядишь, доченька, и скоро ты сможешь выходить на прогулки, – сказал Эдуард.

– Посмотри на мои игрушки, теперь они улыбаются, – сказала Марта и растянула себе пальцами рот, чтобы стать похожей на своих плюшевых зверей. – Это мы с Шир сделали.

Эдуард опустил взгляд на пол, где на ковре сидели плюшевые игрушки, зрелище было ужасным: все до одного плюшевые звери улыбались криво пришитыми уродливыми ртами ярко-красного цвета. Эдуард поморщился и, не зная, какое этому дать определение, отвернулся. Марта заметила недоумение, проскользнувшее в глазах Эдуарда, и расхохоталась так, как будто именно для этого и были пришиты зверям рты. Эдуард заставил себя улыбнуться: «Не всё ли равно, – подумал он, – у этих двух женщин ужасный вкус, так испортить дорогие игрушки, но, похоже, они обе счастливы». Эдуард посмотрел на Шир, та сидела в кресле с присущим ей внутренним уютом и с непонятым выражением лица наблюдала за Эдуардом.

Это было похоже на бредовый сон: невозмутимая Шир, звери с дурацкими улыбками и Марта с худым болезненным лицом заливается истерическим смехом. Эдуард пожелал обоим спокойной ночи и вышел из комнаты.

Ужинать ему не хотелось, он закрылся в своём кабинете, пытаясь понять, что происходит с его дочерью, что происходит с ним самим и почему невинная попытка Шир развеселить Марту так напугала его?

«В общем-то, Марта никогда не играла с игрушками, – подумал Эдуард, – и, скорее всего, Шир заставила их улыбаться, как могла, чтобы Марта обратила на них внимание. Карин купила игрушки, никого не спросив, она не знала, что Марта ими не заинтересуется. Карин! Не это ли причина? Шир догадалась, что игрушки покупала Карин и специально изуродовала их, ей хотелось показать, что Карин бесполезна для Марты, что Карин Марте не нужна». У Эдуарда выступил на лбу пот, он достал из кармана платок и вытер лоб. Всё новые и новые доводы толпились, как зеваки-свидетели, что пришли поглазеть. Эдуард встал из-за стола, прошёлся по кабинету, достал из серванта рюмку, откупорил бутылку конька, наполнил рюмку и выпил её залпом. «Шир сумасшедшая», – вспомнились ему слова настоятельницы. «...Но нет, она не сумасшедшая, – сказал Эдуард самому себе вполголоса, – она ведьма. Марта болела из-за неё. Шир приучила к себе Марту каким-то непонятным образом, и когда Марта лишилась объекта своей привязанности, – то просто заболела. Теперь это очевидно». Эдуард поспешно вышел из кабинета и в полной решимости направился в комнату к Шир, чтобы приказать ей не проводить уж слишком много времени с Мартой, а лишь присматривать за ней, ну и помогать по дому Дине в свободное время, а дальше видно будет.

Комната Шир была тёмной, а из-под закрытой двери комнаты Марты мерцала полоска света. Эдуард осторожно приоткрыл дверь и зашёл вовнутрь, Марта спала, а Шир всё так же сидела в кресле и читала вслух полушепотом одну из детских книжек Марты. Эдуард замер, увиденное заставило его забыть то, зачем он пришёл: ни он, ни Карин никогда не читали Марте книжек, никогда не сидели возле неё спящей, и теперь ему уже не казалась странной привязанность Марты к Шир. «А кого ей ещё любить? – подумал Эдуард. – Меня, который ненавязчиво выполнял свой отцовский долг редкими визитами в монастырь, или, может, Карин, которая отправила её в этот монастырь, а потом терпеливо ждала её смерти? Или может свою тётку Беллу, для которой все дети равны, сколько б их у неё не было? Виновата во всём Карин, она не хотела Марту в доме, из-за неё Марта заболела, вот теперь пусть терпит ещё и Шир. По-другому и быть не могло». Эдуард опять глянул на улыбающихся зверей и почувствовал себя плохим отцом и неудачливым адвокатом. «Она всего лишь хотела развеселить Марту», – подумал он и вздохнул. Шир дочитала до конца главы, положила закладку, отложила книгу в сторону и подняла взгляд на Эдуарда так, как будто только сейчас его заметила.

– Ложитесь спать, Шир, вам надо отдохнуть, – тихо сказал Эдуард.

– Я весь день отдыхала, – сказала Шир с осторожной улыбкой на губах, – Марта меня вовсе не утомляет, она очень необычная девочка, общаться с ней для меня удовольствие, и потом, она ещё слаба, хоть и выглядит веселой, эту ночь я посижу возле неё.

Шир говорила тихо, при каждом слове слышалось её дыхание, Карин так говорить не умела. Хоть Карин и была моложе, и была красивее Шир по общепринятым стандартам, но в глазах Эдуарда она во многом уступала Шир. Эдуард не мог понять и не пытался себе объяснить, почему он постоянно их сравнивает. Он никогда не видел Карин такой умиротворённой с книжкой возле детской постели, никогда не слышал дыхания в её голосе, Карин никогда не заставляла его задумываться о ней. Эдуарду захотелось оказаться на месте Марты и чтобы Шир сидела рядом и при бледном мерцании свечи просто поговорила с ним.

– У вас есть какие-нибудь книги? – спросила Шир.

– Книги? – переспросил Эдуард. – Он совершенно перестал думать и просто любовался Шир.

– Не для Марты, для меня, что-нибудь почитать...

– Есть, конечно, – сказал Эдуард и почему-то радостно улыбнулся, как будто Шир предложила ему прогуляться в парке, – но это скучные книжки по моей работе, вам будет неинтересно. Но знаете что, Леди Шир, кое-что могу вам предложить, – Эдуард понял, что говорит в волнении, он почувствовал какое-то непонятное, давно забытое возбуждение и не стал себя останавливать. – Есть подшивка судебных тяжб из моей практики, дела давно закрыты, в общем-то, обычная рутина, но попадаются вполне забавные истории.

– Ну, если я что-то пойму, – сказала Шир и снисходительно улыбнулась, снисходительная улыбка была направлена скорее на неё саму.

– Обещаю вам, Леди Шир, завтра же раздобуду для вас интересную книжку, – сказал Эдуард и, немного помолчав, добавил. – Держу пари, вы очень образованная женщина.

Сказав это, он представил, как Шир слегка смущённо улыбнется и произнесёт: «Ну что вы, я всего лишь женщина».

– Вовсе нет, – сказала Шир и сделала небрежный жест рукой, – да и женщине это не нужно, – Шир усмехнулась, но была польщена.

Эдуард вышел за дверь. Мысли его успокоились, они как небесные светила совершали свой размеренный круг, и, когда он был в своей постели, они вовсе не мешали ему уснуть, а как колыбельная погрузили его в безмятежный сон. Ни жалобы Карин, ни что иное уже не могли его отвлечь от волшебной неги, ароматом струящейся из под двери комнаты, где при свете свечи женщина читала книжку его спящей дочери.

Он не принёс ей книжку, как обещал, и она читала ночами подшивку судебных документов, которые он оставил на столе в её комнате, когда она спала. «Возможно, он это нарочно сделал, – думала Шир, перекладывая страницы в папке, – хотел показать себя хорошим адвокатом, но что я в этом понимаю?» На самом же деле Эдуард, действительно, не спешил приносить Шир других книг, но вовсе не потому, что хотел блеснуть перед ней своим адвокатским талантом. Он вдруг почувствовал свою жизнь бесполезно прожитой: он жил с женщиной, которую не любил и которая была ему совсем неинтересной; двух своих сыновей, которые родились и росли в его доме, он почти не знал, потому что не занимался ими, и жена воспитала их на свой манер чуждый его пониманию; только Марта хрупким мостиком связывала его с Лизой, смерть которой была так неуместна в те годы, когда он только начинал себя утверждать как адвокат, и домашние хлопоты ему были совершенно не к стати. Потом, спустя годы, уже будучи женатым на безвкусно яркой Карин, он начал понимать и гнать от себя эти мысли о том, как сильно он любил Лизу, какой кроткой и незаметной она была. Но если бы и понимал он тогда, в те годы, каким светлым проблеском была для него Лиза, то что бы мог поделать, она умерла не по его вине, заказал бы её портрет, написал бы о ней книгу? Поступи он так или иначе – всё бесполезно, вот на этом и замыкался круг – бесполезно прожитые годы. Будь он хорошим отцом, – Марта должна была стать смыслом его жизни, но по его вине она всё детство провела вначале у его сестры, потом в монастыре и теперь, когда она дома, он не знает, как с ней обращаться, смущается при ней. Шир оказалась единственной в доме, с кем он любил мериться взглядом, возвращаясь домой. Ему хотелось показать ей, что не такой уж он и бесполезный, и есть в его жизни дела достойные внимания. А ещё хотелось, как и любому другому человеку, найти своё отражение хоть в чьих-то глазах. Именно по этой причине люди ведут гостей в залу, где по стенам развешаны портреты родных, показывают обстановку комнат, рассказывают семейные истории и ненароком бывают столь откровенны со случайными встречными.

Ночами, когда Марта засыпала, Шир открывала папку и, уж не слишком вчитываясь, просматривала рукописные страницы с множеством исправлений, пометок и цифр.

«Некой горожанке К. было передано на хранение её сводным братом Ф. восемь золотых слитков. Слитки были помещены в опечатанный ящик. Когда Ф. взял слитки, то их оказалось

только шесть. Ф. заставил предстать К. перед судом, суд обвинил её в присвоении чужого имущества, заставил вернуть слитки и наложил штраф. Дело выиграно в пользу Ф.»

«Бедная горожанка К., – подумала Шир, – возможно, она и не знала, сколько было слитков в опечатанном ящике, ведь Ф. был её сводным братом, и она ему наверно доверяла.

В папке был бумажный конверт совершенно неинтересной писанины: документы о переходе имущества. Чаще попадались документы о вводе во владение имуществом вдовами и детьми.

Некая Д. передаёт домашний скраб из двух кроватей и дубового платяного шкафа своей младшей сестре М. Зять, некий С. муж старшей дочери Д. выступает как обвинитель М. о незаконном наследовании... Дело выиграно в пользу С.»

«...Вдова покойного опровергает завещание, составленное покойным в пользу двух их сыновей. Имущество, по утверждению вдовы, принадлежало ей по наследству от её матери, которое покойный муж забрал у неё против её воли... Дело выиграно в пользу сыновей покойного».

«Требование вдовы передать ей имущество, не упомянутое в завещании покойным мужем, унаследованное им от двоюродного брата и по пространному решению прокураторов переданного во владение второй жены, ныне второй вдовы покойного. Дело выиграно в пользу первой вдовы».

«Просьба считать недействительным завещание в пользу только одной из двух дочерей, по причине её неизлечимой болезни, составленное некой покойной Н. По утверждению зятя, мужа другой дочери, не упомянутой в завещании, тёща, ныне покойная, на момент составления завещания находилась не в здравом уме. Дело выиграно в пользу зятя покойной».

«Продажа родового дома одним из сыновей после смерти отца при отсутствии завещания и против воли второй жены и четырёх её сыновей... Дело выиграно в пользу продающего, старшего сына покойного».

И опять бумажный конверт, в нём бесконечные судебные тяжбы на протяжении более десяти лет по поводу наследства, займов, денег переданных на отпевание покойников, денег переданных на хранение. Многие имена, упомянутые в этих документах, были одними и теми же. Скорей всего, разбирательства касались одного большого семейства. По суммам, указанным в документах, можно было сказать, что семейство это очень богатое.

«Это же надо иметь столько пристрастия к сутяжничеству», – подумала Шир, она сама не ожидала, что вся эта судебная писанина так её увлечёт. По датировке документов становилось ясным, что карьера Эдуарда постоянно росла. В ранних документах говорилось о маленьких суммах и всякой домашней рухляди, но в более поздних – уже встречались большие суммы, и дела эти тянулись подолгу, некоторые на протяжении нескольких лет, и были блестяще выиграны.

В один из вечеров, когда в папке уже не осталось непрочитанных листов, Шир зашла в кабинет Эдуарда вернуть ему документы. В кабинете было темно, свет луны падал на стол тусклым бликом сквозь приоткрытые шторы.

– Шир, не пугайтесь, я всё ещё здесь, – сказал Эдуард, он сидел за столом в своём кабинете в полной темноте.

Но Шир вовсе не испугалась, скорей, немного смутилась.

– Извините, я бы не стала заходить, зная, что вы здесь, я пришла вернуть вам вашу папку.

– Посидите немного со мной, Шир, – попросил Эдуард и в своё оправдание добавил, – ночью бывает так одиноко.

Шир покорно села в кресло по другую сторону стола, продолжая держать в руках папку. Эдуард встал из-за стола и полностью открыл шторы на окнах:

– ...Хочу иметь возможность получше видеть ваше лицо.

Шир могла видеть только половину лица Эдуарда, вторая половина оставалась в тени. В доме все спали, кроме их двоих. Ночь была тихой, ни шороха, ни ветра. В свете луны все предметы обстановки теряли свои цвета и становились просто черно-белыми. Ничто не отвлекало и не притягивало к себе внимания, такая обстановка погружала в мысли и располагала к откровенному разговору.

– Вам понравилось то, что вы прочли из этой папки? – спросил Эдуард.

Шир задумалась над тем, действительно ли ей понравилось или просто, начиная читать следующее разбирательство, хотелось поскорей узнать, чем оно закончится. Шир не ответила, вместо ответа она задала вопрос:

– Вы все дела выигрываете из тех, что ведёте?

– Нет, не все, – Эдуард усмехнулся, – но очень многие. Понимаете, есть такие дела, которые заранее знаешь, что выиграть их невозможно. Я сразу говорю об этом моему клиенту и самое больше, чего можно достичь – это не слишком строгого наказания. Многие клиенты в таких случаях тут же от меня отказываются, им хочется услышать ложь, улаживающую слух, хочется верить и надеяться хотя бы до конца процесса.

– А вы, стало быть, не хотите подарить им эту надежду?

– Нет, не хочу, я же не врач. Потеря имущества, штрафы – к этому не стоит относиться сентиментально. Это как игра: ставишь на кон, объявляешь себя владельцем, нанимаешь дорогого адвоката, он ищет брешь в законе, и ждёшь, чем всё закончится.

– Все эти суды закончились? – спросила Шир и указала на папку, что держала в руках, она хотела положить её на стол, но на столе было так много разных предметов, что для папки место не нашлось, и Шир опять вернула её к себе на колени.

– Да закончились и уже давно, я дал вам почитать документы с большим сроком давности. К делам последних лет я частенько возвращаюсь, пересматриваю, они всегда у меня под рукой.

– Тогда зачем вы храните эту папку?

– Показываю её новым клиентам, – сказал Эдуард с усмешкой и зачем-то взял со стола ножик для нарезки бумаги, – даю её почитать человеку, который пришёл ко мне и меня совсем не знает и, возможно, во мне сомневается.

– ...Но прочитав всё это, незнающий вас – решит, что вы нехороший человек, – сказала Шир с улыбкой на лице, чтобы придать сказанному шутливый тон.

Эдуард понял иронию и тоже улыбнулся:

– Невозможно быть хорошим человеком и хорошим адвокатом одновременно.

Затем настала пауза. Шир, помолчав немного, поднялась с кресла, чтобы уйти:

– Пожалуй, мне пора, – сказала она, – да и Карин будет злиться, если узнает, что я вас тут отвлекаю разговорами.

Эдуард сделал жест рукой, чтобы Шир опять вернулась в кресло.

– Карин нет дома, она у соседей с сыновьями, в школе рождественские каникулы, скорей всего, они вернутся утром или даже к обеду, – он сказал это с некой пренебрежительностью, придавая некоторую незначимость тем, о ком говорил.

Шир опять уселась в кресле, ей и самой не хотелось уходить, она догадывалась, что Эдуард начнёт расспрашивать её о муже, и уже ждала этого. Эдуард не заставил её долго ждать.

– Вы как-то рассказывали мне, что ваш муж занимался лошадьми? У него был свой загон? – спросил он.

– Да, это так, но свой загон у него был не сразу. Первых лошадей покупал его отец ещё до рождения сыновей, тогда он и не думал, что это станет делом всей его жизни и для его сыновей. Но дело пошло, этим они и зарабатывали себе на хлеб и мой муж, и его брат.

Шир сказала о брате мужа в прошлом и сама удивилась этой игре слов, хоть она была уверена, что он жив и здоровствует по сей день, но с тех, пор как она оставила его дом, этот мир для неё остался в прошлом и постепенно в её сознании прекратил своё существование.

– Уверен, вы прекрасно держитесь в седле, – сказал Эдуард, и улыбка восхищения застыла на его лице, он представил Шир, сидящую на лошади.

– Ну не то чтобы очень, – ответила Шир с улыбкой, таковой была её манера: говорить тихо осторожно и при этом едва заметно улыбаться. – До знакомства с Милошем я никогда не сидела в седле, отец немного научил меня управляться повозкой, но в седле – нет, я даже боялась. С мужем мне пришлось многому учиться и не только понимать лошадей.

– Расскажите, как это было в первый раз, когда вы сели верхом? – спросил Эдуард, он был уверен, Шир не поймёт, что этот вопрос был задан лишь за тем, чтобы она начала рассказывать и сама ответила на главные вопросы: в действительности ли она была женой Милоша, или его любовницей; а если всё-таки женой, то почему после смерти мужа осталась ни с чем?

Но Шир догадалась, что вопрос о верховой езде лишь подвох, Эдуарда не интересовала верховая езда. Он выдал себя, когда дал Шир прочитать свою папку с подборкой судебной писанины. «Прежде всего, он адвокат, – думала Шир, – не отец и не муж». Эдуард почти не поддерживал разговоров о Марте и не рассказывал о своих сыновьях, первое, что он сделал, чтобы хоть как-то сблизиться с Шир, – предстал перед ней блестящим адвокатом. Шир не догадывалась, о чём на самом деле хочет узнать Эдуард. «Пусть будет о лошадях», – подумала она и начала свой рассказ:

– Это случилось не сразу, Милош долго ограждал меня от своих лошадей, не знаю точно, понимал ли он, что я пришла к нему из совершенно другой жизни, или сам ещё был не готов делиться со мной своими интересами. Но спустя время он сказал мне, что жена конюха должна уметь ездить верхом. Милош часто называл себя конюхом, и в шутку, когда мы миловались, и когда ссорились, он говорил:

– Я только конюх, ты много от меня хочешь.

Вот в один из дней он усадил меня на хромого мерина, сам взял его за поводья, и так мы медленно вышли из конюшни.

– И вам не было страшно?

– Конечно, было, – взгляд Шир был направлен на Эдуарда, но она смотрела как бы сквозь него и, если бы в комнате было светло, и Эдуард мог бы видеть её лицо, то сразу бы понял, что Шир видит перед собой те моменты её жизни, о которых рассказывает, – я, вообще, боялась лошадей, боялась к ним близко подходить, но пришлось. Как-то все уехали, вышли в дорогу, так они это называли – выйти в дорогу, это означало подходящий сезон, и надо привезти новых лошадей на продажу. Выехали все мужчины из дому, забрали конюхов и почти всю прислугу из мужчин, меня оставили присматривать за беременной кобылой, её не стали продавать, кобыле приводили на случку рысака какой-то особой породы, и теперь все ждали жеребёнка. Но жеребёнок родился мертвым, и я была виновата. Милош мне говорил, что я должна подливать растительное масло в овёс для кобылы, но я про масло совсем забыла. Кобыла очень ослабла, и родился мертвый жеребёнок.

– И вы признались мужу про масло? – спросил Эдуард, и это был не просто вопрос, Эдуард хотел найти в Шир моменты, когда она становится лгуньей. Он старался подобраться к ней поближе и рассмотреть, как у неё это происходит, как она лжёт.

– Да, рассказала, мне было так страшно, мы тогда ещё не достаточно были знакомы с Милошем, хоть и прожили вместе много месяцев. У него, знаете, характер бывает иногда очень нетерпимым, иногда он даже теряет над собой контроль. Я первая выбежала их встречать, но про кобылу никто и не вспомнил. Был страшный шум и грохот, телеги одна за другой подъезжали к дому. Они вернулись к ночи, было уже темно, во дворе заложили костры. Молодые, вновь привезённые лошади ржали и бились, у них случилась истерика. Старые лошади топтались из стороны в сторону, как будто так привыкли к дороге, что теперь не могли остановиться. Милош приказал разобрать часть ограды во дворе, чтобы запустить во двор лошадей и напоить. Они были в дороге почти два месяца, люди и кони были уставшими, грязными и

голодными, лошадей можно было кормить только на утро, а для людей было приказано прямо ночью на улице сколотить столы и скамейки и подавать всё съестное и все припасы, что были в доме. Мужчины пьянствовали до утра, они кричали, пели песни, вся деревня знала, что старый Шамалэ и его сыновья вернулись с дороги. Нам женщинам было наказано освободить телеги от узлов и пожитков, всё это занести в сарай, чтобы телеги можно было поутру вернуть арендаторам. Мешки с барахлом потом ещё долго лежали в сарае, их разбирали постепенно и находили в них подарки для нас женщин. Только к следующей ночи жизнь в доме понемногу стала возвращаться в её привычное состояние: отогнали телеги; разобрали столы; восстановили забор; вымели со двора пепел от костров, а я всё думала про мертвого жеребёнка, мне поскорей хотелось о нём рассказать, меня так мучило чувство вины, и ещё я побаивалась Милоша. Но когда мы наконец-то остались одни, и я рассказала ему про жеребёнка, он вдруг заплакал, упал на колени, стал целовать мне руки и ноги:

– Кони не важные, – говорил он, – мы важные – кони только, чтобы мы хорошо жили. Я буду кушать землю, чтобы ты была счастливая, – сказал он. У меня тогда даже голова закружилась, так сильно мне захотелось с ним близости. Я всё ему прощаю, не могу сказать, что он не повышает на меня голоса, но причина – не мещанская рутина: он просто очень боится увидеть во мне нелюбовь к нему. Ему нужно постоянное моё желание.

Шир замолчала. «Она любит его, он для неё всё ещё жив, и неважно – был он ей мужем или любовником», – подумал Эдуард и почувствовал себя жалким и совершенно неуместным в жизни Шир. Ему захотелось хоть что-то сделать для неё. Как мужчина он чувствовал себя ничтожным по сравнению с Милошем, дерзким и горячим, но как адвокат он мог ей пригодиться. Эдуард задумал, во что бы то ни стало и кому бы оно теперь не принадлежало, заполучить имущество покойного Милоша и передать Шир.

– Вы жили все в одном доме: ваш муж, его отец, и, как я понял, брат вашего мужа с семьёй? – осторожно спросил Эдуард, в надежде что Шир не догадается, зачем он её об этом спрашивает, и Шир не догадалась.

– Да, первые лет пять мы жили все вместе, – ответила она. – Дом начинал строить старик Шамалэ, когда был молодым. Вначале это был маленький одноэтажный домик с плоской крышей, скорей похожий на сарай или сторожку для конюха. Весь двор это был загон, Шамалэ был одержим лошадьми, всё что ему было надо – это хлев для лошадей и где переночевать самому. Потом он разжился, сторожку разрушать не стал, укрепил потолок, стены немного расширил и построил второй этаж. Дом постоянно достраивали, когда Ральф женился, ему построили отдельное крыло в три этажа с шестью спальнями и большой гостиной внизу. Для загона купили землю за хутором и выстроили там два небольших домика для конюхов. Женильбы Милоша не ждали, у него непростой характер, нервный, как натянутая струна, с ним на самом деле очень непросто. Никто вообще не верил, что он женится, поэтому для Милоша достроили отдельное крыло в доме, как брату, только поменьше, ещё до его женильбы. Так мы все и жили первое время.

«А что было потом?» – мысленно спросил Эдуард, но вслух произносить не стал, он допускал, что Шир, возможно, что-то скрывает и никогда об этом вот так просто не расскажет, а если ей нечего скрывать, то поздно или рано он узнает её историю. Времени у них много, Карин часто в последнее время не ночует дома.

Шир догадалась, что Эдуард ждёт от неё нечто определённое, и решила, что Эдуарду интересно знать была ли она верна своему мужу. «... Ведь только настоящая могла помочь ему меня найти, и, уж наверняка, она рассказала про Эфраима». Теперь для Шир имя Эфраим означало имя какого-то несуществующего человека.

– Лошади, знаете, это сезонное занятие, пожалуй, как и фермерство...

С этих слов Шир начала свой рассказ. Эдуард потёр рукой лоб, затем глаза, как бы отгоня сон, плотнее завернулся в свой халат, надетый поверх домашнего сюртука, и глубже погрузился в кресло.

– В тёплый сезон работы бывало очень много, начиная с ранней весны и до глубокой осени. Обычно, мужчины выходили в дорогу весной, чтобы закупить молодых лошадей на продажу, к зиме лошадей объезжали и распродавали. В особо удачливые годы лошади продавались ещё до наступления холодов, и тогда выходили в дорогу снова по осени купить ещё лошадей и разных припасов к зиме.

Перевозить лошадей лучше всего весной или осенью, когда реки и ручьи полны водой и лошадям всегда найдётся питьё. Лошади без воды не могут, голод они переносят легче, чем жажду. Летом основная работа это в загоне. Милош уходил из дому рано утром и возвращался поздно вечером, но в загоне он проводил не так много времени, как его отец и брат. Милошу приходилось часто ездить в город, искать заказчиков или помощников. Работников находить было нетрудно, но Милош искал надёжных людей, согласных работать за невысокую плату, у него был к этому талант. С заказчиками было сложнее, они чванливы и привередливы, измеряют и взвешивают лошадей, проверяют достоверность масти, а если какая лошадь им приглянется, то начинают искать в ней болезни, чтобы сбить цену. Были и такие, что покупали сразу по нескольку лошадей, но Милош их недолюбливал, опасался, что они покупают лошадей на перепродажу. Такие сделки Милош не спешил совершать, всегда проверял, для какой цели покупаются лошади, и если узнавал, что на продажу, то подкупал слугу заказчика, чтобы тот узнал, кому хозяин собирается продать лошадей, и сам ему продавал. Милош одержим заработком, деньги много для него значат, но он никогда не был жадным и с лёгкостью их тратил. Я всегда получала от него дорогие подарки, достаточно дорогие для женщины нашего круга. Возможно, Милош старался так извиниться за моё одиночество, с весны по осень я постоянно оставалась дома без него, нам редко выпадало побыть вдвоём при свете дня. Пока мы жили все вместе, я помогала жене его брата управляться с детьми, время проходило быстро. Когда мы стали жить одни, и в доме появилась прислуга, обязанностей у меня не было никаких. Милош очень переживал, что от скуки я стану изменять ему или просто начну с кем-то водить дружбу. Как-то я купила себе браслет на привозном базаре, раньше я очень любила бродить в окрестностях хутора, особенно поутру, когда воздух ещё чистый и прозрачный. Это был самый обычный браслет, совсем дешёвый из стеклянных камней. Я купила его в лавке тканей, хозяин лавки продавал браслеты только для приманки покупателей, он мне сказал, что даже если и покупатель браслета не купит у него ткани, то, в любом случае, его лавка не будет безлюдной, и вокруг постоянно будут вертеться люди. Он отдал мне этот браслет почти даром. Милош пришёл в бешенство, когда увидел этот браслет. Ревность его так ослепила, что он увидел в стеклянной безделушке – алмазное украшение. Тогда Милош меня ударил.

Эдуард на миг задержал дыхание, а затем звучно выдохнул, его поразило, с какой лёгкостью Шир об этом говорит. Спать ему уже не хотелось, он явно видел перед собой искажённое ревностью лицо мускулистого конюха.

– ...Тогда я не почувствовала боли, – продолжала Шир, – потеряла сознание, то ли от падения, то ли от страха, а когда очнулась, – Милош стоял надо мной и спрашивал имя того, кто дал мне этот браслет, ну я и сказала. Милош тут же ночью поехал искать хозяина лавки тканей, вернулся только утром пьяный с отрезами дорогой материи. Наверняка, он накиннулся на несчастного хозяина лавки, а когда всё прояснилось, купил у него разной материи без разбора, чтобы загладить свою вину, да ещё и напился с ним. Мне трудно описать то состояние, в котором Милош пришёл утром, ему было стыдно, он был подавлен и в то же время одуревший от счастья, что его подозрения не подтвердились и он получил доказательства моей верности ему. С порога, как он вошёл, тут же развязал пояс, снял рубаху, протянул мне пояс, согнулся передо мной на коленях и приказал, чтобы я его била. Бить я его не стала, мы долго любились,

он извинялся, плакал и постоянно трогал мои щёки, хотел убедиться, что я тоже плачу. Потом он опять стал озлобленным и опять на меня кричал, запретил мне выходить одной из дому. Я объяснила, что выхожу нечасто и всегда накрываю покрывалом лицо. Тогда он немного успокоился, но потом начал злиться вновь, но уже не на меня, на всех других людей за то, что они злые и завистливые, упомянул и своего брата, сказал, что тот тоже смотрит на меня с мужским желанием и ждёт его смерти, чтобы забрать меня.

Шир замолчала, казалось, она даже перестала дышать. Эдуард вдруг осознал, что завидует ей, завидует мертвому конюху Милошу, потому что тот хоть жил, пусть и не долго, а он, господин адвокат, прожив большую половину своей жизни, на самом деле не жил, а только готовился жить, да так усердно, что привык готовиться, а про саму жизнь и забыл.

Эдуарду хотелось, чтобы Шир продолжала говорить, что угодно, только бы не молчала, хотелось её рассказов, её откровения, хотелось её всю, но Шир затаила дыхание, она сидела неподвижно и, не моргая, смотрела в окно. Ночь была убита, Эдуард уже не надеялся на сон.

– Как звали коня, на которого вы впервые сели верхом? – спросил Эдуард и тут же понял нелепую двусмысленность своего вопроса. Но Шир, казалось, ничего не заметила.

– Заркор, – ответила она отчуждённо, потом повела взглядом, как бы высвобождаясь от своего оцепенения. – Заркор, – повторила она снова, – коня звали Заркор, он немного хромал, ему кузнец поранил копыто, когда подковывал, поэтому коня к зиме не продали. Оставили в загоне, но он не перестал хромать, так и остался у нас, это был мерин, характер у него был покладистый, спокойный. К зиме всех коней распродавали, не приносило прибыли их держать зимой, надо было запастись кормом и держать работников. Все наши работники были сезонные, с наступлением зимы всех приходилось увольнять. Работы зимой никакой не было. Мы с Милошем проводили вместе все зимние дни и ночи. Поначалу днями не выходили из спальни, но потом начинали ссориться. Мы ссорились каждый день по любому поводу. Милош становился придирчивым, ему не нравилось, когда я читаю, когда молчу, когда затеваю разговор с кем бы то ни было. Ему сразу начинало казаться, что за лето я от него отвыкла и перестала его любить. Летом мы никогда не ссорились, он возвращался к ночи обессиленный, а если когда и выпадало провести день вместе и мы ходили в лес, то Милош засыпал в лесу от усталости, а я сидела рядом и наслаждалась тишиной. Зимой мы не особенно куда выходили, я почти не выходила со двора. У жены брата, были подружки, они навещали друг друга, а я старалась не выходить из дому, чтобы не злить Милоша, но и это не помогало. Иногда мне казалось, что он специально ищет повода для нападок, чтобы потом извиняться, у него это очень хорошо получается. Вот не могу понять – он хитрый и делает это специально, чтобы вызвать во мне желание, или так уж он устроен? Но у него получалось.

Шир о чём-то вспомнила, о чём не стала говорить вслух, а лишь загадочно улыбнулась самой себе. Потом она о чём-то задумалась и опять долго сидела молча.

Они просидели до утра. С первыми проявлениями рассвета Шир ушла к себе в спальню, провалилась в перины и одеялах и крепко уснула, зная, что Марта не станет её будить, а лишь будет тихо сидеть рядом и ждать, пока она проснётся. Эдуард уснуть и не пытался, он даже не зашёл в спальню, так и остался сидеть в кресле. Он думал, думал о Шир, в тот момент ему казалось самым главным не отпускать её, любым предлогом удержать в доме, и предлогом могла быть только Марта. На мгновение промелькнула мысль, что он эгоистично использует свою маленькую дочь в своих интересах, но эту мысль Эдуард быстро отогнал, вспомнив, как Марта болела, когда лишилась радости общения с Шир. Тогда на смену пришла другая мысль такая же мимолётная: «А что будет с ним, когда он сам привяжется к Шир, а она найдёт повод, или причина возникнет сама собой, и Шир уйдёт?» Но мужской эгоизм подавил эту мысль, Эдуард решил ни за что не отпускать Шир от себя и в то же время уж слишком к ней не привязываться, тогда он и не думал, что это уже произошло.

Эдуард открыл папку судебных рукописей, которую вернула Шир, и стал просматривать страницы, пытаясь представить, каким видела его Шир, когда читала. В контору Эдуард решил не идти, вызвал к себе посыльного, сказался больным и попросил передать это напарнику в конторе. Когда утро уже встречало полдень, у парадного входа послышался шум – вернулась Карин с детьми. Эдуард совсем забыл о них, он медленно вышел из кабинета и в коридоре встретил Карин, уставшую и с опавшей прической.

– Сегодня я решил остаться дома, – сказал Эдуард.

Карин замешкалась, но у неё быстро получилось подавить разочарование и желание выпастся.

– Вот и хорошо, – сказала она, фальшиво улыбаясь, – проведём этот день вместе.

– У меня много работы, – сказал Эдуард, проходя мимо жены и даже не взглянув на неё, но Карин это не слишком расстроило.

Глава 6

Зимнее утро светило в окно новизной и белизной. Шир спала, а Марта уже ждала её пробуждения, она спокойно сидела на стуле возле кровати и терпеливо ждала, когда Шир откроет глаза. Марте не было ни скучно, ни грустно, и даже не было нудно, она просто сидела, сложив руки на коленях, и смотрела на Шир. От болезни Марты уже и следа не осталось, но она по-прежнему оставалась худенькой и выглядела младше своих лет. Марта стала весёлой и жизнерадостной, какой ещё никогда не была в своей жизни. У неё появилось множество всяких занятий развлечений и, конечно же, все эти занятия и развлечения происходили вокруг Шир, к огромному разочарованию Карин и на радость Эдуарду. Если погода позволяла, Марта и Шир совершали длительные прогулки. Обычно, это был поход на базарную площадь, там они покупали бублики, пирожки, там же их и ели, покупали разные безделушки: глиняные статуэтки; вышитые бисером подушечки; цветные ленточки и всякую другую мелочь, что стоила не дорого, но доставляла маленькую радость.

– Она водит твоего ребёнка на базарную площадь, где полно разного сброда и впустую тратит твои деньги, – шипела Карин теми редкими вечерами, когда оставалась дома.

Если Карин говорила о Шир, то всегда говорила шёпотом, она её не любила и побаивалась, хотя Шир была очень вежлива с Карин и старалась поменьше попадаться ей на глаза. Но хозяина дома – Эдуарда всё устраивало, в его понимании в доме наступила идиллия, с работы он спешил домой в надежде, что жена опять где-то у соседей и он сможет поужинать с Шир в гостиной. С появлением Шир в его доме, Эдуард начал чувствовать прилив свежих сил, трепетный интерес к жизни, и появилась неосознанная уверенность, что он находится в преддверии очень важного этапа его жизни, к которому он так долго шёл.

Как бы вежливо и осторожно ни вела себя Шир, уже одним своим присутствием она подавляла и вытесняла Карин. Карин это чувствовала, но ничего не могла с этим поделать, Шир любили все, кроме неё. «Я хозяйка в доме», – говорила себе Карин и выискивала малейший повод сказать об этом Шир. С течением времени Карин утратила свой беззаботный смех, она больше не выпекала ванильных печений и пирогов с корицей, но оставалась верна своим красным платьям, в которых она выглядела нелепо и вульгарно. Дни её были скучны, она мало занималась детьми и редко выходила из спальни. У Карин хватало ума понять, что она уже давно неинтересна своему мужу, но признать своё замужество неудачным у неё не доставало смелости. На рождественский вечер она разоделась по последней моде, приказала уложить себе волосы высокими коконами и, в присутствии гостей, заставляла себя улыбаться и постоянно старалась вынудить Эдуарда на внимание к ней. Но случился казус: во время танцев кто-то из гостей случайно толкнул слугу, и тот выплеснул на Карин приличную порцию грибного соуса. Карин замерла, не зная, как правильно себя повести, потом расплакалась и убежала к себе в спальню. Гости, немного помешкав, продолжили веселье, слуга присел на пол, чтобы собрать остатки соуса в подол, а Шир, она тоже была приглашена к праздничному столу, незаметно оставила гостей и пошла вслед за Карин.

– Убирайся! – крикнула Карин, когда Шир вошла к ней в спальню.

– Позвольте помочь вам, – попросила Шир и слегка поклонилась.

– Принеси мне горячей воды, раз уж пришла, – прикрикнула Карин всё тем же раздражительным тоном. – Я помоюсь и лягу спать, – зачем-то объяснила она.

– Глупости, гости ждут вас, Карин, если у вас хватает терпения выносить меня в вашем доме, то капля соуса это сущая мелочь, – сказала Шир с осторожной усмешкой.

Карин подняла глаза на Шир и тоже усмехнулась, но не так, как Шир, осторожно и сдержанно, а печально.

– Теперь понимаю, за что Эдуард влюбился в тебя, – с грустью сказала Карин.

– Это не так, господин адвокат просто очень ценит всё то, что я делаю для его дочери, – проговорила Шир, не поднимая глаз на Карин. – Позвольте, помогу вам одеться, Карин, и мы вернёмся к гостям.

Шир открыла шкаф и достала тёмно-синее шелковое платье.

– Вот, наденьте это платье, – сказала Шир, показывая Карин платье. – Синий цвет очень идёт к вашим черным волосам, Карин.

Карин покорно поднялась с кровати, она позволила Шир раздеть себя и облачить в синее платье. Но и после этого маленького происшествия Карин и Шир не стали подругами. Карин по-прежнему раздражало всё, что бы Шир ни делала, и как Шир ни старалась, у неё не получалось завоевать расположение Карин.

Как-то ненастным ветреным утром, когда прогулка на базарную площадь не могла доставить им удовольствия, Марта и Шир затеяли игру в пиратов. Это была любимая игра Марты; они расположились в гостиной, длинный диван преобразили в корабль, соорудив борта из ряда стульев и покрыв их одеялами. За окном гудел ветер, в гостиной было пасмурно, Шир раскачивалась на диване из стороны в сторону, а Марта, увлечённая игрой, безумными глазами смотрела вперёд и кричала:

– Рубите мачту! Мы все погибнем! Приказ капитана!

Шир сложила руки у лица в подобии подзорной трубы, прищурила один глаз и изобразила напряжение, затем подалась вперёд и, указывая пальцем в пустоту, прокричала, но не так громко, как Марта:

– Капитан, я вижу землю, мы спасены!

Марта оглянулась на Шир и в точности переняла её жест подзорной трубы.

– Земля! – закричала она ещё громче прежнего, – впереди земля, мы не погибнем!

Шир изобразила гребца, с усилием налегающего на вёсла.

– Остров окружён скалами, – говорила Шир, тяжело дыша, – нам необходимо найти бухту.

Марта опять сложила руки подзорной трубой и таинственно проговорила:

– Я вижу бухту, она стоит возле берега.

Шир вылезла из «корабля», встала на четвереньки и гордо сказала:

– Капитан, садитесь на вашего верного коня, мы на берегу, мы в безопасности.

Марта, ликуя от восторга, перелезла через стулья и уселась Шир на спину, как на коня. Шир подпрыгнула стоя на четвереньках, сделала несколько шагов, но запуталась в платье, они обе повалились на пол и покатались по ковру с визгом и смехом. Платок, под которым Шир прятала волосы, соскользнул с её головы, и её волосы прядями рассыпались по плечам. Шир, сидя на ковре, потянулась за платком, но Марта первая схватила платок, спрятала его за спину, подползла к Шир и стала гладить её по волосам.

– Ой, Шир, какая ты у нас красавица, – сказала она, с восторгом рассматривая Шир.

Эдуард стоял у входа в гостиную и с интересом наблюдал за игрой, на его губах блуждала улыбка, он забыл, что собирался в контору, забыл, что Карин опять не ночевала дома, он даже не пытался дать название чувству, что испытывал в тот момент. Но вернулась Карин и тут же напомнила о себе:

– Что здесь происходит? – нетерпеливо спросила она, – гостиная не место для игр, у тебя есть своя комната, Марта, вот там и играйте.

Шир хотела извиниться и сказать, что они сейчас же быстренько уберутся наверх, но Карин резко перебила её:

– Не перечь мне, Шир, я хозяйка в доме.

Шир поднялась с ковра, стащила одеяла со стульев, одним одеялом накрыла Марту, а вторым накрылась сама.

– Мы королевы, – сказала Шир Марте и подмигнула, – а это – наши королевские шубы, и мы отправляемся в опочивальню.

Они вдвоём побрели вверх по лестнице, волоча за собой одеяла. Эдуард провожал их взглядом, пытаясь представить, какой будет их следующая игра. В гостиной восстановилась тишина и уныние, ветер гудел за окном, по небу грузно ползли серые тучи. В комнате Шир предложила Марте почитать книжку про русалок, Марта согласилась. Шир читала, а Марта слушала её, но совсем без интереса, а потом спросила:

– Шир, а что такое бухта?

Шир приоткрыла глаза, и Марта тут же встала со своего стульчика и пересела на край кровати. Шир опять закрыла глаза и улыбнулась, но Марта поняла, что Шир уже не спит, и осторожно залезла к ней под одеяло. Шир притянула Марту к себе, обняла её и сонным голосом спросила:

– Какая там у нас сегодня погода?

Марта, как травинка, обвила Шир тонкими руками и утонула лицом в её груди.

– Ох и толстухой ты стала, Шир, – сказала Марта и ещё плотнее прижалась к Шир.

Погода была вполне подходящей для прогулок, на небе ни единого облака, ночной ветер разметал остатки снега и подсушил мостовые. Когда Марта и Шир спустились к завтраку, дом был пуст, хозяева разошлись по своим делам, Дина суетилась во дворе, только они, две бездельницы, всякий раз пробудившись поутру, придумывали себе развлечения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.